ЖУРАВЛИ
НАД
ХУТОРОМ

Вера Макарова

ЖУРАВЛИ НАД ХУТОРОМ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Котельнич 2009

ББК 65.321.4 (2Рос - 4 Кир)
М 15

Издание осуществлено на средства автора.

В книге использованы только стихи автора.

Фотографии автора, О. Макарова, Н. Цыганковой

Макарова В. А.
М 15 ЖУРАВЛИ НАД ХУТОРОМ. Автобиографические очерки. Котельнич. 2009 г. – 304 с.

Человек осушил болото...
Толику торфа взял.
А землю, оставив сирой,
Бросовой обозвал.
И носятся чёрные смерчи,
Нередки здесь чёрные дни,
И мало кто знает об этой проблеме –
О язвах на теле Земли.
О том, как выработанные торфяники служат человеку, рассказывает эта книга.
Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-88186-865-9

© Макарова В. А. Журавли над хутором. Автобиографические очерки. Котельнич. 2009 г.

И ПРЕКРАСНА БУДЕТ ЗЕМЛЯ НАША

Если каждый человек на куске земли своей сделал бы всё, что он может, как прекрасна была бы земля наша.

А. П. Чехов

Автор этой книги – Вера Александровна Макарова – стала фермером на самой заре развития фермерского движения, в 1993 году. Именно тогда в России начиналось зарождение сельского среднего класса. Более 200 тысяч крестьян Кировской области получили в те годы права на земельную долю, имущественный пай, а также право свободно распоряжаться плодами своего труда.

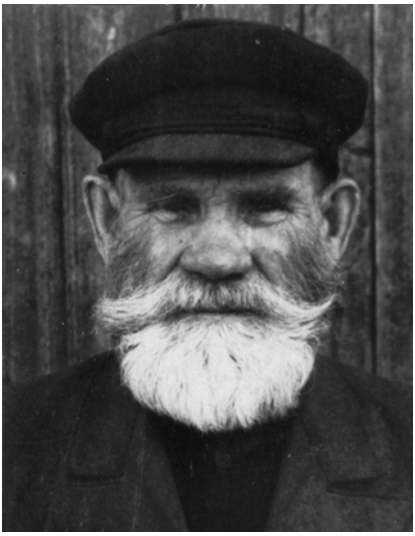
Однако воспользоваться экономической свободой поспешили немногие. А из тех, кто всё-таки рискнул, выстояли единицы. Остальные новоявленные собственники захлебнулись в бурном, непредсказуемом море российского рынка. Почему? Думается, виной тому не духовная или физическая слабость вятских крестьян (наоборот, они всегда отличались силой духа и крепостью тела), а непродуманная экономическая политика младореформаторов конца XX века.

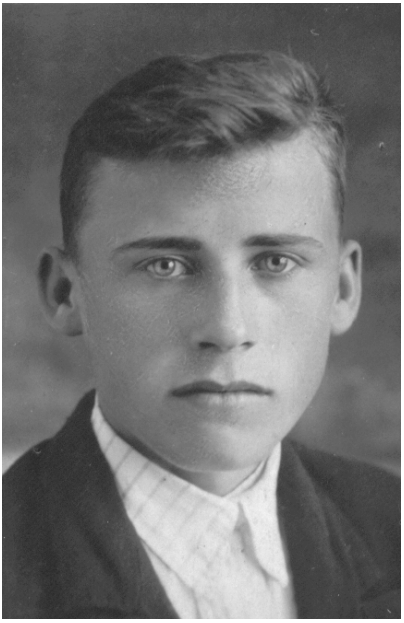
Ф. Н. Достоевский писал, что «родиться и всходить нация ... должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут». Именно так родилась и взошла Вера Александровна из Котельничского района, славного своими трудовыми традициями и именами руководителей сельских хозяйств. Мы встречались с ней несколько раз, и меня неизменно поражали светлый оптимизм этой женщины, её твёрдая воля и вера, в первую очередь, в себя, в свои силы. Поэтому, открывая эту книгу, настройтесь на то, что всё в ней правда. На её страницах не только описан путь становления и развития российского фермерства, но и приведены конкретные примеры нестандартных решений, даны квалифицированные рекомендации, например, по внедрению малозатратного метода выращивания скота или ресурсосберегающей технологии выращивания озимой ржи. И ещё многое другое.

Думаю, что опыт, размышления и выводы В. А. Макаровой будут полезны широкому кругу читателей: и тем, кто хотел бы создать своё собственное крестьянское хозяйство, и тем, кто уже давно практикует на личных садовых, огородных, дачных участках.

Верю в Веру Александровну, в таких людей, как она. Верю, что сделают они на своей земле всё, что могут. И прекрасна будет земля наша!

В. Н. Сергеенков.
губернатор Кировской области с 1995 г. по 2003 г.





Мои дедушка, мама, дядя Иван, Владик

Светлой памяти
сына Владика
посвящаю свою книгу

ВСЁ НАЧАЛОСЬ С ЖАЛОСТИ

В 1975 году я встретилась с тем, что стало смыслом моей жизни. Не знаю, было это случайностью или чем-то другим…

В то время я только начинала работать в Научно-исследовательском институте Северо-Востока. Официально моя должность именовалась: старший агроном отдела внедрения. Отдел был только что создан, и, похоже, даже руководители института не знали, чем он должен заниматься.

Первое дело по «внедрению» было: изучить результаты производственных опытов по скармливанию крупному рогатому скоту ПДО – последрожжевого осадка, так называемой «бражки». Это был отход производства Кировского биохимзавода. Я не видела этой «бражки», не участвовала в проведении опытов, но почему-то должна была агитировать директоров ОПХ за широкое применение этого сомнительного продукта на фермах хозяйств. И вот на учёном совете мне была предложена такая возможность. Выражаясь современным языком, я должна была дать рекламу новой кормовой добавке. Директор института очень любезно представил меня директорам и специалистам ОПХ и сказал: «А теперь Макарова доложит о результатах опытов, которые были проведены отделом животноводства по использованию ПДО для скармливания крупному рогатому скоту». И я сходу ляпнула то, что думала, когда обобщала эти «опыты»: «Методика опытов неверная. Нельзя было брать опытные и контрольные группы коров различными по продуктивности. Опытные группы имели удой чуть не в два раза выше и, естественно, получали в два раза больше концентратов на надоенное молоко. Так что скорее всего не «бражка», а концентраты повлияли на увеличение надоев».

Я видела, как засветились улыбки на лицах очень уважаемых мною директора Просницкой опытной станции Марьина Николая Дмитриевича, директора Федяковского ОПХ Карпова Миха-

ила Андреевича. Потом я узнала, что они очень противились внедрению этих «отходов» биохима в животноводство. И мои слова для них были поддержкой.

Но, Боже, что стало с Сергеем Алексеевичем Ярмоленко! Я ни до того, ни после не видела его в такой ярости. Обычно спокойный, даже ласковый, тут он почти яростно заявил: «Методика опытов утверждена учёным советом, и вы не смеете её критиковать, не наводите тень на плетень».

После заседания учёного совета и моего неудачного дебюта (хотя как сказать) с внедрением чужих разработок ко мне подошли сотрудники отдела животноводства и начали доказывать, что методика была правильной. Но меня их доказательства не убедили. До этого я работала в совхозе и в животноводстве неплохо разбиралась. И я нисколько не жалела, что «ляпнула» тогда то, что думала. По крайней мере, пресловутая «бражка», по применению которой уже были написаны диссертации, широкого применения не получила.

Однако отдел внедрения, хотя и небольшой – из 4-х человек, был создан. Мне кажется, создавали его, отдавая дань моде, когда модно было «внедрять». А что внедрять-то? Наука, особенно сельскохозяйственная, всегда была далека от производства. Учёные на 10–20-метровых делянках изучали свои технологии, на колхозных и совхозных полях шла своя жизнь. И вот мы (наш отдел) «пошли в народ». Короче говоря, я и руководитель нашего отдела сели в электричку и поехали в Котельнич. Почему в Котельнич? Крупный сельскохозяйственный район с умными инициативными руководителями. В райсельхозуправлении мы обратились к начальнику: «Чем может отдел внедрения НИИСХ помочь сельскому хозяйству Котельничского района?». И Пётр Иванович Рычков не задумываясь сказал, что неплохо бы, если б наука помогла освоить непривычные для сельского хозяйства земли – выработанные торфяники. На территории района два крупных торфопредприятия, ещё не старые, но за 10 лет работы только на Гороховском торфопредприятии уже освободилось от добычи около тысячи гектаров, и площади выработок ежегодно увеличиваются. Что-то подсказало мне: «Это **моё!**». И я не разду-

мывая согласилась «решать проблему освоения выработанных торфяников». Помочь мне начать работу было поручено главному землеустроителю района Одегову Алексею Николаевичу. Уже на другой день на электричке мы с ним доехали до станции Иготино и оттуда пешком добрались до посёлка Комсомольский. Тогда ещё не было посадочной платформы у посёлка торфяников, и поэтому все, кто приезжал и уезжал, вынуждены были проделывать четырёхкилометровый путь по шпалам. Директора торфопредприятия на месте не оказалось, мы пошли к главному инженеру Хасанову М. Х., представились и рассказали о цели своего приезда. Я сказала, что хочу воочию увидеть земли, которые буду осваивать. И мы втроём отправились на 1-й производственный участок, благо от посёлка он находился всего в полутора километрах.

Был конец апреля, в лесу ещё много снега, и мы добрались до гаража, увязая по колено в рыхлом весеннем снегу. Дошли до узкой колеи, и глазам открылся совсем другой мир. Огромные площади чернели под открытым небом, на них нигде не видно было снега, лишь кое-где поблескивала вода. На площадке в линейке готовности стояли машины, большинство которых я видела в первый раз. Это была техника для уборки торфа. На площадях ровными рядами высились караваны торфа. Инженер объяснил, что на 1-м участке в этом сезоне добыча заканчивается. Большая часть техники и людей уже начинает работу на третьем производственном участке, за семь км от посёлка.

Какие чувства испытала я, когда первый раз встретилась с тем, что стало смыслом, делом моей жизни? Чем отозвались во мне эти чёрные от торфа и белые от песка полигоны, на которых ни кустика, ни травинки? А некоторые участки уже лет 5–6 как не убирались. «Ничего на этих землях не растёт, и вряд ли будет расти», – авторитетно заявили рабочие, которые подошли к нам. Я задала им вопрос: «А что будет на этих землях через год, через 10 лет? Какова судьба этих земель? Не жалко вам их?». Рабочие даже удивились: «А чего их жалеть? Торф мы с них взяли, теперь пусть снова заболачиваются. Плохо только, что ветер с них последний торф сдувает и песок на караваны несёт, от этого золь-

ность торфа увеличивается. И пожары на этих площадях бывают. А что вы-то собираетесь на нашем болоте делать?». Я популярно объяснила, что хочу превратить эти заболоченные земли в луга, на которых можно будет заготавливать сено, производить витаминно-травяную муку, пасти коров. – «Сено – это хорошо, а то у нас ни косить негде, ни скот выгнать некуда, на канавах насём, а там одна осока да камыши. Но вообще-то это мечты: кто тут будет этим всем заниматься, у нас своя работа, а колхозы от нас далеко, и не надо это никому. Мечтать невредно, а так лежали эти земли до вас и сейчас такими же останутся. Разве что кустами зарастут, охотиться будем. Так что бросьте вы это дело, ничего у вас не получится». Было в этих словах равнодушие и даже жестокость. Ведь это они, эти самые люди, с таким трудом отвоёвывали у природы каждый метр нелёгкой земли. Это они осушили непролазные болота, это они свели лес, выкорчевали крупные пни машинами и вручную собрали мелкие пеньки. Это они разрабатывали торфяную залежь и послойно год за годом убирали то, ради чего всё это началось. Это они кормили кровожадных комаров, задыхались от жары и пыли в кабинах тракторов. Да что там говорить, труд торфяника на любой стадии нелёгок, а иногда просто изнурителен. Кто не видел столбы торфяной пыли, которые в жару поднимаются к небу и видны за десятки километров? А ведь в центре этой пыли находится тракторист, который работает с торфоуборочной машиной. Да и другие операции на торфодобыче: будь то фрезерование, валкование, уборка, окараванивание добытого торфа, прокладка временных путей, погрузка, вывозка – тоже не из лёгких. Даже просто находиться на этих чёрных площадках в жару и то не очень-то комфортно, особенно если вокруг снуёт техника, которая скрыта облаками раскалённой торфяной пыли. И тем удивительнее было слышать от этих людей равнодушные слова о судьбе выработок. Мне почему-то вспомнились слова Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Разве не относятся они к этой земле, которая превратилась в хорошую или плохую (это уж другой вопрос), но стала рукотворной? И совсем немного нужно человеку затратить сил и средств, чтобы стала эта земля не рукотворной пустыней

или прежним болотом, а превратилась в рукотворные нивы, луга, пастбища.

И испытала я при первой встрече с этой беззащитной землёй острую жалость к ней. Это потом всё перерастёт в любовь, привязанность, долг, а пока – только жалость. Жалость к земле, с которой человек забрал то, что мог, и которую уже был готов забросить.

Человек осушил болото…
Толику торфа взял.
А землю, оставив сирой,
Бросовой обозвал.
И носятся чёрные смерчи,
Нередки здесь чёрные дни.
И мало кто знает об этой проблеме –
О язвах на теле Земли.

И вот началась у меня совсем новая жизнь. Времени на организацию незнакомого не только для торфопредприятия, но и для меня дела было мало. Заканчивался апрель, в мае надо было сеять. А у нас не было ничего: ни сельхозтехники, ни семян, ни удобрений. Да и сама форма освоения была неясна: кто будет этим заниматься, кто будет сеять и пожинать плоды твоих трудов. В конце концов неясно было, как я буду осваивать эти земли, если я работала в Кирове, а дело требует ежечасной моей работы, не просто участия, а именно работы. И кто будет платить институту за мою работу? У торфопредприятия на это нет средств: в промфинплане ни одного рубля не заложено на выполнение каких-то непредвиденных научных работ. С директором торфопредприятия Горбуновым Николаем Дмитриевичем мы нашли выход из ситуации. Пусть заплатит за хоздоговор колхоз, а потом предприятие рассчитается с ним продукцией со своего болота. У колхоза есть особая статья расходов: «За выполненные научные работы».

По существующему положению выработанные торфяники передавались для дальнейшего использования прежним землевладельцам. Поля добычи Гороховского торфопредприятия находились на территории колхоза «Ударник» Котельничского рай-

она, следовательно, этому колхозу и возвращались.

Председателем колхоза «Ударник» в то время был Николай Александрович Гребенев. Надо сказать, что это хозяйство, имея всего около 2000 гектаров сельхозугодий, располагалось на территории 47000 гектаров. Почвы в основном песчаные, переувлажнённые (неудивительно, кругом болота), очень бедные. Кормов для животноводства всегда не хватало. Поэтому, когда я встретилась с председателем колхоза и предложила сотрудничать по освоению выработанных торфяников и производству на них кормов, он без раздумий согласился. Условия мои были такие: колхоз должен заключить с институтом хоздоговор, по которому я должна разработать «Мероприятия по сельскохозяйственному освоению выработанных торфяников». За эти «мероприятия» колхоз перечисляет институту пять тысяч рублей. Процедура подписания договора не заняла много времени: институту нужны были эти деньги. Попутно я ещё в трёх хозяйствах района заключила договора: итого на сумму 20 тысяч рублей. Конечно, институт несколько однобоко хотел делать эти работы. Максимум от хозяйства, минимум – от института.

Я по своей натуре человек обязательный и считала, что мои «мероприятия» должны быть не столько напечатанным, переплетённым текстом, сколько моим непосредственным живым участием и организацией этих «мероприятий». Зато у руководства института и даже у руководителя отдела эти понятия были противоположными. Почему-то считалось, что институт должен представить хозяйству перечень рекомендаций, переписанных из различной научной литературы.

Чего стоило выпроситься в командировку! Прихожу к директору института с заявлением: «Нужно ехать на Гороховское торфопредприятие». – «Зачем?» – «Надо начинать сев». – «А что, там без вас не посеют?». Доказываю, что не посеют: там не только нечем сеять, там некому сеять, там нет семян, там нет удобрений, там, в конце концов, это пока никому не нужно. – «А вам зачем это нужно?». И снова убеждаешь, доходит до слёз, наконец, от меня просто отмахиваются и – о, счастье! – подписывают командировку аж на целую неделю.

ИДУ СВОИМ ПУТЁМ

С великой радостью и трепетом мчусь на новую встречу со своими торфяниками. Теперь мне кажется, что и они ждут меня с таким же нетерпением. И вот я снова в посёлке Комсомольском. Поселяюсь в гостинице. Мне надо торопиться. Мало времени, невелика командировка, а дело ещё не сдвинулось.

С начальником производственного участка Колонсковым Александром Павловичем обходим выработанные площади, определяем, какие из них без рекультивации можно засеять в первую очередь. Важно начать.

Еду в колхоз, прошу трактор с сеялкой, разбрасыватель удобрений. Как ни странно, Николай Александрович отрывает от своих посевных работ двух трактористов с техникой. В объезд, это чуть не 20 км, пришли трактора из колхоза, один трактор с разбрасывателем удобрений – НРУ-0,5 «лейкой», другой – с льняной сеялкой. Сеялка очень старая, из нее не только семена трав, зерно сыпалось бы во все щели. Как отрегулировать такую сеялку на высев мелких семян тимофеевки? Семена и сложные удобрения я завезла с большим трудом. Семена тимофеевки – с Котельничской семстанции, удобрения – с Веснинской сельхозхимии. А ещё почву надо обработать. Чем? В колхозе нет лишних дисковых борон, всего одна, и она в работе – идёт сев. Подумала я и решила: от услуг сеялки отказываюсь. Смешиваем семена тимофеевки со сложными удобрениями, засыпаем их в НРУ и рассеиваем по необработанному торфянику. Но нужно заделать семена, нужно прикатать посев. Ещё раньше я присмотрела у торфодобытчиков одну очень умную машину – фрезбарабан. Она состоит из нескольких секций, основа которых – валы с острыми шипами и сзади – уплотняющие катки. «Чем не комбинированный агрегат?» – решила я. И взрыхлит почву, и заделает семена, и прикатает посев. И ширина захвата очень приличная – 6,5 метра.

За один день тракторист из «Ударника» «лейкой» – разбрасывателем удобрений «посеял» тимофеевку на 40 гектарах. Я и ещё один рабочий равномерно перемешивали семена с гранулированными удобрениями и медным купоросом, который я купила в хозяйственном магазине, загружали смесь в разбрасыватель. На

другой день с производственного участка в моё распоряжение дали трактор с приглянувшимся мне фрезбарабаном. За рабочую смену наши первые посевы были обработаны и прикатаны. Я подсчитала расход семян и удобрений на гектар: получилось по 18 кг семян и по 90 кг нитрофоски.

Как я боялась за этот первый посев! Вряд ли кто-нибудь когда-нибудь сеял травы таким способом. Ну, сеять-то разбрасывателем куда ни шло, подсевают клевера «лейкой» весною по малому снегу, но заделывать семена фрезбарабаном… Вряд ли кому это приходило в голову. Боялась я за равномерность всходов, боялась за то, что в самом верхнем слое может быть высока концентрация питательных веществ. Дождей после посевов долго не было, и я вообще боялась, что всходы погибнут или совсем не появятся.

Очень хорошо получилось, что целых четыре колхоза были у меня в районе. В колхозе «За коммунизм» я делала расчёт кормовой базы для животноводства. Сделала вывод, что в колхозе в кормах не сбалансировано сахаро-протеиновое соотношение. В расчётах ввела в структуру площадей корнеплоды и даже сама организовала посев куузику обычной зерновой сеялкой (овощной в колхозе не было). Ещё в одном хозяйстве – «Заветы Ленина» – разрабатывала мероприятия по коренному улучшению естественных сенокосов за Вяткой – заливных лугов. Ещё для колхоза «Знамя Советов» я разрабатывала систему семеноводства зерновых. До сих пор удивляюсь, как руководители и специалисты этих хозяйств доверяли людям со стороны такие ответственные расчёты и выводы, ведь не бесплатно это всё делалось. Только за мою работу в один год институту было перечислено 20 тысяч рублей. А это тогда были очень немалые деньги. Может, это было уважение к науке, а может, просто желание заполнить графу «Затраты на научные исследования». Справедливости ради скажу, что во все свои договорные работы я вникала, как в своё собственное дело, и старалась внести свой вклад в развитие колхозов, которые мне доверяли.

Но, конечно, своим основным делом я считала возрождение выработанных торфяников. Я рвалась туда, как только представлялась малейшая возможность. Решив очередные задачи по дру-

гим хозяйствам, я на попутках, а иногда и пешком добиралась до Комсомольского, а оттуда на своё благословенное болото. Так было и в этот раз, когда я спешила увидеть (боясь не увидеть) всходы моей тимофеевки. Был яркий день. Лето только начиналось. Торфяник, по которому я торопилась к своим посевам, ласково пружинил под босыми ногами. И вот я добежала до своего 12-го сектора, где двенадцать дней тому назад мы так необычно посеяли травы. Добежала и… заплакала. От счастья, от радости, что получилось, получилось здорово. На чёрном торфе топорщились остроногие тёмно-зелёные шильца тимофеевки. И на кончике каждого из них сияла бриллиантовая капелька росы.

Я была одна, мне некого было стыдиться, я встала на колени на мягкую добрую землю и целовала её. И в этот момент я дала себе клятву, что не оставлю её, что буду делать для неё всё, что могу. Первый экзамен был сдан. Конечно, успокаиваться ещё рано. Я знала, что на этих землях всходы могут появиться, но, израсходовав запасы семени, могут и погибнуть (если недостаточно внесено питательных веществ с удобрениями).

С директором торфопредприятия мы обговорили возможность начала рекультивации некоторых участков выработок, чтобы подготовить их для залужения в следующем году. Наметили площадь – приблизительно 350 гектаров. Николай Дмитриевич сказал, что подключит к этому делу своего человека – начальника пожарной команды Кузнецова Аркадия Степановича.

В следующий приезд мы обошли с Аркадием Степановичем площади, которые предполагалось засеять в будущем году, на каждом участке определили виды работ, которые необходимо провести. Тут были в основном бульдозерные и экскаваторные работы. Поперёк существующей картовой сети, которая нарезана через сорок метров и после добычи торфа была едва заметна, необходимо было через 500 метров нарезать новые осушительные канавы – кавальеры, выкидку тщательно разровнять по площади и вообще с помощью бульдозеров выровнять участки. В очень низких местах я предложила вырыть водоёмы, в которые потом можно будет запускать рыбу.

Не забыла я и про свои посевы. Тимофеевка к середине

июля вымахала чуть ли не в мой рост, густая, чистая, султаны крупные, длинные. Её нужно было косить: в первый год жизни нельзя было давать ей обсеменяться. А чем косить? На предприятии нет косилок. Съездила в «Ударник», председатель с радостью согласился послать технику, выкосить и прибрать сено, тем более что на колхозных сенокосах – неурожай.

Довольная, что «пристроила» свой первый урожай на столь дорогом для меня болоте, я уехала в Киров и довольно долго не смогла приехать в район. Где-то в сентябре удалось мне добраться до своих сенокосов. Шла по болоту, некоторые участки уже преобразились и белели свежевырытым и растолканным по площадям песком. Другие, ещё не тронутые рекультивацией, были покрыты густой сетью широких трещин, через некоторые приходилось перепрыгивать. Шла и мечтала увидеть свою тимофеевку в скирдах, или в тюках, или, на худой конец, в стогах. Но их должно быть много. Как же – стеной стояла трава. Перебралась через канаву и снова… разревелась, только не от радости, а от разочарования и злости. Моя тимофеевка была скошена. Но роскошные когда-то валки превратились в почерневшую гниль. Тонн 160 сена (самое малое) ненужным и даже вредным мусором лежали на моих полях. Колхозники, которые сами сеяли эти участки, скосили их и… забыли? Разыскала председателя. Николай Александрович виновато объяснил, что скосили тимофеевку, начались дожди, в колхозе начали силосование, а там, как установилась погода, своё сено прибрали. А сено на болоте они почему-то своим не считали. Так и сгноили корм, которого хватило бы на четверть колхозных коров. Прекрасное сено, в колхозе не видали таких трав. Кого было винить в этой истории? Кого угодно, только не мои торфяники. В этот год они заставили поверить в себя не только меня. Рабочие торфопредприятия, которые вначале с недоверием отнеслись к нашей затее, специально ходили на мои посевы, удивлялись, как скоро торфяник отозвался на заботу о нём.

Конечно, если б знать наперёд, что колхоз так «распорядится» урожаем трав, можно было отдать эти рукотворные сенокосы рабочим торфопредприятия. Уж тут-то можно было быть уве-

ренным – до травинки бы прибрал частник сено. На самом деле, не было у рабочих хороших сенокосов, косили на опушках леса, в неудобьях осоку да разнотравье.

Но как было отдавать, когда сеяли-то колхозники и за мою работу колхоз рассчитывался? Но это мне послужило наукой. Нечего рассчитывать на чьи-то силы, надо на свои надеяться, на свои, то есть на торфопредприятие.

За зиму я постаралась помочь приобрести необходимую сельхозтехнику: зерно-травяную сеялку, разбрасыватели удобрений, дисковую борону. «Постаралась помочь» – не те слова. Я добывала всё это сама. Не было же фондов на сельхозтехнику для торфопредприятия – для колхозов не хватало. Чего мне это стоило, если ещё учесть, что я выпрашивала всё это, не будучи в штате торфопредприятия, а работая старшим агрономом в НИИСХ! Сколько бумаг было исписано, сколько кабинетов было пройдено. Но, правда, партийные и советские органы довольно любили новое, и, наверное, поэтому я добивалась и фондов на технику, на семена, на удобрения. Вообще, надо сказать, работалось мне легко. Сами поездки по хоздоговорным делам доставляли удовольствие, мне часто приходилось встречаться с новыми интересными людьми. Мне даже интересно было составлять эти самые «мероприятия». Я много читала научной литературы, делала много расчётов. Но постоянно точила мысль: а что же будет с моими торфяниками, когда закончится срок договора, когда я сдам свои «мероприятия», когда хозяйство рассчитается с институтом? Может быть, торфяник обойдётся без меня, когда я научу на нём работать людей (хотя вряд ли), но я-то без него не обойдусь. Чтобы не разрывать связь, уже живую связь между мною и такими необычными землями, я решила поступить в заочную аспирантуру. Выбрала, вернее, сама придумала тему аспирантской работы: «Влияние различных приёмов обработки почвы и доз минеральных удобрений на урожай многолетних трав при ускоренном залужении выработанных торфяников Кировской области».

Очень ёмкая и актуальная тема. Вообще, надо сказать, что разговоров о выработанных торфяниках в то время было немало.

Сейчас о них мы слышали гораздо меньше, хотя стало их во много раз больше. В Кировской области в то время (1976 год) их было более 20 тысяч гектаров, сейчас – более 100 тыс. га. Когда я занималась по теме в Ленинской библиотеке, скажу, забегая вперёд, что, знакомясь с диссертациями по теме «Выработанные торфяники», я поразилась, насколько они были далеки от производства, от жизни, насколько предполагаемые технологии обработки торфяников многочисленны, трудоёмки. И вообще, если бы производственник с торфопредприятия задумал освоить бывшее болото под сельское хозяйство и почитал эти диссертации-рекомендации, он бы схватился за голову и отказался бы от своих планов. Заумно и нежизнеспособно. Минимум 7–8 обработок перед посевом, припахивание песка, или, ещё абсурднее, для увеличения объёмной массы торфа предлагается завезти на слой торфа до 400 т/га песка, распределить его равномерно на площади и вспахать участок. Или ещё: в качестве предварительной культуры посеять на торфянике вико-овсяную смесь, а в конце вегетации прикатать и… запахать. Хотела бы я видеть, как это сделать на практике, да и нужно ли это. Зачем возить песок на площади, которые и так пестрят им. Как вообще можно на этих землях ставить опыты на мизерных делянках? Я вспомнила, как, ещё будучи студенткой, вместе с профессором Эмилией Адриановной Штиной и преподавателем почвенной микробиологии Ларисой Александровной Юнг мы были на Лугоболотной станции. И там один, тогда ещё начинающий учёный по выработкам (онто и писал позднее основные рекомендации по использованию их) с гордостью показывал Эмилии Адриановне и Ларисе Александровне свои **деляночки** вроде бы по различным дозам удобрений выработанных торфяников. Эти деляночки представляли из себя тщательно приглаженные холмики с крестообразными этикеточками. Очень уж они мне напоминали что-то. «Ой, как могилки», – наивно рассмеялась я, не понимая, что этим самым до глубины души раню автора «могилок». Потом я узнала, что эти опыты были забракованы научной комиссией.

Ну и на самом деле, какие могут быть холмики, какие борозды, когда речь идёт об изучении технологии освоения нарушенных земель. Я вообще считаю, что наука, создавая свои рекомен-

дации для производства, иногда очень многое усложняет, очень многое додумывает, «высасывает из пальца». Я не говорю про всю науку, но многие «учёные» творят свои «научные шедевры», сидя в кресле, расхаживая по паркету, изучая свой «объект» по научным трудам предшественников.

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

Целью моей аспирантской работы явилась разработка приёмов обработки почвы, способствующих ускоренному залужению выработанных торфяников при минимальных затратах труда и средств. Руководителем аспирантуры стал ректор института Макаров Иван Павлович. Однако очень скоро его перевели на работу в Москву в Министерство сельского хозяйства СССР. Официально Иван Павлович оставался руководителем моей темы, которая не вписывалась в тематику работ кафедры. Так что в своих «творческих поисках» я была предоставлена самой себе. Это было даже неплохо: я всегда любила самостоятельность. Не откладывая дел, в течение зимы капитально подготовилась к новому сезону на своём болоте. Теперь я была уверена в своих силах. Опыт первых работ по освоению выработок явно удался, на торфопредприятии и даже в колхозе поверили в мои знания и возможности, на довольно большой площади, около 300 гектаров, уже была проведена рекультивация по моим планам. Я с радостью ждала новой встречи со ставшей мне родной землёй.

Тщательно составила план проведения опытов, разработала методику наблюдений, учётов результатов опытов. Моими консультантами были учёные сельхозинститута, нашего зонального института. Несколько раз я ездила на Лугоболотную опытную станцию, там советовалась с учёными. Много специфичных методик проведения опытов на торфяниках, поэтому помощь специалистов была необходима.

Учёные Лугоболотной, считающие себя самыми авторитетными знатоками выработок, порекомендовали мне поменьше заниматься «самодеятельностью» на этих землях. Так, например, посоветовали в качестве фосфорных удобрений использовать только суперфосфат, но никак не фосмуку, не сеять на выработ-

танных торфяниках клевера, не увлекаться ежой и в качестве основной обработки использовать только вспашку.

И вот новый сезон 1976 года. В моём распоряжении был ещё один год (хоздоговор был заключён на 2 года). Срок аспирантуры – 4 года. Я боялась заглядывать на год вперёд. Знала, что за весну – лето я должна сделать много, очень много. Я должна провести залужение на производственных площадях минимум на 350 гектарах, я должна заложить два научных опыта по изучению различных технологий обработки и доз удобрений на выработанных торфяниках.

Для закладки опыта я облюбовала свежевыработанную карту на 6-м секторе, общей площадью 2 гектара. Тщательно разметила на своём опытном поле делянки, внесла по схеме минеральные удобрения. Самой трудновыполнимой операцией по обработке торфяника для меня оказалась вспашка. За все остальные обработки: дискование, фрезерование, боронование, прикатывание – я не беспокоилась. На предприятии уже была соответствующая техника. А вот плуга не было. Я нашла выход из положения. Недалеко от посёлка, километра за два, тогда ещё на колхозном поле, работал трактор с плугом. Я подошла к трактористу с просьбой за определённую плату вспахать 16 делянок, общей площадью чуть больше 10 соток. Тракторист, почти не раздумывая, согласился. Я села к нему в трактор, и мы быстро оказались на моей опытной плантации. Я показала ему первую опытную делянку, он опустил плуг и, не проехав метра, зацепил «мертвяк» – огромный погребённый пень, метров пять длиною. Я не предвидела такого оборота дела – площадь-то была ровная и не было видно никаких пней. Тракторист тем более не ожидал ничего подобного. Часа три, вместо выпрошенных мною «полчасика», мучались мы, вытрелёвывая из торфа огромные «мертвяки». В основном-то мучения достались трактористу, ему даже пришлось сменить три лемеха. Я чувствовала, что в душе он проклинал и меня, и мои опытные делянки, и себя за то, что связался с незнакомой авантюристкой. Мои же муки были морального плана. Мне было просто стыдно, что я, не зная последствий, втянула постороннего человека в своё дело. С другой стороны, вы-

бора-то у меня не было. Но, как говорится, нет худа без добра.

При вспашке этих делянок я убедилась, что нельзя верить ни одному слову рекомендаций учёных, которые так широко рекламируют для обработки выработанных торфяников плуг. Операция «вспашка» на свежевыработанных торфяниках из-за множества погребённых пней является практически невыполнимой.

Остальные обработки на остальных делянках я провела быстро и с удовольствием. Единственно, что разозлило меня: машинист фрезбарабана приехал на мои делянки крепко «поддатый» и большого труда стоило соблюсти чёткость и прямолинейность обработки.

До и после посева тимофеевки было проведено прикатывание тяжёлыми водоналивными катками.

После закладки опытов, которые должны были дать ответ на вопрос: какие обработки выработанного торфяника – мои или рекомендованные учёными – окажутся более эффективными, я переключилась на залужение уже подготовленных площадей торфяников. Торфодобытчики с 1-го производственного участка к тому времени переправились на более удалённые площади, оставив мне в наследство производственную базу, утопающую в черёмухе.

Посевы прошлого года, столь неудачно «убранные», выглядели прекрасно. Тимофеевка уже в конце апреля зазеленела, и даже сгнившие валки не помешали ей. Она пробилась через них.

Николай Дмитриевич Горбунов всячески содействовал новому делу. Бригада трактористов из 3-х человек была отдана в наше распоряжение. В наше, потому что теперь у меня был помощник – начальник пожарной команды. Аркадий Степанович был очень интересным человеком.

Бывший фронтовик, один из тех, кто стоял у истоков торфопредприятия, он каким-то внутренним чутьём понял, что новое дело должно изменить судьбу не только этих земель, но и людей, которые на них работали. Николай Дмитриевич рассказывал, как загорелся желанием помогать мне в освоении торфяников Кузнецов. При первой встрече со мною Аркадий Степанович сказал: «Я, Вера Александровна, буду помогать тебе во всём, тем самым

я буду делать свое противопожарное дело. Представляешь, если мы засеем выработки травами, тогда ведь пожаров на них не будет вовсе, а если где-то очаг и возникнет, то травы не дадут распространиться огню. Не думайте, что пожарники должны много работать. Самое лучшее, когда пожарник спит. Не мною сказано: «Пожарник спит – государство богатеет».

Итак, площадки под залужение были подготовлены ещё в прошлом году, техника была, семена закупили, не было минеральных удобрений. А их тогда и колхозам-то не хватало, а мы – мы внеплановые, фондов нет, значит, и удобрений для нас нет. А их надо много, тем более что Лугоболотная не рекомендовала использовать в качестве фосфорного удобрения фосмуку – только суперфосфат, лучше двойной, гранулированный.

И вот каждое утро в 6 часов я садилась в легковую машину (пожарную) и ехала на Веснинскую базу минеральных удобрений. Как раз приезжала туда к началу планёрки и всеми правдами и неправдами вымаливала удобрения. Хорошо было то, что управляющим Веснинской химией тогда работал бывший однокурсник. Иногда мне выделяли одну машину, иногда посылали сразу несколько машин, и тогда я, сияя от счастья, отпускала легковую в поселок, а сама добиралась до своего болота во главе целой автоколонны с таким ценным грузом. В конце концов суперфосфат мне не стали давать, да и дорого это было, и я рискнула: стала брать фосмуку, которая была не в дефиците и стоила дёшево. Из расчета 3–4 тонны на гектар мы стали вносить ее под посев. В качестве калийного удобрения вносили хлористый калий, в качестве азотного чаще мне доставался сульфат аммония. Семена перед посевом я смешивала с медным купоросом и бормагниевым удобрением. Технология залужения была довольно простой. По торфянику, не тронутому обработками, вносились удобрения, затем участки дисковались, прикатывались и засевались травами. Одновременно с посевом вносились сложные удобрения, килограммов 50 на гектар. Посеянные площади снова прикатывались. Травы – в тот год тимофеевку и овсяницу луговую – я высевала в чистом виде, с расчётом на собственное семеноводство. На 20 гектарах был заложен производственный опыт.

По свежевыработанному торфянику были внесены минеральные удобрения, без всяких обработок произведен посев тимофеевки в чистом виде с одновременным прикатыванием.

Заглядывая вперёд, скажу, что участки с моими обработками «без обработки» в течение 7 лет давали прекрасные урожаи семян и сена. Опытные делянки были под моим постоянным контролем. Множество наблюдений, учётов, определений влажности почвы, объёмного веса почвы, капиллярной влажности, микробиологической активности почвы и т. д. Конечно, всё это давалось мне нелегко. Но мне было очень интересно. И, главное, я убеждалась: я со своими технологиями на верном пути.

Результаты этих учётов, наблюдений, взвешиваний фиксировались мною в полевых дневниках. Перелистывая сейчас эти дневники, разглядывая слайды, фотографии, читая отчёты по аспирантской работе, удивляюсь сама себе: как я могла так много успевать. Иногда прикидывала, и получалось: минимум по 40 км в сутки приходилось мне пробегать по своим торфяникам, да, именно пробегать – шагом ходить не получалось – некогда было. Да и счастливая, оттого что делаю **своё** дело, я будто летала. С одной стороны, вроде бы было трудно: постоянно приходилось что-то добывать, кому-то что-то доказывать. С другой стороны, было легко: мне верили как власти, у кого были всякие фонды, так и рабочие, с кем приходилось вести рекультивацию и залужение.

«БЫЛА СРЕДЬ ПОЛЕЙ ДЕРЕВЕНЬКА…»

За сыновей в то лето я тоже была спокойна. Владик (ему тогда было 11 лет) и трёхлетний Олежка были у мамы в Стрижах, и я частенько из Комсомольского мчалась туда, чтобы повидаться с ними.

Иногда из Кирова добиралась до своего болота не на электричке, а с представителями областных ведомств. Запомнилась командировка в Котельничский район, когда я уезжала из Кирова на «уазике» с главным землеустроителем области Истоминым Владимиром Васильевичем. Он был заинтересован в скорейшем освоении нарушенных земель и поэтому помогал мне в моём деле, как мог. Вот и сейчас в его планах поездки по Котельнич-

скому району было ознакомление с нашей работой по залужению выработок. Мы ехали по Юрьянскому, потом по Халтуринскому району. Владимир Васильевич смотрел на мелькающие по сторонам заросшие сорняками поля зерновых и почти скрипел зубами, повторяя, как заклятие: «Что-то надо делать». Мне вообще импонировало в этом человеке неравнодушие к трудностям сельского хозяйства области, а особенно то, как он отнесся к очень непростой проблеме освоения нарушенных земель силами и средствами торфопредприятий. И я думаю, что не без участия Владимира Васильевича в те годы вся область была охвачена мелиорацией, и через 2–3 года поля Халтуринского района, которые так ужасали главного землеустроителя, были неузнаваемы, а болото перед Моломой превратилось в рукотворный сенокос.

Владимир Васильевич за эту поездку должен был побывать ещё в колхозах имени Кирова и «Ударник». Оба эти хозяйства для меня были небезразличны. Центр колхоза имени Кирова – село Александровское, в двух километрах от которого была раньше деревня со странным названием Судомойки, там родилась и жила до 16 лет моя мама. Истомин решил свои рабочие вопросы в Александровском, и я упросила его доехать до Судомоек. «Да ничего там не осталось, по площадям прошла мелиорация», – отговаривал меня Владимир Васильевич, но в конце концов сдался. Если бы не карта, на которой были обозначения старых деревень, мы могли бы и не найти то место, где когда-то находились Судомойки. Я была у дедушки последний раз в году 54-м. Мне запомнилось, что уже в то время немного было жилых домов в деревне.

У деда был большой сад, с яблонями, вишнями, настоящей душистой клубникой, крыжовником, всё это обильно плодоносило, рос даже абрикос, который дедушка откуда-то выписал. У него было много литературы по садоводству. Он успешно занимался пчёлами. До сих пор помню вкус меда, который он привозил нам в берестяных бурачках, им самим сделанных. Никогда ни до, ни после я не видела столько плодоносящей вишни. Она наподобие ивы росла вокруг сада и в пору созревания была усыпана крупными сочными тёмно-красными плодами. Была ещё

одна вишня у дедушки. Она росла в виде дерева, штамбовая, потом узнала я. И вот, когда я приехала, на ней было ещё много ягод. Я забралась на неё и тихонько, тайком от деда, объела все. Дедушка утром спросил: «Вера, ты не собирала вон с той вишни ягоды?». Мне было стыдно признаться, и я сказала: «Нет, дедушка, не собирала». – «Значит, это Марьины внуки обобрали, а я для тебя оставлял, уж больно сладкая ягода была на этом дереве». До сих пор мне стыдно, что я соврала деду. А дед мой был человек необыкновенный. Он казался мне похожим на Льва Толстого: тоже высокий, с красивой окладистой бородой, но более улыбчивый и с добрыми глазами.

История каждой семьи, каждого человека не менее важна, чем история родины, а тем более, чем история какой-то партии, которую мы с усердием изучали в школах и вузах.

По жизни моих прадеда, деда (так же, как и других людей тех поколений) можно было бы писать историю русского крестьянства конца XIX – середины XX века. И жаль, что лишь немногие страницы этой истории можем раскрыть мы, их потомки. Мой дед, а также и моя мама умели интересно рассказывать, и многое можно было узнать интересного, чего не прочитаешь ни в каких книгах, не увидишь ни в каком кино, если когда-то в юности мы хотели бы, мы умели бы слушать. Поздно мы это понимаем. Теперь бы и слушал, да некого. И опять мы, сами ставшие почти стариками, повторяем ошибки юности: ничего не рассказываем детям, внукам. Так вот и рвётся живая нить, которая могла бы связать поколения родных людей. Что я знаю о своём деде Титове Никаноре Маркеловиче? Знаю, что родился он в 1883 году, что его отец, мой прадед Маркел Андрианович прожил 104 года. У деда моего было шестеро сыновей и одна дочь, моя мама. Жили они дружно. У них было три коровы, лошадь, был надел земли, и только своим трудом они жили и не считались бедняками. И знаю, что, когда в этих местах создавался колхоз «Безбожник» и дедушка, которому само это название казалось диким, не захотел вступать в колхоз, ему присвоили «звание» кулака и вместе с семьёю сослали куда-то. Куда? Я не знаю. Правда, скоро они вернулись в родные места. Но мой дед так и не записался в колхоз. Он был

неплохим кузнецом, шорником, возглавлял плотницкую бригаду, короче, работал для колхоза, но до конца своей жизни числился единоличником. Дядя Вася, брат мамы, частенько говорил: они не одобряли отца, моего деда, что он не вступил в колхоз. На биографиях всех сыновей графа в анкете «сын единоличника» отразилась не лучшим образом. Уже много лет, как нет моего дедушки, а я то от одного, то от другого человека узнавала о нём. Мне кажется, что о хороших людях память бывает более долгой. Иван Ильич Андрианов, бывший фронтовик и егерь Нургушского заказника, с удивлением узнал, что я внучка Никанора Маркеловича, того самого плотника, у которого в бригаде работал он до того, как ушёл на фронт. Иван Ильич рассказывал мне о моем деде, говорил, что плотник он был знатный, а как человек – отличный, был и добрым, и строгим, и умным. И ещё Иван Ильич рассказывал о младшем мамином брате Иване, с которым вместе учился. Рассказывал, какой весёлый, шебутной, добрый был мой дядя Ваня. Ему едва исполнилось 18 лет, когда после окончания Ярославского миномётного училища он был направлен на фронт. Мама рассказывала мама, от него пришло письмо, в котором он писал, что едут на фронт, а кругом рвутся снаряды. И не было после этого от младшего маминого брата никакой весточки. Конечно, мало ли мальчиков полегло в той войне. Но вдвойне обидно и горько было и деду, и бабушке, которая скоро после войны умерла, да и всей семье, и даже нам, что наш дядя Ваня даже в списках «без вести пропавших» не значится.

Дядя Вася, который сам был участником войны и делал немало запросов о судьбе брата во всякие военные инстанции, ничего вразумительного в ответ не получил. И вышла Книга Памяти, в которой нет ни строчки о моём дяде Ване. И стоит в селе Александровском стела, на которой много не вернувшихся с войны Титовых с инициалами (даже не удосужились местные власти полными именами, отчествами повеличать своих защитников), но нет среди них Титова И. Н. Осталась от дяди Ивана только фотография, где он молодой, очень красивый, с тёмными вьющимися волосами и не по-юношески грустными глазами.

И вот мы с Владимиром Васильевичем приехали в деревню

Судомойки, вернее в то, что от неё осталось. Я-то размечталась, что хоть старые тополя, хоть какие-то кустики из дедова сада напомнят о том, что здесь была жизнь, не одну сотню лет жили люди, которые что-то строили, о чём-то мечтали, рожали детей, отправляли их в школу, потом на фронт, ждали весточки от родных людей**…**

Но пусто было на месте вымершей деревни. Ни дерева, ни кустика, ни старого колодца... И только останки одного уже полностью сгнившего дома сиротливо выделялись на пустой луговине. Я узнала! Это доживал свой век дом моего дедушки, дом, где родилась и жила моя мама. Владимир Васильевич пошутил*:* «Проверим, богатый ли был у тебя дед, вот сейчас поднимем закладные, вдруг найдем золотой рубль». И вправду, шофер взял монтировку, и они с Истоминым попытались проверить, богатый ли был мой дедушка. Брёвна были трухлявые и потому легкие, поддались они, но «золотого рубля» под закладными не нашлось. «Скупой был у тебя дед», – сделал вывод Владимир Васильевич. Они шутили, а я смотрела на эти развалины и думала. Думала о том, что, когда умирает человек, его хоронят и ставят какой-никакой памятник. А когда умирает целая деревня, в которой родились, жили, умирали сотни людей, где стояли когда-то дома, росли вековые деревья, наше безжалостное землеустройство не оставляет метра земли, чтоб на нём поставить хотя бы скромный памятник. Ведь было же у деревни название, было же время ее рождения (когда поселился в ней первый человек) и было же время ее смерти (когда уехал из деревни её последний житель, каким для Судомоек был мой дедушка). А может быть, и указать на этом памятнике, кто прославил деревеньку своим трудом, своими делами. Да мало ли добрых слов можно сказать о малой родине. Но живём мы, не помним родства с умершими деревнями, и больно бьёт по нам же это отсутствие памяти.

Мы ехали к Комсомольскому. Я молчала. Вспоминала, как в детстве, когда я была в Судомойках, с Зоей и дедушкой мы ходили за грибами. Места вокруг были грибными. И я спрашивала деда: «А какой гриб самый главный, белый?». Дед говорил: «Лучший гриб – рыжик». «Да, рыжик, его только солят», – спорила я.

«А нет, – говорил дедушка, – если хочешь знать, из него и грибовницу варить можно, и даже сырой он вкусный, а солить рыжик нужно без всякой приправы и даже воды не надо, только соль и всё, иначе вкус у него теряется». И ещё я вспомнила, как утром одна вышла из дома, перелезла через огород и пошла к лесу. И вдруг впереди неблизко увидела целое поле чего-то бело-розового. Для меня это было чудом, потому что ещё два дня тому назад в том месте я ничего особенного не видела. Как я бежала к этому белопенному «морю»! Прибежала – и передо мной было целое поле каких-то красивых бело-розовых цветов. Я никогда не видела это растение «живым», но в книжках видала рисунки цветущей гречихи. Так вот она какая. В цветках деловито работали пчёлы, шмели. Мне не хотелось уходить от этого живого розового чуда.

Владимир Васильевич прервал мои «розовые» мысли: «Семья-то у деда большая была?». И я начала перечислять: «Было у деда семеро детей: Пётр, Павел, Константин, Василий большой, Василий малый, Иван и моя мама, Валентина». Истомин заинтересовался: «Как это так – Василий большой, Василий малый, неродные, что ли?» – «Да нет, в том-то и дело, что родные». И поведала Владимиру Васильевичу историю, которую мне рассказал дядя Вася большой. Родился в их семье шестой ребенок. Поехали его крестить в Александровское в церковь, а имя новорождённому не придумали. «Поп сам назовёт ребёнка». В церковь с младенцем поехали крёстные отец с матерью, а родные остались дома. Когда надо было дать имя мальчику, поп предложил несколько имен, но крёстные сказали, что есть в семье и Костя, и Павел, и Петр. Поп назвал имя – Василий. «Ага, а вот Василия у них нет», – сказали крёстные. Окрестили и поехали домой. А там вся семья встречает нового жителя деревни Судомойки. «Ну-ка, Васютка, убирайся с дороги, под лошадь попадёшь», – окликнул дед Маркел заигравшегося внука. «Ой, так и мы ведь Васютку везём», – виновато запричитала крёстная. Конечно, не очень-то удобно было иметь в семье двух братьев-проказников с одинаковыми именами. Так и стали звать их: Василий большой и Василий малый. Судьба распорядилась так, что именно Василию большому пришлось в 70-е

годы ехать в далекую Шепетовку к тяжело больному Василию малому, а потом хоронить его там, вдали от родины.

Вот такие мысли, воспоминания навеяла на меня поездка к родным местам моей мамы.

Наша поездка продолжалась. Пообедав в столовой в Комсомольском, мы направились на моё болото. Вначале заехали на опытные делянки. Я провела по ним Владимира Васильевича. Его заинтересовало, что тимофеевка по всем вариантам обработки выглядела почти одинаково (одинаково хорошо), она уже выметала султаны (надо было её скашивать), и заметные отличия были по разным фонам удобрений: увеличение доз удобрений заметно положительно влияло на тимофеевку – она выглядела более мощной и высокой, и это наблюдалось на всех обработках, как на глубоких, так и в вариантах с фрезерованием и без обработки. Только делянки во всех вариантах обработки «без удобрений» были пустыми. Всходы на них появились, но скоро погибли.

Потом мы поехали на прошлогодние посевы тимофеевки. Я сама чуть ли не полмесяца не была на них и поэтому с замиранием сердца ждала встречи с дорогими для меня травами. Участки, где мы прошлый год столь оригинально посеяли тимофеевку, скрыты от глаз высокими берёзами на выкидке канавы, и, когда едешь рядом с посевами по другую сторону канавы, их не видно. Когда мы переехали через мост, я вышла из машины и почти не поверила глазам. На месте ровного зелёного газона, с небольшими проплешинками от прошлогодних валков сгнившего сена, стеной, в мой рост, стояла тимофеевка. Длинные султаны были окружены нежно-голубым сиянием. Над полем от легкого ветерка то появлялись, то исчезали облачка. Тимофеевка цвела. В небе трепетали поющие жаворонки. Зелёная рукотворная идиллия среди болота…

Владимир Васильевич был изумлён. Конечно, он не мог догадываться, что значили для меня эти не такие уж огромные (в его понятии) площади. Но он сказал, что нигде ещё не видел трав выше, гуще этих и никогда не видел таких длинных султанов у тимофеевки. Я спросила, нет ли у него линейки. Конечно, была. Мы смерили длину султанов. Средняя длина их была около 10,

но некоторые были по 13 сантиметров! Я решила, что эти участки уберу на семена. Пусть нет комбайна – договорюсь с колхозом, пусть нет сушилки – тоже договорюсь, но такие султаны должны дать много-много семян. Так что сеять в следующем году можно будет собственными семенами. Истомин согласился со мной, и мы поехали на другие поля, уже нынешнего посева. В этом году мы посеяли в основном овсяницу луговую, в чистом виде. Сейчас она была перед нами, раскустившаяся, мощная, тёмно-зелёная. Упругим ковром устилала торфяник, и её в конце июля можно бы даже скосить. И урожай был бы убран, и подпревания бы не было.

Чувствую, что мои травы понравились главному землеустроителю: «Ну что ж, составляй смету, затраты на залужение компенсируем». Я спросила: «Не пора ли и другим торфопредприятиям заниматься по нашему методу? Больших-то сложностей нет, тем более можно будет им даже семенами помочь, не говоря уже о том, что все «секреты» своей технологии я расскажу и покажу». Истомин кратко сказал: «Обещаю обдумать твоё предложение». Мне показалось, что он всё-таки сомневался: ведь он знал, что я работала совсем в другой системе, что неизвестно, смогу ли и захочу ли я дальше работать на этих площадях. Да и самой мне моё будущее казалось не очень ясным. В институте уже поговаривали о том, что отдел внедрения закроют, а если так, то кто позволит мне ездить в чужой район, на чужие торфяники. Говорили, что если такое случится, то мне придётся менять тему аспирантской работы.

В планах поездки Владимира Васильевича назавтра было намечено обследование самых удалённых площадей колхоза «Ударник». У меня в «Ударнике» тоже были дела: надо договориться с председателем о комбайне для уборки тимофеевки и сушилке. Конечно, уборка ещё не скоро, но надо быть уверенной, что мои планы осуществятся.

И я напросилась к Истомину в попутчики.

На другой день, переночевав в гостинице, мы поехали в Козловаж. Николай Александрович Гребенев, председатель «Ударника», уже ждал нас. Свои проблемы я решила довольно быстро, он

пообещал мне комбайн и также заверил, что семена можно будет высушить на колхозной напольной сушилке. Тогда я сказала ему, что гектарах на 150 очень сильно развилась овсяница и что ее можно будет скосить на силос, а также на «зелёнку», благо напрямую от Козловажа до наших посевов не очень-то и далеко. Зелёную массу можно заложить в бурт на наших площадях, а перевезти на ферму зимой. Гребенев с удовольствием согласился. Ещё бы ему не согласиться: каждый год животноводство колхоза испытывает недостаток и грубых, и сочных кормов: трудно выращивать корма на зыбучем песке, в котором весной техника вязнет, а летом он пересыхает и оставляет растения без влаги. И почти каждый год, как и многие хозяйства района, колхоз отправлял своих людей на юг страны на заготовку соломы.

А потом в нашем путешествии началось самое интересное: мы поехали на 3-й участок «Ударника». Ехать надо было далеко, за Ежиху, там было всего 150 гектаров сельхозугодий, которые принадлежали колхозу.

Это были самые удалённые колхозные земли. И я удивилась, когда мы добрались до них: на довольно мелких участках поспевала рожь, её скоро надо было убирать. Как колхозники добираются до этих «плантаций» с посевной и уборочной техникой по едва проезжим даже в середине лета дорогам? Этот вопрос я задала Николаю Александровичу. «Трудно, – сказал он, – иногда даже на санях сеялки перевозим. Да ведь у нас все поля мелкие и раскиданы чуть не на полсотни тысяч гектаров. Да возьми хоть и не очень далёкие Рогачи. Пока туда доберёшься, технику переломаешь, сколько днищ вентилятора у комбайнов распороли, сколько сошников поотрывали у сеялок. Что делать, такая наша пашня». И я подумала о своих торфяниках, ровных, о площадях, как линейкой очерченных, о тех урожаях, которые они уже дают и будут давать, если с ними обойтись по-умному. Но в том-то всё и дело, что не может человек по-умному жить и работать. Вопреки здравому смыслу он не может запустить какую-то сотню гектаров далёкой неплодородной пашни и не обращает внимания на тысячи гектаров почти готовых для земледелия площадей плюс к тому ещё совсем близко расположенных от круп-

ных посёлков. Я говорю о выработанных торфяниках. Неправду говорят: хоть горшком назови, только в печь не ставь. Обозвали какие-то глупые люди эти земли «бросовыми», и закрепилась за ними слава чего-то ненужного. А ведь если вникнуть в дело да подумать не только о сиюминутной потребности энергетики в топливе, а и о том, чтобы продолжить уже начатое служение этих отвоёванных у природы земель людям, то получится, что их новая жизнь окажется куда более эффективной, чем отданные человеку несколько тысяч тонн торфа. Впрочем, само использование торфа в топках электростанций очень спорно. Учёные считают, что из торфа путём сложной переработки можно изготовить более 400 различных продуктов – от краски до стимуляторов роста растений. Торфяные грязи используются в медицине. Впрочем, об использовании торфа разговор особый, и не мне о нём говорить. Я убеждена в одном: торфяные месторождения после прекращения на них промышленной добычи торфа должны быть вовлечены в сельскохозяйственное использование. И это могут и должны делать сами торфодобытчики.

Когда мы возвращались с 3-го участка и ехали по лесной дороге от Ежихи, Владимир Васильевич вдруг попросил шофёра немножко изменить маршрут: «Хочу побывать на Итанском озере. Слышал о нём много, а ни разу не видал его». Достал карту Истомин, нашёл на ней маленький кружочек с названием озера, и мы, с трудом пробираясь на машине по едва видимой дороге и петляя по лесу, неожиданно оказались на берегу естественного водоёма. Как таковых, берегов у озера нет, вода вровень с землею. «У этого озера нет дна, – начал рассказывать Николай Александрович Гребенев, – само озеро и места эти славятся разными чудесами, водится в озере рыба, особенно интересен окунь, полностью чёрный, с огромными глазами». Озеро Итанское… До сих пор как-то загадочно для меня само это название. После этого ни разу не была я на нём, но стоит перед глазами печально-молчаливая вода, окружённая заглядывающими в её бездонную глубину берёзами, и почему-то хочется верить во все легенды, которые незримо витают над этим чудом природы.

ВЫБОР СДЕЛАН

Истомин уехал в Котельнич, у него там ещё были служебные дела, а я осталась в Комсомольском. Завтра нужно будет скосить тимофеевку на опытных делянках. Сено с них я пообещала знакомым из посёлка, у которых была корова. Они с удовольствием скосили, как я сказала, мощную тимофеевку на опытах. А я решила снова побывать на прошлогодних посевах тимофеевки, уже в одиночестве полюбоваться её цветением. Подхожу к своему заветному участку, судьбу которого я уже определила – быть ему семенным, и, о, ужас, вижу человека, который деловито укладывает косой-литовкой мою семенную тимофеевку. Злая-презлая, бросилась к нему и вырвала из рук литовку. В другой ситуации я бы порадовалась за него: как красиво лежали тяжёлые валки и как много он скосил. Сейчас же была просто в бешенстве: «Откуда вы взялись, кто вам позволил косить эту траву?». От неожиданности мужик начал заикаться: «М-мне А-аркашка разрешил». Я поняла, что Аркадий Степанович решил похозяйничать на этих площадях. Конечно, я выгнала незадачливого косца с тимофеевки и впервые довольно жёстко поговорила со своим добровольным помощником, который «по дружбе» распоряжался семенными участками.

Урожай сена на опытных делянках был учтён, результаты опять же были в пользу минимальных обработок: фрезерования и «без обработки». В варианте «без обработки» превышение урожайности над контролем было 28 проц.

Николай Александрович сдержал своё слово: по первой моей просьбе на торфяник прибыл комбайн «Нива» с лучшим комбайнером колхоза Рогожниковым Николаем Алексеевичем, который, кстати, и сеял «экспериментально» эти участки. Обмолотили мы тимофеевку, увезли семена в Козловаж, высушили и семена до весны на хранение оставили в колхозе.

В начале августа из «Ударника» прибыл отряд на силосование, скосили и заложили в силос овсяницу нынешнего посева. Бурт получился отличный, массы заложили тонн 300, но много овсяницы осталось нескошенной.

Заканчивалась моя очередная недельная командировка. На попутной машине я добралась до Котельнича – в сельхозуправлении у меня были дела по другим хоздоговорам. А оттуда собралась ехать до Кирова. Стою на перроне, жду электричку. На соседнем пути остановился электровоз, и ко мне подбежал машинист локомотива – мой бывший муж. Мы развелись с ним полтора года назад и с тех пор не виделись. «Поедем на электровозе, из-за тебя на зелёный остановился». Раздумывать было некогда, согласилась. Я и до этого частенько добиралась на попутных электровозах со знакомыми машинистами, когда нужно было ехать до Стрижей. В этот раз мне туда и надо было. Олег был у мамы, а Владик дома – в Шутовщине под Нововятском (уже начался учебный год).

Он усадил меня в своё кресло машиниста, и по его поведению чувствовалось: очень рад меня видеть. По Быстрягам горел красный. «Пойдем сбегаем в станционный буфет», – позвал он меня. Заскочили туда, и купил он… маленький шоколадный батончик: «Передай от меня Олежке». Я про себя горько усмехнулась и подумала: «Какой «щедрый» гостинец, а ведь ещё и Владик есть, а о нём он, что, забыл?». «Спасибо, – сказала я, – обязательно передам Олежке!». В Стрижах, напротив маминого дома, он остановился, опять на зелёный, я выпрыгнула из электровоза, сказала: «До свидания» и поспешила с отцовским гостинцем к своему малышу. В Стрижах в буфете купила самую большую и дорогую шоколадку для Владика.

Вечером на последней электричке я доехала до Кирова, а оттуда – на Кирово-Чепецком автобусе – до остановки Прошино. От Прошино пешком около четырёх километров до деревни Шутовщина, где мы жили. Таким вот пересадочным маршрутом я добиралась каждый раз домой поздними вечерами. В этот раз была такая темень, накрапывал дождик. Я чуть ли не ощупью находила узенькую полевую тропинку от остановки до нашей деревни.

В конце концов сбилась с тропинки. Рожь была уже обмолочена, и я спотыкаясь бродила ночью среди копен соломы. Даже ориентира не было, не видно ни огонька. В нашей странной де-

ревне было всего три двухэтажных кирпичных дома и не было ни одной лампочки уличного освещения. В этих домах было выделено несколько квартир для сотрудников зонального института. И все, кто здесь жил, ждали с нетерпением, когда будет сдан в эксплуатацию институтский жилой дом, где сотрудникам – жильцам Шутовщины, то есть нам, квартиры будут предоставлены в первую очередь. Это должно будет случиться через год. А мне нравилось жить в Шутовщине, очень нравилось и совсем не хотелось уезжать отсюда в городскую квартиру. Конечно, некоторые неудобства такой двойной жизни были (работать в городе, жить в деревне). Трудно добираться до дома (для обычных сотрудников утром и вечером – доставка служебным автобусом, а каково мне?), школа – в Нововятске. Утром ребят увозят в школу на автобусе, обратно – пешком. Зато детский сад-ясли в том же доме, где мы жили. И ещё мне нравилось, что в выходные дни я могла помогать ОПХ «Федяковское» (кому принадлежали наши дома). Обычно в субботу и воскресенье я работала на мехтоке. Не из-за мизерной платы за эту работу, нет. Я просто не могла отдыхать, когда рядом была работа, простая, но столь нужная. Сушить, сортировать зерно – что может быть важнее в уборку? Один раз я выступила на институтском собрании, что не дело нам, работникам сельского хозяйства, отдыхать или заниматься пустой писаниной в осенние дни, когда в опытных хозяйствах института столько работы и с зерном, и с неприбранной соломой. Вот выпадет снег, и тогда мы пожалеем об этих потерянных днях. Этим я, конечно, навлекла на себя гнев большинства наших «академиков». Однако через неделю выпал снег, было очень холодно, и тогда руководство института опомнилось: всех сотрудников – и старших, и младших – послали на уборку соломы в ОПХ «Пригородное». Вилами отдирали мы примёрзшую солому, вытаскивали её из-под снега, складывали в небольшие копны и метали вручную. Тяжёлая, бессмысленная работа. Несколько недель хорошей осенней погоды сидели в кабинетах, что-то писали, что-то сочиняли, а выпал снег – пошли с вилами метать солому. На другой день некоторые сотрудники говорили мне: «А ведь ты была права».

Итак, я отвлеклась от своего блуждания по полю, когда добиралась из очередной командировки. Всё-таки дошла до своего дома в Шутовщине, дождь был уже довольно приличный, и я здорово промокла. Владик уже спал, но, когда я вошла, проснулся и, конечно, обрадовался. Мы не виделись с ним целую неделю. Он учился уже в 5-м классе. «Владик, – сказала я, – случайно встретила отца, ехала с ним на электровозе из Котельнича до Стрижей, он говорит, что очень любит тебя, соскучился и вот посылает тебе эту шоколадку, возьми». Никаких эмоций, шоколадку взял, сказал: «Спасибо» и положил под подушку. Ну, думаю, запасливый. И только потом, много дней прошло, он мне признался: «Мама, ты прости, я даже говорить тебе не хотел, но шоколадку от отца я отдал Ожегину: он дал мне прокатится на мопеде, не хочу я от отца никаких шоколадок, ничего от отца не хочу». Ну что тут скажешь, и смешно, и слёзы на глазах. Шоколадка-то была не отцовская, не вспомнил он о Владике и слов хороших не говорил, зря я, выходит, врала. Когда мы разошлись, Олежке было два года, Владику 10 лет. Так что отцовскую «ласку», его пьяные скандалы и жестокие выходки он очень хорошо запомнил.

Я оформила свои хоздоговорные работы как по торфяникам, так и по другим темам, отчиталась о своих работах на учёном совете института. В последнюю в уходящем году командировку поехала с тяжёлым чувством. Придётся ли вернутся к своей работе весной 1977 года? А если не придётся, то зачем было начинать это дело? Ведь оно закончится, едва начавшись. Ведь само собой ничего не делается. Кто сможет возглавить и продолжить это дело, если не я? Аркадий Степанович? Нет, не сможет. Перебрала всех специалистов предприятия, с которыми успела познакомиться. Никто из них не прикипел к новому делу. Да и, если по-честному сказать, никому не хотела я отдавать то, что стало моим, **только моим.**

Такие вот невесёлые мысли были у меня, когда я, решив свои дела в Котельниче, в райсельхозуправлении, ехала в Козловаж. Мне надо было сдать один экземпляр «Мероприятий по освоению выработанных торфяников» «Ударнику» (договор-то был заключён с ним) и решить с председателем вопрос оплаты хоздоговора.

Мне повезло, что в Котельниче я встретила директора торфопредприятия Горбунова Николая Дмитриевича. Он собирался в Комсомольский и предложил «подбросить» меня до Козловажа. Очень удобно для меня – до «Ударника» добраться непросто. «Ну и что же будет с нашими выработками, если вы сейчас вот сдадите колхозу свои «мероприятия», колхоз заплатит институту за вашу работу. Вы ведь тогда не сможете продолжать работу на нашем болоте?» – как только мы отъехали от управления, спросил меня Горбунов. Я удивилась про себя: он задавал мне вопрос, который я всё время задавала себе. «Выходит, так», – честно призналась я. Хотя, конечно, этот вариант для меня был бы отказом от смысла жизни. – «А вы, Вера Александровна, махните рукой на Киров да и переезжайте к нам, квартиру мы вам дадим, школа у нас хорошая, детский сад отличный». Сказал и рассмеялся: «Да шучу я: знаю, что вот-вот квартиру новую получите, да и кому хочется менять городскую жизнь на наше болото». – «А если серьёзно разговаривать, Николай Дмитриевич, без шуток, то могу я рассчитывать на вашу поддержку, если уволюсь из института, если переберусь «на ваше болото», оно ведь теперь и моим стало?» – «Обещаю, что буду всячески помогать вам, хотя, если правду сказать, ведь это вы помогаете нам. Мне всегда было жаль забрасывать земли, которые достались таким трудом. Вы ведь человек здесь пока новый и не представляете, что значит из непролазного болота сделать такие площади. Ясно, что они и дальше должны служить людям. Ведь еще 2–3 десятка лет пройдёт, всё спишем – а люди-то останутся, чем они должны будут заниматься? Платья для кукол, как на соседнем предприятии, что ли, шить? Так что мы с вами большое дело делаем, и не гоже его бросать в самом начале».

Очень вовремя состоялся этот разговор в почти шутливой форме, но мне он крепко запал в душу. Нужно было решать, как дальше распорядиться своей и моих сыновей судьбами. Можно, конечно, продолжать работать в институте, я уже говорила, что мне нравилось там работать. Тем более что через полгода из Шутовщины мы переехали бы в новый дом рядом с институтом. Научная работа, диссертация? Тему мне давно предлагали сме-

нить, и успешная работа над диссертацией, а значит, и защита были бы обеспечены. Но почему-то этот вариант меня не радовал, и если отказаться сейчас от начатого, то никогда в жизни я больше не встречу **своего дела**, дела, к которому я уже прикипела всей душой.

Поэтому для себя я уже всё решила и, когда выходила из машины Горбунова, то вполне серьёзно сказала: «Ну что ж, готовьте мне квартиру и должность в штатном расписании, к весне я готова переехать к вам. С ребятами договорюсь».

Нельзя сказать, что я с лёгкостью расставалась с институтом. Проработала я тут недолго – всего два с половиной года. Я благодарна институту за то, что он принял меня в очень сложный период – тогда разошлась с мужем, и нужно было менять место жительства. Здесь я работала с людьми, которые представляют истинную науку: незабвенная Зинаида Ивановна Пилатович, человек, влюблённый в многолетние травы; Ида Абрамовна Шенина, Нина Андреевна Родина, чьи сорта ячменя знает вся Россия; Лена Фёдоровна Коробицына, она была тогда заместителем директора института по науке; Том Петрович Кокурин – экономист, который часто помогал мне в работе, и ещё многие, многие сотрудники зонального, которым я признательна за дружбу, поддержку. И ещё за время моей недолгой работы в институте я вместе с ними пережила знаменательный и прекрасный период его жизни. Из старого, много повидавшего здания, в котором работал ещё Николай Васильевич Рудницкий, институт переехал в новое пятиэтажное здание.

Работать бы и работать в этом мире науки и всего прочего. По крайней мере, этот мир устоявшийся, надёжный и прочный. А куда меня несёт? Что ждёт впереди? Однако выбор сделан.

Созвонившись накануне с директором торфопредприятия, я подала заявление на увольнение. Младший брат Николай, работавший в то время водителем в аэропорту, выписал машину и перевёз небогатое наше имущество в Котельничский район в посёлок Комсомольский.

И начался новый отсчёт жизни для меня. Теперь уже не надо было разрываться между несколькими «фирмами», не надо было

тратить время на дорогу, на «выбивание» командировок. Официальная моя должность в штатном расписании торфопредприятия – начальник цеха витаминно-травяной муки. В этом сезоне мы должны получить, смонтировать, пустить в работу агрегат по производству витаминно-травяной муки. А пока я веду Владика в 5-й класс Комсомольской средней школы. Там с восторгом принимают новичка. Устраиваю Олежку в младшую группу детского сада. Обживаю и ремонтирую двухкомнатную квартиру. И, главное, занимаюсь **своими** торфяниками.

Восстановить мои дела, планы, вспомнить день за днём непростую историю внедрения сельского хозяйства в промышленное производство помогли записи в дневнике.

ОСЕННИЙ ИЗУМРУД

7 апреля 1977 года. Сегодня первый раз, уже будучи настоящей хозяйкой оставленных торфоразработчиками земель, обошла их. Поля освобождаются от снега. Однако половина площадей ещё под снегом, и я, конечно, очень рисковала, когда одна пошла на них в такую пору. В картовых канавах сырой снег, и в одну из них я угодила по пояс. Мокрая, с хлюпающей в сапогах водой, добралась до дома, переоделась. Ничего страшного, просто приняла первое «крещение» на своём болоте.

Записываю наблюдения от первого похода на площади. Начинается отрастание тимофеевки, овсяницы. Полевица выглядит несколько хуже, много погибших растений. В опытах тимофеевка еще покрыта снегом. Коллекция многолетних трав, которую я посеяла в прошлом году, полностью под водой.

3 мая. По-настоящему зазеленели травы, развернулись листья на деревьях.

На 5, 6, 7 секторах – отрастание трав прекрасное, на 8 и 9 секторах есть вымочки, овсяница луговая на некоторых участках вымерзла, нужно подсеять.

4 мая. Вручную подсеяла на небольших участках овсяницу. На 8 секторе, где прошлый год не скосили траву, она лежит пышной серой периной. Начала сжигать – запретили.

Теперь-то я знаю, что такое огонь на торфяниках. А тогда – помешала сухая трава, оказались в кармане спички – и решение было принято: земля еще влажная, трава прогорит быстро, и торф не успеет загореться. Поднесла зажжённую спичку к травяной ветоши, и… до небес поднялось пламя, затрещало, заревело и понеслось по суши, оставляя за собой дымящийся пепел. Страшно… откуда ни возьмись, за моей спиной оказались разъярённые пожарники, и с ними мой добровольный помощник, начальник пожарной охраны Аркадий Степанович. Они без слов бросились затаптывать, захлёстывать пламя. Им это удалось. А потом началась воспитательная работа со мною: что такое торф, и как он может гореть, и как горело болото, и посёлок уже был готов к эвакуации. Короче: торф – это не земля, землёю можно тушить, а торф сам горит так, что даже водой его трудно потушить. Сколько раз потом убеждалась я в этом. И в самом деле, то, что на минеральных почвах просто именуется «сжиганием пожнивных остатков», на торфянике может обернуться большой бедой. Заберётся пламя в крошечный кусочек дерева, притаится, а через сутки уйдет в глубь торфа, и тушить тогда будет непросто. Хорошо, если увидит кто-то, а если учесть, что места эти в основном безлюдные, то большая площадь может выгореть, и не дай Бог, если заберётся огонь в караваны торфа. Оказывается, моя работа по «сжиганию прошлогодней травы» была видна в посёлке. Пожарные заметили взметнувшийся дым и примчались на пожарной дрезине.

4–5 мая. Поступает оборудование для АВМ-0,65. Перевозим от склада ГСМ на тракторах.

АВМ мы заказали ещё зимой, когда я работала в институте. И вот оборудование очень вовремя прибыло в 4-х вагонах.

6 мая. Ездила в Котельнич в сельхозтехнику и в райком из-за удобрений. Добилась, чтобы их давали торфопредприятию. Пока ещё всем непривычно, что удобрения потребовались торфянникам. Обратно возвращалась на одной из 6 машин с хлористым калием. Приехали на своё болото, нужно подъезжать к маленькому каравану торфа (около него складировали удобрения), а на болоте творится что-то невероятное. Вытянутой руки не видно.

Это ветер поднял вверх торфяную пыль и уносил её далеко-далеко. Просвет был только подальше, на засеянных площадях. Травы цепко держат торф и служат естественной преградой для торфяных смерчей.

13 июня. Два дня была в Москве, ездила в Министерство сельского хозяйства СССР, там теперь работает Иван Павлович Макаров. Так что я ездила по вопросам аспирантуры. Приехала из Москвы и пожалела, что съездила. 10 июня ко мне приезжала Таисия Алексеевна Коренева. Без меня её провели по моим посевам. Говорят, что посевы ей понравились.

На 2-м опыте по обработкам – всходы. Тимофеевку в опытах пора скашивать – султаны.

Редька масличная, которую мы посеяли на 20 гектарах, взошла.

Таисия Алексеевна Коренева – одна из ведущих специалистов в России по выработанным торфяникам. С нею я познакомилась через Эмилию Адриановну Штину, ещё когда работала в зональном институте. Эмилия Адриановна дала мне адрес института, где работала Коренева, и я поехала в подмосковскую Яхрому. С собою взяла итоги опытов первого года, а также растения тимофеевки с моих первых посевов. Я рассказала Кореневой о своей работе, показала тимофеевку. Она сразу же взяла линейку, смерила султаны: 13,5 см. Очень удивилась: «Я никогда таких длинных и развитых султанов не видела». Мы с нею не просто познакомились: она почувствовала во мне родственную душу – тоже была влюблена в выработки, также верила в них и занималась освоением давно выработанных карьеров, где добывался торф для Шатурской электростанции. И ещё она практически работала на осушенных торфяниках Яхромской поймы.

Много интересного я узнала от Таисии Алексеевны в ту поездку, много ценных советов дала она мне по аспирантуре. И вот такая незадача. Отлучилась со своего болота первый раз, и на тебе – ни раньше ни позже такой визит, важный для меня. Вот что значит приезжать без предупреждения. Скоро Коренева написала мне письмо, вместе с которым прислала приглашение на конференцию по использованию минеральных удобрений, которая должна проходить в Горьком. Я поехала. Помню, как мне было

неудобно ехать в «гагаринском» кресле в вагоне поезда «Киров – Горький». Сидишь в этом кресле, как закованный в цепи. Я тогда была в Горьком в первый раз, и почему-то город мне не понравился. Добралась до сельхозинститута. Ознакомилась с программой конференции. Таисия Алексеевна послала мне программу, там её выступление было в 1-й день, но сейчас её выступление было перенесено на 2-й день. С трудом дождалась перерыва – ни одного знакомого лица. Ночевать в этом чужом городе, когда столько работы на болоте?.. Я ушла с конференции, купила билет на поезд и вернулась в посёлок. И опять наша встреча не состоялась, теперь уже по моей вине.

Я написала письмо Кореневой, объяснила, почему я уехала с конференции.

Она мне ответила и послала книгу Тюремнова «Торфяные месторождения». Я поблагодарила за книгу и переводом послала деньги за неё. Таисия Алексеевна, видимо, обиделась, и наша переписка прекратилась. Очень жаль, больше всего жаль нашей несостоявшейся встречи на моих торфяниках.

В дневнике я написала о редьке масличной. В то время эта культура «входила в моду». К нашему делу возрождения выработок очень по-доброму отнеслись в облсельхозуправлении. Заведующий отделом кормопроизводства Серафим Агапович Кожевников даже побывал на моих площадях с сотрудницей обкома КПСС Ерёминой Людмилой Константиновной. Очень понравились им наши гектары с изумрудными травами, среди которых, как огромные чёрные айсберги, высились караваны торфа.

Серафим Агапович, почему-то очень полюбивший новую для нашей области редьку масличную, и, как все чиновники, связывающие науку с производством, рекламировал ее всем, кто занимался кормопроизводством. И мне посоветовал обратить внимание на неё: «Редька – культура партийная. У меня есть сторонник – Иван Петрович Беспалов». И я по своей глупости «обратила внимание». У меня появились семена клевера красного. Фонды на эти семена выделил опять же Серафим Агапович. А я запомнила «рекомендации» Лугоболотной опытной станции: не сей клевер на выработках. Не очень долго думая, я обменяла (прав-

да, не все) семена испытанного, надёжного клевера на семена неизвестной мне сомнительной редьки масличной, по которой в то время было защищено столько кандидатских диссертаций: ещё бы – «партийная культура»!

Обменяла глупо, невыгодно: килограмм на килограмм. Посеяли на 20 гектарах. Как на дрожжах росла редька. 6 июня посеяли, 12 июля зацвела, в мой рост вымахала, белопенные цветы с приторно-сладковатым запахом. В период пуска АВМ накосили телегу этой красиво цветущей редьки (к тому времени у неё стручки уже появились). Из-под КУФа (косилки-измельчителя) масса вылетала, как жёваная. Полдня мучались на АВМе с одной телегой, зависает в дозаторах, мука, как влажная вата. Плюнули мы на эту редьку, еле выгребли остатки ее из барабана, накосили тимофеевки, и совсем другая работа пошла.

А телега с зелёной массой редьки, накошенная в запас, постояла ночь, и под ней образовалась лужа с пышной шапкой пены и очень неприятным запахом.

Но что-то с такой богатой массой (центнеров по 500 на гектаре) делать-то надо было. Предложили в колхоз «Ударник», у них всегда с «зелёнкой» проблема. Пригнали «Беларуси» с телегами. Мы им накосили. Вторым рейсом едут, тракторист смеётся: «Вера Александровна, наши телёнки от вашей редьки на задние ноги встают, не хотят есть». Так и не стали возить «партийную культуру» колхозным коровам, пришлось нам убирать её на силос. Зимой этот силос купил у нас колхоз имени Кирова. И тут не всё ладно. Ели коровы силос, куда денешься, соломы даже не хватало, только молоко после такого силоса редькой пахло. Сколько-то (гектаров пять) редьки осталось неубранной, под тяжестью стручков легла она на землю.

Можно бы, конечно, хотя бы чужим комбайном (травы-то мы обмолачивали), убрать её на семена. Но забраковала я эту культуру, дала себе зарок не сеять её никогда и другим «не дарить».

А оставшиеся семена красного клевера я посеяла на 10 гектарах выработок. Уже в 1-й год клевер вырос чуть не в пояс, зацвёл. К тому времени уже запустили АВМ, и масса клевера дала прекрасную, тяжёлую, тёмно-зелёную муку 1 класса. Од-

нако клевер оказался недолговечным, и на другой год в посевах его почти не было. Впрочем, этот сорт клевера был завезён в область, и у него был недостаток: он быстро выпадал из посевов. Но я сделала вывод: клевер на моих землях может расти.

16 июня. Начали косить на сено на 12б секторе, 2-й день убираем на силос, массу закладываем в траншею. Получается примерно 100 ц зелёной массы с гектара. Скосили тимофеевку на 2-х повторностях, завтра ещё скосим две.

Помогают косить знакомые – у них есть корова. Учёт буду вести по сену.

На сегодняшний день посеяно 128 гектаров овсяницы и 20 гектаров редьки масличной.

20 июня. 18 и 19 июня прошли сильные дожди. Овсяница легла. На делянках под дождём лежит скошенная тимофеевка.

22 июня. Вчера с утра сильный туман. После обеда выглянуло солнышко. А сегодня с утра – дождь. На вчерашний день на силос скошено гектаров 30, на сено 12а, 12б сектора, 21 июня взяла пробы почвы на объёмный вес.

29 июня. Ведем подкормку калием скошенных (на силос) участков.

Вчера – сильнейший дождь. Вот уже вторую неделю – каждый день дожди.

12 июля. Вроде бы погода установилась, солнце светит. Ветер. На всех посевах всходы. Редька цветет. Высота 70 см. Вчера закончили убирать семена овсяницы. 12 гектаров убирали три дня. Была поломка комбайна. Убираем напрямую со снятым днищем копнителя. Подбирать солому овсяницы после обмолота разрешила владельцам коров. Делают это с превеликим удовольствием. Семена увезли сушить в Козловаж. Какое у нас с «Ударником» тесное и выгодное сотрудничество. Их комбайн, их сушилка, даже на хранение у них семена оставляю. Им же даю участки для заготовки сена, силоса.

Посевы тимофеевки (все) оставила на семена. Только есть сомнение: как-то она завяжется. 26 июня был сильный заморозок, а она только начинала цвести.

В Кирове в Заречном МРО получили первый колёсный трак-

тор МТЗ-52. Сегодня подобрали тракториста. На новеньком «Беларусе» будет работать один из лучших трактористов торфопредприятия Мамаев Пётр. АВМ скоро смонтируем.

12 августа. Вот уже две недели как пускаем АВМ. Постоянные неполадки. Машинисты – Вылегжанин и Кибешев. Оба учились в Кирове и получили допуск к управлению агрегатом. Но оба пожилые и не всегда бывают расторопными. Да это и понятно. АВМ не трактор, и перестраиваться для них на новую работу – дело непростое.

27 сентября. Чем вызван перерыв в записях? Моей неорганизованностью, бессистемностью в работе. Записи должны оказать неоценимую услугу в будущем, а я пишу от случая к случаю.

Итак, чем мы занимались это время. С работой АВМ я запустила всё. Добро бы АВМ работал как надо. А то сейчас в час делаем по 180–200 кг муки (всего!). Правда, масса влажная. Косим КИРом, подбираем КУФом, масса мочалится, сохнет медленно. По-настоящему, в две смены, не работали, болел Кибешев – второй машинист. Сейчас снова приступаем к двухсменной работе, но время уже упущено. 17–18 сентября был снег, довольно обильный. Сейчас уже трава не та, что летом. Ещё нужно убрать гектаров 20 на 9-м секторе и гектаров 5 на 6-м секторе (на «витаминку»).

Собираемся работать и зимою: будем производить хвойную муку. Из колхоза привезли старый «Волгарь», они его не используют.

А травяной муки на сегодняшний день мы сделали всего 60 тонн. Если учесть, что мы две недели мучались с наладкой, две недели не могли работать из-за сгоревшего двигателя дробилки, то эти 60 тонн мы сделали за 27 дней, примерно за 270 часов, в час получается около 220 кг муки. Маловато.

Трудно мне с механической частью. Я не механик, а всё время мне приходится заниматься поиском сегментов, двигателей, делать заказы на изготовление болтов, гаек и т. д.

Итак, можно подвести предварительные итоги сезона, первого сезона, когда я уже полная хозяйка на своих торфяниках, а не «приезжий агроном» из Кирова.

В этот сезон мы произвели: 1000 тонн силоса; 75 тонн сена; 60

тонн витаминно-травяной муки; семян овсяницы 1 т; семян тимофеевки 3 т.

Если принять, что в силосе мы имеем 1300 тонн зелёной массы, в сене 250 тонн, в муке 300 тонн, то собрано 1850 тонн зелёной массы со 165 гектаров, примерно по 112 центнеров зелёной массы с гектара.

Семена убраны с 35 гектаров. Тимофеевка дала 2 центнера семян с гектара. Овсяницу убирали с опозданием, велики потери от осыпания, собрано с гектара овсяницы всего 60 килограммов семян. Надо обязательно к следующему сезону уборки обзавестись комбайном.

Очень велики потери и при уборке зелёной массы. Особенно в дождливую погоду и при раздельных скашивании и уборке.

Мечтаю о немецкой технике для скашивания трав.

6 октября. В пятницу вечером АВМ остановился – вышел из строя конвейер зелёной массы. Пока правили, пока точили вал…

Сегодня четверг. Возимся у конвейера. Два дня стояла хорошая погода – даже солнышко в понедельник светило. Во вторник зарядил дождь и лил больше суток не переставая. Раскисло кругом, с трудом пролезаем по дорогам и по площадям тоже. Как косить? А травы ещё много. В пятницу с районным землеустроителем Одеговым Алексеем Николаевичем обследовали посевы, он делал приёмку их. Как много нескошенных участков! Виноваты ли мои травы в нашей нерасторопности? Неубранные площади на будущий год будет трудно скосить, ухудшатся условия для отрастания трав, да и главное: это ведь продукция, которой выработанный торфяник отблагодарил нас за заботу о нём, отозвался на наш труд, а мы этой отдачей не смогли воспользоваться.

Впрочем, что уж это я занимаюсь таким самобичеванием. Оглядываясь назад и анализируя эти записи сейчас, я думаю, как же много мы смогли сделать в этот первый сезон. Одно только: смонтировать и запустить АВМ, обкатать его, а тем более произвести ценную продукцию (пусть и не очень много) – это же здорово. Мы все (и я в том числе) учились это делать. Тем более в такой дождливый сезон, на молодых посевах, когда ещё не сформировался дёрн, когда приходилось все время буксировать трактора,

да и техника, которую мы использовали для скашивания, была далека от совершенства.

7 октября. Сделала последние в сезоне наблюдения и записи в полевом дневнике по опытам.

С такой текучкой, с такими производственными делами и заботами что же я сделала за лето по аспирантской работе:

1. Два раза скосила и учла урожай сена тимофеевки на прошлогоднем опыте (конечно, провела все соответствующие наблюдения).

2. Заложила опыт с различными дозами удобрений.

3. Заложила опыт с влиянием зяблевой и предпосевной обработок на урожай сена трав.

4. Сделала определение объёмного веса почвы на I и II опытах.

5. Провела закладку «льняных полотен» на характеристику микробиологической деятельности.

6. Провела учёт надземной и подземной массы растений на I опыте.

7. Разметила делянки под посев будущего года.

8. Провела дискование и вспашку на них.

И это всё? Мало!

Да, ещё заложила коллекцию однолетних кормовых культур и осенью прошлого года посеяла борщевик. (Коллекцию многолетних трав я посеяла в прошлом году).

Немного о коллекции однолетних. Были посеяны горох кормовой, вика озимая и яровая, бобы кормовые, люпин однолетний кормовой, кукуруза, сорго, соргосуданский гибрид, редька масличная, рапс озимый, ячмень и много других видов кормовых культур, всего 30, под посев была внесена нитрофоска. Медный купорос не вносила.

Все культуры хорошо развивались. Дали семена горох, вика яровая, редька масличная, люпин однолетний. Сорго, кукуруза также выглядели очень хорошо, несмотря на то, что заморозок 26 июня убил их почти полностью (я даже хотела их выдергать, но не стала), они потом отросли. Борщевик выглядел очень хорошо. Он вырос в два метра, зацвёл.

В начале октября на коллекции побывали коровы, съели рапс

озимый, вику озимую, борщевик. На делянках с зяблевыми обработками они съели сильно отросшую овсяницу. Частные коровы рвутся на наши сочные травы, и осенью я разрешила на них пастьбу.

12 октября. Вчера вечером выпал снег. Сегодня растаял. Продолжаем подкормку трав калием. Удивительно зелёные поля у нас. Ярко светит солнце. И совсем не похоже, что уже середина октября. Кругом изумрудно-зелёные луга. Смотрю на эту красоту, и гордость за то, что на этой, казалось бы, никому не нужной земле мы за два года создали всё это и что этого всего без меня скорей всего бы не было, переполняет душу. И в такие минуты забывается, что всё это далось нелёгкой, а порой и просто грязной работой, бессонными ночами, спорами, а иногда и руганью с трактористами, хождениями по высоким инстанциям с выбиванием всякого дефицита. Да мало ли о чём забываешь, когда светит солнце, когда зеленеют посеянные травы, когда ты лично участвуешь в возрождении ЗЕМЛИ. Впрочем, это всё лирика. Сейчас полночь, пора спать. И неизвестно, дождь или снег встретит тебя завтра утром. А ты должна работать, работать, работать.

ПОДАРОК МИНИСТРА

15 декабря. 12 декабря из Кирова пригнали 2 трактора МТЗ-52. Вместе с трактористами (которых очень тщательно подбирали) Гончаровым Иваном и Мамаевым Петром за тракторами ездила в Заречное МРО и я: оформляла получение. Колхоз имени Кирова начал снова возить силос, но из-за оплаты устроили возню.

5 января 1978 года. Закончила печатать годовой отчёт. Так интересно было сводить данные наблюдений, учётов, анализов в один документ. И очень радует, что мои обработки (самые минимальные и дешёвые) по итогам опытов не только не снижали урожай сена, но даже несколько повышали его в сравнении с дорогостоящими и трудновыполняемыми общепринятыми обработками.

Грубо подвела финансовые итоги года:

расходы составили 42 тысячи рублей, продукции получено на 58 тысяч рублей; налицо прибыль 16 тысяч рублей. Готовимся к

производству хвойной муки. Сегодня закончили ремонт и опробовали в работе на берёзовых ветках (заготовили школьники) дробилку «Волгарь» и транспортёр.

Стараюсь тщательно считать расходы и доходы (тем самым немало раздражая бухгалтеров), потому что считаю: чем работать с убытком, лучше вообще не работать. Мне всегда казалось, и сейчас я так думаю: если от твоего труда убытки, значит, ты живёшь за чей-то счёт, а я так не хочу и не умею.

13 января. С 10 января приступили к производству хвойной муки. За 2 дня сделали 2,5 тонны. Мука получается тёмно-зелёная, с приятным запахом свежей хвои. Выход муки примерно 1:3. С делянки, где предприятие заготавливает лес, возят в день всего одни сани хвои, этого, конечно, мало.

9 января ездила в Киров, на кафедру земледелия в КСХИ, отдала годовой отчёт по аспирантуре. Заходила в сельхозуправление. По разнарядке нам выделены ещё один АВМ-0,65 и ОГМ-0,8 (гранулятор). О комбайне Е-280 ещё ничего не известно (его мне пообещал Серафим Агапович Кожевников).

30 января. Начали возить фосмуку. Решили все удобрения свозить в одно место – к гаражу.

Хвои по-прежнему поступает мало. Немножко хитрим: добавляем к хвое опил и дроблёный силос. «Волгарь» силос рубит плохо, постоянно поломки. Однако суррогатная мука получается неплохая. Сдавала в лабораторию на каротин – чуть ли не норма (хвои-то всё-таки добавляем).

Обсчитывала посеянные площади. Всего посевов 323 гектара. Для выполнения плана по «витаминке» в этом году надо посеять ещё 250 гектаров. Семян трав собственного производства должно хватить на 210 гектаров. В Козловаже есть семена полевицы белой и ежи сборной – купим у них для посева на 40 гектарах (они всё равно эти травы не сеют).

7 февраля. В пятницу, 3 февраля, поступил АВМ-0,65. В субботу вывезли к гаражу на площадку для хранения. Вчера ездила в Киров, в объединение «Киртorф». Отдала счета на 5 прицепов – выделили нам по фондам. Обещали оплатить только в марте. В сельхозуправлении пообещали, что комбайны Е-280, возможно,

поступят также в марте. В марте у меня по графику должен быть отпуск, но, конечно, его не использовать.

15 февраля. Ездила в Киров. В КСХИ годовой отчёт утвердили. И, о, счастье, в сельхозуправлении выделили два немецких комбайна! Косилку-плющилку Е-301 и измельчитель Е-280.

Счастье мое омрачилось, когда я пошла в объединение «Кирторф» из-за оплаты счетов на дефицитную и такую желанную технику – немецкие кормоуборочные машины. В то время в области их работало ещё очень-очень немного, выделялись они только избранным. И вот я могу получить их через какое-то время. Обе эти прекрасные машины стоили всего десять тысяч. Управляющим «Кирторфа» тогда был Пётр Константинович Волошин. Когда я пришла к нему со счетами, которые нужно было немедленно оплатить, он встретил меня не очень дружелюбно. Надо сказать, что и до этого Пётр Константинович не одобрял нашу работу по сельхозосвоению выработок. По крайней мере, мне так казалось. Я думаю, Волошин понимал, что нашим делом «заразятся» и другие торфопредприятия, а ведь это дополнительные заботы, и немалые.

Я уже начала привыкать, что мои просьбы, касающиеся возрождения брошенных земель, чаще всего находят отклик в сердцах высокопоставленных чиновников и, как правило, удовлетворяются. Но в объединении, на чью поддержку я надеялась больше всего, моя радость от предвкушения встречи с почти сказочной техникой угасла. Волошин очень жёстко дал понять, что таких денег (десяти тысяч по счетам за комбайны) пока нет и долго не будет. Это для меня значило, что у меня нет и, видимо, не будет ни Е-301, ни Е-280.

Никакие мольбы, никакие убеждения не действовали. «Нет» – и всё. Я поняла, что это «НЕТ» будет встречать и мои последующие просьбы. Да их (просьб) может и не быть, если я упущу возможность получить столь производительные машины. На КИРы и КУФы надежды мало, с ними цех и в полсилы не заработает.

Чуть не со слезами ехала я домой. На другой день сразу же пошла к Николаю Дмитриевичу Горбунову и рассказала ему о своей беде. А он тоже ждал эту технику. Категорический отказ

Волошина оплатить счета его не удивил – он знал отношение генерального к нашей затее.

«А ты поезжай к министру, – почти не задумываясь предложил он, – убедишь его, глядишь, деньги сразу найдутся». Мне показалось, что Горбунов шутит, но терять было нечего, и я ответила: «К министру так к министру, из-за этих машин я и до Брежнева могу добраться». Выписала командировку и поехала в Москву в Министерство топливной промышленности РСФСР. Заодно были планы встретиться с руководителем моей аспирантуры Иваном Павловичем. И вот я предъявила командировочное удостоверение вахтёру в министерстве, мне выписали пропуск, и я пошла искать министра. Зашла в первый кабинет, где, мне показалось, сидят добрые люди, и спросила: «Как мне пройти к министру?» «С каким вопросом вы идёте к нему?» – спросили меня. – «Этот вопрос я задам только ему». – «Может, всё же Пётр Максимович сможет решить ваши проблемы?» – «А кто это Пётр Максимович?» – «Генеральный «Росторфа». Я оценила ситуацию. Скорее всего, не министр, а именно этот Пётр Максимович наверняка сможет повлиять на Волошина. Я рассказала, что привело меня в министерство. – «Идёмте к Петру Максимовичу, он обязательно выслушает вас и поможет». И вот я в кабинете у генерального «Росторфа». Про себя отметила: глаза добрые и вообще симпатичный, разговор должен получиться, может, нашим делом заинтересуется. Узнав, что приехала я из неблизкой Кировской области, Пётр Максимович слушал мой рассказ о работах на торфяных выработках, но вдруг, оборвав меня на полуслове, сказал: «Пока помолчите», вызвал секретаря и сказал ей: «Немедленно пригласите ко мне (назвал фамилии сотрудников), у меня здесь очень интересный человек». Он хитро смотрел на меня, улыбался и ничего не говорил. Сотрудники собрались быстро, и без всякого вступления Пётр Максимович стал выговаривать им: «Скажите, почему вы не знаете, что делается на наших российских торфопредприятиях? Если бы не появилась у нас эта девушка, мы бы поехали за опытом освоения выработок самими торфопредприятиями в Прибалтику – есть там энтузиасты этого дела. А оказывается, у нас есть свой, ещё более ценный опыт.

Вот сидите сейчас и слушайте, что она скажет… Пожалуйста, повторитесь, Вера Александровна, и расскажите им то, что говорили мне». Я с удовольствием подчинилась: теперь я была уверена, здесь мне помогут. Когда я в своём рассказе, довольно эмоциональном, дошла до визита к генеральному «Кирторфа», и как в один момент рухнули мои мечты из-за «нет денег на ваши дела», Пётр Максимович снова остановил мой рассказ и быстро стал крутить диск телефона: «Это Пётр Константинович? Вы знаете Макарову Веру Александровну? Не знаете? А Гороховское торфопредприятие знаете? Ах, и Веру Александровну, оказывается, знаете? Так вот, уважаемый Пётр Константинович, всем её счетам – «зелёную улицу». Вам ясно? Ну вот, спасибо». Весь этот разговор я слушала и не верила себе: фантастика – оказывается, можно из Москвы с Кировом говорить, не заказывая междугородную, не ожидая звонка, и, оказывается, можно так быстро решить неразрешимую, как мне казалось, проблему. «Ну вот видите, как всё просто решилось, Волошин сказал, что всё будет оплачено». Я спросила: «Может, это будет в ущерб их основному делу?». «Не волнуйтесь, – успокоил меня Гурко, – деньги-то всё равно мы выделяем, а ваше дело для нас не второстепенное. Ну что ж, считайте, что комбайны уже у вас, теперь расскажите о своих планах, что вы собираетесь дальше делать на выработках». Я рассказала, что в этом году мы смонтировали второй агрегат, установим грануляторы и будем производить уже не муку, а гранулы, будем продолжать рекультивацию и залужение выработок, а через год у нас будет и животноводство. И это всё на торфопредприятии, и в конечном итоге даже после прекращения добычи торфа жизнь не уйдёт из посёлка торфяников, а будет продолжаться на этих же преобразованных землях.

«Вера Александровна, как вы на это смотрите, если в ближайшее время мы пригласим вас на коллегию министерства рассказать о вашем опыте?». «Я с удовольствием приму ваше приглашение», – ответила я.

И действительно, меньше чем через неделю на имя Горбунова Николая Дмитриевича пришла правительственная телеграмма, в которой была указана дата заседания коллегии Министерства

топливной промышленности и просьба командировать меня на это заседание с докладом.

Если первый раз я ехала в министерство, испытывая какую-то робость, то сейчас я мчалась туда с превеликой радостью. Счета мои уже были оплачены, наш опыт был одобрен в верхах и, даже более того, мог быть внедрён на других предприятиях. Вот оно, настоящее внедрение, притом не каких-то надуманных идей, а живого, уже дающего ощутимые результаты дела.

Для большей убедительности своего выступления я приготовила таблицы по итогам научных и производственных опытов, образцы семян многолетних трав, которые мы уже выращиваем. И, помню, когда я шла в кабинет министра, где уже собрались генеральные всего «Росторфа», руки у меня были заняты стеклянными колбочками с семенами, и дверь в кабинет мне пришлось открыть ногой. С тех пор я постоянно слышала в свой адрес: «Хорошо Макаровой, она дверь к министру ногой открывает». Как этот эпизод стал известен? Вроде бы и в приёмной никого не было, и я никому об этом не рассказывала.

На этой коллегии министерства вопрос освоения выработанных торфяников силами самих торфодобытчиков был главный. Я чувствовала, с каким интересом слушали меня генеральные, среди которых был и мой «покровитель» Волошин Пётр Константинович. Когда я закончила выступление и ответила на многочисленные вопросы высокопоставленных слушателей, сам министр Панкратов задал свой вопрос: «Какие у вас будут просьбы к министерству, чем мы можем вам помочь?». Для меня, уже привыкшей что-то пробивать, выпрашивать, этот вопрос был сказочной музыкой. Ещё бы, сам министр предлагает помощь в нашем деле. Я поблагодарила его за уже оказанную помощь в оплате счетов и имела наглость высказать «небольшую» просьбу: «Мне бы МПГ с трактором». (МПГ – это мощная машина, которая одновременно срезает мелколесье, измельчает его, рыхлит и прикатывает торфяник, а трактор с нею идёт очень мощный – Т-130, да ещё к всему этому прилагается бульдозерная лопата). Вот такой «подарочек» попросила я у министра. Конечно, я знала, что эта машина попадёт не в мой цех, она очень нужна торфяникам.

И не по своей инициативе я высказала эту просьбу. Перед моим отъездом на коллегию Горбунов попросил у меня: «Если вдруг тебя спросят, не надо ли чего, ты попроси МПГ с трактором». У Николая Дмитриевича была хорошая интуиция – ведь так и получилось. Чувствую, что министра с такой «малой» просьбой я застала врасплох, и он спросил: «А что, у Петра Константиновича МПГ нет?». Чувствую, как напрягся Волошин: ещё бы, МПГ для торфяников то же, что для земледельца трактор, плуг, культиватор, сеялка вместе взятые. Важная машина, и очень, очень дефицитная, не отдавать же её какой-то самозванке от науки (то есть мне). Не задумываясь я ответила Панкратову: «Лишних – нет». Расцвёл улыбкой обычно мрачный Пётр Константинович и, облегчённо выдохнув, сказал негромко: «Ну, молодец». Я поняла, что генеральный «Кирторфа» теперь уже не противник, а больше мой союзник. Когда коллегия закончилась, министр, пожимая мне руку, сказал: «Будет вам МПГ». Волошин спросил, когда я уезжаю, и, узнав, что поедем мы с ним в одном поезде, но только я еду в плацкартном вагоне, удивился: «А почему не в купейном?». Когда я об этом рассказала Горбунову, он рассмеялся и сказал: «Вот ведь какой, когда подписывает отчёт по командировке, то за купейный вагон дает нагоняй, а тут – удивляется».

Обещание своё министр выполнил: очень скоро целевым назначением на Гороховское торфопредприятие прибыл трактор Т-130 с машиной глубокого фрезерования МПГ. В нашем цехе эта машина не работала ни одного дня.

8 мая. 5 мая пригнали (своим ходом из Кирова) косилку Е-301 (без жатки). С 4 мая начался дождь и до сегодняшнего дня не прекращался.

6 мая приезжали гости с Лугоболотной опытной станции, из Котельнича и «Ударника». Интересно получилось: не договаривались, а приехали в один день. Вертоградская с Лугоболотной приезжала посмотреть на мои посевы (они не подвели меня, уже зелёные, и, похоже, гостям от науки понравились). Николай Александрович Гребенев приезжал с предложением строить животноводческий комплекс на наших торфяниках.

14 мая. Сегодня воскресенье. Вчера и сегодня работали. За два

дня подкормили 80 гектаров. Поработали здорово. И погода помогла. Оба дня дождя не было, а до этого – сплошные. Правда, мы не стояли. Подкормили 11-й и 12-й сектора. Выжженные участки выгодно отличаются от невыжженных, зря я побоялась.

15 июня. Сегодня агрегат работал весь день до 11 часов вечера. У Сергея Кибешева получается в час всего 190 кг муки, у Петра Николаева – 370 кг.

Вчера ездила в Киров из-за жатки к Е-301. Всё обещают, что вот-вот подойдет. А ведь скоро сенокос. Ливни не прекращаются. На полях вязнем. Постоянно держим трактор на буксировке.

Чуть не всё лето пришлось мне «пробивать» жатку к Е-301. Дело дошло до комитета народного контроля, пришлось испортить отношения с Заречным МРО. Нашу жатку увезли в какое-то хозяйство, а в какое – в «Сельхозтехнике» не знали. Вот и гоняли меня за ней то в один колхоз, то в другой. В конце концов я снова обратилась в народный контроль. Тогда Заречное МРО само привезло жатку. Правда, она оказалась от другой машины – от измельчителя Е-280. После серьёзного переоборудования жатку навесили, и косилка стала действующей. К тому времени сенокос уже заканчивался, но она пригодилась при производстве «витаминки». Прекрасная машина. Производительная, удобная в эксплуатации, красивая и для тракториста комфортная.

3 июля. Ни одного дня в июне без дождя. 1 июля начали силосование. Буксуют даже гусеничные трактора. 1 июля приезжали знакомиться с нашей работой из ЦК комсомола. Сегодня звонил Одегов Алексей Николаевич (районный землеустроитель): 13 июля на мои посевы приедут все землеустроители области. Короче, Истомин проводит у нас областной семинар землеустроителей по проблеме освоения выработок. А у нас – грязь, потоп. Но всё-таки – работаем.

18 июля. 13-го июля были гости – из Министерства топливной промышленности, из Совмина, из Ивановской области и из Кирова – из облисполкома Якубенко и Паузин. Как-то интересно, в один день, как сговорились: я не успевала одних проводить, приезжали другие. А встретить-то всех надо очень хорошо.

Вчера был семинар с землеустроителями области. А сегодня приехала делегация из Горьковской области. Все гости востор-

женно отзываются о нашем деле. И немудрено. Травы вымахали в мой рост, роскошные, и отава растёт пышная, ярко-зелёная. АВМ тоже пока работает нормально. Косим КИРом, подбираем КУФом. Тракторист «Ударника» косит травы на дальней «азбуке» (12а, 12б секторах) на сено для колхоза. А погода неустойчивая – редкий день без дождя.

23 июля. Позавчера и вчера лил дождь. Сегодня на полях – месиво. АВМ приостановили. На сегодня сделано 140 тонн муки. Для второго агрегата начали заливать фундамент, но пришлось временно прекратить эту работу – кругом вода.

11 августа. Ну и лето! Скоро кончится, а в общей сложности двух недель без дождя не наберётся.

Жатку к косилке Е-301 привезли 4 августа, переоборудовали и сразу включили в работу. Но снова стоим из-за привода барабана. Три дня назад начали монтаж второго АВМ.

18 августа. Привод барабана рвет ремни – встали. Завтра будут оттачивать диски. Мучение, а не работа. Вчера были представители из «Ленгипроторфа» и из ВНИИТопа.

Проектантам очень интересна наша работа. Я съездила с ними на дальние участки, где густая, могучая тимофеевка, чистая, уже начинает поспевать. Но ничему же не учатся учёные люди. Они выспросили всю мою технологию залужения выработанных площадей, убедились, что минимальная обработка торфяников не только не уменьшает урожай трав, а также увеличивает несущую способность почвы. Однако, когда готовили для нашего болота проектную документацию по рекультивации и сельхозосвоению, систему обработки рекомендовали стандартную: из 9 приёмов различных обработок с использованием предварительных культур, которые предлагалось запахивать.

25 августа. Ни одного дня без дождей. Льёт ночами, льет по утрам, вечерам. Сегодня косить и не выезжали. Поля не держат. Начинаем подкормку скошенных участков – вносим калийные удобрения. Тракторы с «лейками» поля все-таки выдерживают.

14 сентября. Вчера и сегодня убирали семена тимофеевки. Работает колхозный комбайн. Правда, приходится держать трактор на буксировке. Намолачивается хорошо, голозёрных семян мало.

23 сентября. Сегодня наконец-то отремонтировали барабан агрегата. Пустили в работу комбайн Е-281. Отличная машина. 20-го сентября пригнали её (своим ходом) из Кирова. Все работали замечательно.

1 октября. Выпал снег. Боже, как рано! Снег идёт и идёт, настоящая метель, – 5 °.

7 октября. Снег стаял, но дождь. Готовимся к производству хвойной муки. Техника законсервирована.

8 декабря. Третий день мороз – 25°. Пропускаем хвою. На сегодня изготовлено 26 тонн хвойной муки.

24 декабря. Мороз до – 32 °. 15–16 декабря была оттепель. Не знаю, сделаем ли декабрьский план (20 тонн муки). Каждый день часа по два уходит на отогрев солярки, механизмов, ремонтировали транспортёр, дробилку, хвои постоянно не хватает.

21 января 1979 года. Возим удобрения на III полевой, фосмуку завезли полностью на 35-й сектор. На той неделе начали возить бутовый камень для бетонирования площадки на АВМ.

Расширили дорогу на АВМ. Одновременно тут же заготавливаем сосновую лапку. АВМ ремонтируем – сняли барабан. В новогоднюю ночь стоял лютый мороз, до – 50 °. Сейчас умеренно холодно, – 15 °.

14 апреля. Давно не записывала. Был отпуск – впервые ездила на Черноморское побережье, в Геленджик. Побывала в весне. Удивительно, а у нас снегу на полях почти как в январе. Вчера последнюю хвою размололи. 2 апреля получили целый вагон аммофоски. Завезли её в склад.

6 июня. Вчера сделали первую тонну муки – пропустили две телеги зелёной массы. Сегодня – официальное открытие нашего сезона. И, как назло, с утра повалил такой снежище – все поля укрыло снегом, сантиметров 10 навалило. Правда, снег быстро стаял.

16 июня. Сделано 22 тонны муки. Трава растёт плохо. Много вымерзло, вымокло. Я в отчаянии. Не всё хорошо и в организации. В начале июня были и сильные заморозки, и снег. Дождей почти не было.

23 июня. 19–21 июня Ленинградская студия документальных фильмов снимала у нас киножурнал. 20 июня председатели всех колхозов района приезжали к нам.

Александр Григорьевич Козьминых проводил очередное совещание руководителей хозяйств перед началом заготовки кормов. Почти в каждом колхозе тогда были агрегаты по производству витаминной муки. Но, как правило, начинали работать эти агрегаты к середине лета, когда трава уже грубела. А в начале июня агрегаты и техника для кошения у большинства хозяйств были только в стадии ремонта. И вот предрик предложил всем руководителям следовать за его машиной. С присущей ему грубоватой простотой Александр Григорьевич отчитал председателей: «Вы мне жалуетесь: нет травы, нет запчастей, а посмотрите, люди на болоте уже полсотни тонн муки сделали. Что, у них погода другая, заморозков не было, дожди прошли? Смотрите, какие у них травы».

А я-то думала, что у меня травы неважные. Оказывается, в колхозах травы в этом году очень плохие и из-за этого хозяйства к заготовке «витаминки» и не приступали. «Давай, Вера Александровна, делись опытом, расскажи, как вы могли запустить агрегат в начале июня. Где траву взяли?». И я провела председателей по посевам, сводила всех в склад, где штабелями лежали мешки с семенами трав. Без утайки рассказала, какую технологию залужения применяем, какие травы сеем. В общем, нашей работой заинтересовались не только торфяники, но и те, кто работает на обычных минеральных землях.

24 июня. Сегодня первый день сделали чуть больше 7 тонн «витаминки». Посеяли 4 карты на 7-м секторе (тимофеевка). Всходы на 35-м секторе от заморозков пожелтели.

Сделали пробный пуск 2-го агрегата. Пока цех под открытым небом.

25 июля. Не записывала целый месяц. За этот период чего только не было. И была авария с Е-280 (барабан – летят ножи). Недели две работали: косили Е-301, подбирали и измельчали КУФ-1,8. На сегодня сделано 200 тонн «витаминки». С 10 июля работаем в две смены. Трава скошена почти на всех близких площадях, на некоторых уже по 3 раза. На втором полевом тимофеевка подкормлена, но не нравится мне, видимо, сказывается слабая степень разложения торфа.

2 августа. С 31 июля косим на III полевом. Трава прекрасная. Вчера 10 тонн муки сделали, сегодня – так же.

25 августа. Позавчера в Катнях из-за нашей муки сгорели склад и 10 тонн муки. Склад был, правда, старый, давно списан, но всё равно жалко и стыдно перед колхозниками. Муку, конечно, мы им компенсируем. Вперёд наука. Нарушаем инструкцию – отпускаем муку сразу после изготовления, без отлёжки, а вот чем оборачивается.

26 августа. Опять поломка комбайна Е-280. На 3-м полевом работали с 1 по 15 августа. Этой весной посеяны там тимофеевка и клевер, и посеяны эти площади были по выработанному торфянику без обработки (только внесение удобрений, посев и прикатывание), а травы такие выросли – чудо, и комбайн на этих площадях почти не буксовал. Погода стоит чудная. Солнышко, тепло. А работа клеится плохо. Сделано всего 350 тонн муки. Нужно убирать семена тимофеевки. Сколько дел, какая текучка!

10 сентября. Отличная погода весь август и начало сентября. Убираем семена тимофеевки. На 2-м полевом заложили силос, тонн 300. Трудно с мешками. Пробуем сами клеить из пленки, но пленка груба, клеится плохо.

20 сентября. Сегодня, кажется, кончили производство витаминно-травяной муки. Нет мешков, да и трава сохнет плохо, горит. Снова начали силосовать для колхозов. Целую неделю дожди.

На 31-м и 34-м секторах (на 3-м полевом) нынешнего посева косили на «витаминку» два раза: с 1 по 3 августа и с 10 по 13 сентября. Вот он – посев без обработки. С каждого гектара получено чуть не 200 ц зелёной массы, и это в первый год.

27 октября. Опять запустила записи. Замёрзло. Вчера выпал настоящий снег. Завтра будем настраиваться на работу по-зимнему. Скосили редьку масличную. Она вызрела и высохла до хруста, будем размалывать на муку на «Волгаре». Привезли две тысячи полотняных мешков и тысячу бумажных. Сделала расчет годовой экономической эффективности комбайна Е-280 – 5600 рублей и косилки Е-301 – 2600 рублей. Всего сделали 400 тонн витаминно-травяной муки и 500 тонн силоса.

ЭКЗОТИЧЕСКИЙ ЗЛАК

2 декабря. В конце ноября ездила в Ленинградскую область. Привезла 10 кг семян канареечника тростниковидного и 11 ножей для комбайна Е-280.

К канареечнику у меня отношение особое. Еще в далёком 1963 году летом мы, шесть девчонок с агрофака, были командированы во 2-й учхоз в Быстряги для сбора дикорастущего канареечника. Учёные агрофака хотели размножить эту удивительную культуру от собранных нами семян. И вот мы приехали и поселились в деревне Новожилы, недалеко от Марадыковского. В нашем распоряжении была машина ГАЗ-52. На ней мы ездили на болото, где собирали семена канареечника, ездили в столовую. Эта столовая была на месте теперешнего посёлка торфодобытчиков Мирного.

Бревенчатая, она стояла в лесу, и обедали здесь те, кто занимался подготовкой площадей для торфодобычи. От Новожил до ещё не существующего Мирного по дороге, с обеих сторон обнесённой колючей проволокой, было недалеко, наверное, километров пять. Один раз мне пришлось уехать домой, в Стрижи, на один день. Мы договорились, что наши встретят меня в Марадыковском на машине. Однако я приехала, жду, жду – никого нет. Я пошла по дороге пешком. Иду – вдруг навстречу солдат, голова, помню, забинтована. Круто сменил раненый солдатик свой маршрут, повернул и пошёл со мною. С разговорами пристаёт, выспрашивает, адрес просит. Жутковато мне. Кругом ни души, дорога от леса колючей проволокой отрезана. Тяну время, адрес дала ложный, фамилию сказала другую, а сама думаю: если бежать от него, то как через колючую проволоку? И, на моё счастье, навстречу на велосипедах едут двое военных, лейтенанты вроде. Мой «ухажёр» руку к голове забинтованной приложил, лейтенанты остановились, спрашивают солдата: «Куда это ты собрался?».

А я (мне раздумывать некогда) почти побежала, а потом юркнула под колючую проволоку.

Вроде бы шла по направлению к Новожилам, но, конечно, сбилась с правильного пути и заблудилась. А места тут низкие, топкие (именно на таких растёт канареечник). Полдня блуждала,

только к вечеру вышла к конторе в Новожилах, где мы временно обитали на 1-м этаже. А мои девочонки в Марадыково приезжали, только здорово опоздали и решили, что я не приехала. Хорошо, что я всё-таки добралась, хотя и с приключениями. Что за этой колючкой были склады химоружия, мы в то время и не знали. Знали, что стоит тут воинская часть, а чем она занята, было тайной.

И сейчас, когда идёт такая страстная полемика вокруг этого химарсенала, я вспоминаю дорогу с колючей проволокой, болото, на котором мы собирали семена влаголюбивого канареечника, растущего в пойме Вятки, и думаю, кто эти умники, которые разместили **такие** склады в **такой** местности.

Собрали мы эти семена, привезли их в институт. А ведь не пошёл канареечник. Только в рекомендациях учёных для создания сенокосов на переувлажнённых землях можно увидеть название этой удивительной травы.

И вот я прочитала в «Сельской жизни», что в Ленинградской области, в Волосовском районе занимаются семеноводством канареечника. Пришла к Горбунову Николаю Дмитриевичу, положила перед ним газету, где подчеркнула нужные строки, и сказала: «Отпустите меня в Ленинградскую область за семенами канареечника». Мой «каприз» был поддержан, и я поехала в Ленинград. Ехать пришлось через Москву – заодно решила аспирантские дела. И после встречи с Макаровым Иваном Павловичем поехала на Ленинградский вокзал. Ближайший поезд до Ленинграда был «Москва – Хельсинки». Удивительно: международный поезд, а вагон почему-то не отапливался, и было чувство, что я ехала на крыше вагона, такой был холод. Приехала в Волосово, погода отвратительная, сырой снег, ветер. Нашла управление сельского хозяйства. Пришла к агрономам, спрашиваю, как добраться до хозяйства, в котором занимаются канареечником, а они (специалисты райсельхозуправления) и дел не знают, где это у них в районе выращивают такую редкую культуру. Я им газету показываю, а они руками разводят: «Ничем не можем помочь». Обидно, неужели зря ехала. На моё счастье, в штате управления оказалась землячка – бывшая котельничанка. Она и приняла

живое участие в поисках нужного мне хозяйства. Наконец выяснили, что вроде бы занимаются канареечником в совхозе «Октябрьский». Связи с ним почему-то в тот день не было, и пришлось мне ехать в хозяйство наобум. Приехала туда на рейсовом автобусе, пришла в контору. Подтвердили: да, занимаемся канареечником, но семян продать не сможем, еще не просортированы, да и главного агронома нет – на совещании, в Ленинграде, приедет только завтра. Обидно очень, ну да не затем я сюда добиралась, чтобы уехать с пустыми руками. Напросилась на ночлег к Нине Ивановне, агроному отделения, сходила с нею на склад, где уже приступали к сортированию семян канареечника.

Пошла к директору совхоза с просьбой: «Продайте хотя бы килограммов 10 семян». – «Без агронома не могу, да она, может, не захочет продать, у самих семян мало. Как бы то ни было, придётся дождаться вам Людмилу Николаевну, она сегодня, правда, очень поздно, должна вернуться из Ленинграда». Узнав, что я из Кировской области и занимаюсь кормопроизводством, директор поинтересовался, какую технологию применяем мы при производстве витаминной муки. Я с гордостью рассказала ему о немецких комбайнах. Для ленинградских хозяйств, оказывается, эти машины давно не в диковинку, почти в каждом по нескольку комплексов. Я посетовала, что на наших землях часто попадается всякое железо (наследство торфодобычи) и часто «летят» ножи измельчающего барабана. А ножи эти из специальной немецкой стали и очень, очень дефицитны. И я имела наглость попросить, не найдется ли в совхозе пара-другая лишних ножей. Директор улыбнулся и сказал: «У вас железо ножи рвёт, а у нас камни на полях – страшно вредят нам. Не только ножи комбайнов, все сельхозмашины от них страдают. И ведь убираем эти валуны каждый год, а они будто растут, и на следующий год их ещё больше». Теперь мне стало понятно, почему на краях полей, мимо которых я ехала на автобусе, горы из круглых валунов. И постройки в селах выложены из таких же круглых, как будто обточенных камней. Из них были сложены и склады, и фундаменты домов, и даже хлева.

Везде свои трудности. На самом деле, разве можно сравни-

вать наши случайные пни и железяки на полях со следами древнего оледенения на ленинградской пашне? За несколько минут разговора с директором совхоза я много узнала о его хозяйстве. А ещё от него я смогла позвонить своим родственникам в Волховский район. Там в Гостинополье у меня жил двоюродный брат Борис, брат его жены работал в совхозе главным инженером, и у них ножи немецких комбайнов были не очень-то большим дефицитом. По крайней мере, Борис пообещал помочь мне в этом, если, конечно, я заеду к ним.

Переночевала я у агронома Нины Ивановны и утром отправилась к Людмиле Николаевне Ильвес, так звали главного агронома совхоза «Октябрьский». Долго я упрашивала, чтобы мне продали немного семян канареечника. Она говорила, что они никому не продают их, что сами только размножают, но потом всё-таки сжалилась надо мной. Взвесили мы 10 килограммов атласных семян, заполнила я ими свой небольшой чемодан, а остатки упаковала в мешок и отправила по почте на свой адрес. Заплатила за семена 75 рублей и теперь, уже очень довольная, что не зря ехала столь далеко, расспросила Людмилу Николаевну об «экзотическом растении». Она тоже любила эту траву, говорила о ней с восхищением, о её непревзойдённой скорости роста (при благоприятных условиях до 8 см в сутки может вырасти этот злак), о его высокой урожайности и, главное, что это растение может расти на очень сырых заболоченных землях, и даже их предпочитает: до 12 и более тонн сена на гектаре может дать этот чудо-великан. Я про себя отметила: «Мне это и надо». Но сказала агроном, что есть у него «маленький» недостаток. Уж очень капризно семеноводство канареечника. Мелкие шелковистые семена его, чуть созрев (а созревают они непредсказуемо рано, как правило, в первой декаде июля), тихонько вытекают на землю, оставляя колоски лёгкими и пустыми. И чуть-чуть стоит опоздать с уборкой, можно на комбайне подъехать к полю, где жёлто-зелёной стеной стоит богатырская трава, и только несколько килограммов семян с гектара попадут в бункер. А приедешь на поле вовремя, когда «маленькие беглецы» на месте, и до 2 центнеров и больше с гектара можно собрать этих семечек. А если учесть,

что сеять канареечник можно всего по 2 кг на гектар, то размножается эта трава очень быстро. «Я, – говорит мне Ильвес, – когда поспевает канареечник, с поля почти не ухожу и комбайн для уборки держу наготове».

Удачно съездила я и в Гостинополье. В данном случае приятное было совмещено с полезным. Побывала в гостях у близких родственников и получила (совершенно, кстати, бесплатно) 11 дефицитнейших и очень дорогих для меня ножей от барабана Е-280.

Так и возвращалась из командировки, побывав в Москве и Ленинграде, с чемоданом, полным семян, в одной и тщательно упакованным тяжеленным свёртком (каждый нож весит 2 кг) в другой руке. И ничего, кроме небольшого пакетика конфет «Невский факел», не везла я своим мальчишкам из очередной поездки. Имто трудно объяснить, что мой груз был ценнее любых лакомств и игрушек, с которыми я обычно возвращалась из любых командировок.

ЛОВИМ ПОГОДУ

22 апреля. За 3 дня согнало с полей снег. Сейчас паводок. Многие площади под водой. Особенно жалко клевер, он полностью под водой. Надо ещё обследовать 35-й, 34-й, 32-й сектора. Не полностью еще решился вопрос с кадрами.

9 мая. Подкормку посевов начали 30 апреля. 1 мая поля зазеленели. Вода с посевов сошла. 7 мая первый раз закуковала кукушка, распускаются, зеленеют берёзы. Нужно восстанавливать мосты. Все они ликвидированы паводком.

19 мая. Работаем. Продолжаем внесение удобрений. Дожди почти каждый день. Травы начали отрастать хорошо, но растут медленно. Интересно, что куртины бекмании на 12-м секторе растут в воде, возвышаясь над нею.

Бекмания обыкновенная попала на мои площади случайно. С Лугоболотной опытной станции были привезены семена тимофеевки. И вот в посевах то тут, то там стали выделяться необычные злаки, особенно хорошо развитые в сырых местах, там, где постоянно стояла вода. Осенью я вручную собрала с этих могучих, прекрасно распустившихся водолюбов семена. Чуть не пол-

ный бумажный мешок набрала. На следующий год мы посеяли бекманию на 5 гектарах. Потом с них намолотили целый бункер семян. Здорово намолачивалось. А после обмолота семян тракторист (по ошибке вместо другого участка) продисковал семенники бекмании. Было до слёз жалко, но винила только себя. Нужно было самой показать поле под обработку.

Бекмания обыкновенная в посевах выделяется среди других злаков нежно-зелёным цветом листвы, имеет специфический запах. Позднее во всех наших посевах появились куртины бекмании в самых сырых местах, где мы даже не могли убирать травы.

26 мая. Сегодня 3-й день без дождя, но опять заносит. Настроение ухудшается. Хочу видеть густые высокие травы, а многие участки (на 9-м секторе, на 6-м) – с редкой невзрачной травкой. Овсяница луговая быстро состарилась. Наверное, на выработках не стоит ею особенно увлекаться. Выгодно на сухих участках выделяется ежа сборная. Закончили подкормку хлористым калием на 2-м полевом. Думаю получить там семена тимофеевки, тем более наконец-то у нас есть свой комбайн для уборки семян.

На 9-м секторе, на очень сыром участке рассеяли привезённые из Ленинградской области семена канареечника. Сеять пришлось двойной тягой, два гусеничных трактора работали с одной сеялкой (настолько непролазный был участок).

Посеяла я свой канареечник на 4-х гектарах, дождалась всходов, но мучили сомнения: а как на таком сыром участке собрать семена? Но канареечник развеял мои сомнения – «муки творчества». Через год, когда мы на колёсном комбайне «Нива» начали убирать семена, оказалось, что почва под канареечником настолько уплотнилась, что даже трактора для буксировки комбайна не потребовалось. Еще один плюс канареечника. У него настолько развитая система корневищ, что непролазные участки становятся доступными для работы на них даже колёсной технике.

30 мая. Сегодня отличная погода. Продолжаем сеять травы. Начали заниматься гранулятором. Завтра в гараж от центральной мастерской переправляем комбайн «Нива». На 3-м полевом тимофеевка выглядит хуже, чем я видела её две недели назад. Требуется азотная подкормка. Сегодня поломка сеялки. Да, забыла

написать. Вчера делали пробный пуск АВМ. Накосили одну неполную телегу зелёной массы. Нужно срочно доставать ремень вариатора комбайна Е-280.

4 июня. Вчера и позавчера выборочно подкормили тимофеевку на 3-м полевом (кроме 31-го сектора – сыро). Начали собирать комбайн СК-5 (приняли нового тракториста – он будет работать на «Ниве»).

Траву пора косить на всех участках. Травостой выровнялся. Завтра должны убирать на «витаминку».

29 июня. Мои луга… Одно слово подходит к нашим травам – изобилие. По пояс, сочные, не нарадуюсь. Процвела ежа, доцветает овсяница.

Косим на 17-м секторе. Урожай зелёной массы – до 300 центнеров с гектара. Скосили и сметали сено на 15 гектарах. Сделали 140 тонн муки.

Два дня тому назад посеяли на 7-м, 6-м секторах тимофеевку, на 9-м секторе – костёр безостый. Работаем на одном агрегате, но делаем помногу, по 10–11 тонн за смену. Настроение отличное, рабочее. Здорово устаю, с 6 утра до 9–10 часов вечера в гараже, на полях. Хорошо хоть, что обеды привозят, кормлю рабочих и сама с голоду не умираю. Владик и Олег самостоятельные, в этом году Олег пойдет в 1-й класс, а сейчас пока бегает в детский сад, частенько появляется у меня на АВМ.

Наши поля теперь протянулись на 27 км. Иногда, чтобы поскорее попасть на неблизкое поле, мне приходится садиться за рычаги или за руль какого-нибудь трактора. Если в гараже появляется Олежка, он с удовольствием влезает в кабину и едет со мной на дальнее поле. Вначале он с удивлением смотрел, как я управляюсь с трактором, потом привык. Правда, не всегда мои самостоятельные поездки кончались успешно. Один раз на силосном бурте, вываливая зелёную массу, я умудрилась опрокинуть поднятую телегу. Другой раз на гусеничном, когда торопилась к полю, чтобы вытащить забуксовавшую косилку Е-301, оказалась вместе с трактором в магистральном канале. Пришлось трактористу Ивану Гончарову вызволять трактор из магистрали.

14 июля. Прошла почти половина лета. С 3-го сплошные дожди, ни дня без них. Заложили силос на 12а секторе – 250

тонн. Сейчас на 21-м секторе силосуем.

Тимофеевка цвела 10 июля. Второй агрегат не работает. Начали крыть шифером, а то работали под открытым небом. Массу возим на гусеничных тракторах – колёсные не тянут, вязко.

19 июля. Дожди не прекращаются. Вчера – поломка комбайна. Сегодня поневоле – выходной. Три дня работали на 2-х агрегатах.

22 июля. Бетонируем на 2-м агрегате. Сегодня запустили комбайн СК-5. Намолотили первый бункер овсяницы. Еще сыровато, но семян должно намолотиться много. С Козловажа привезли теплогенератор ВПТ-400. Надо срочно оборудовать напольную сушилку. А пока семена рассыпаем тонким слоем на деревянный настил под навесом и постоянно перемешиваем.

29 июля. Намолотили 4 бункера семян овсяницы луговой. На III полевом засилосовали 250 тонн. Сейчас на муку косим полевицу белую. Очень хороша овсяница тростниковидная.

24 августа. Дожди идут каждый день. На дне дождь принимается раз по пять. Хорошей погоды без дождя было с 25 июля по 5 августа. Урывками молотили тимофеевку. Ловим погоду. Сушим на ВПТ. Хорошо, когда свой комбайн и хоть небольшая, но своя сушилка.

17 сентября. С 10 сентября установилась ясная, без дождя погода. Надолго ли? Сейчас косим на силос тимофеевку после уборки семян. После 2-х дней ремонта работает комбайн Е-280.

Решила снова заняться диссертацией. Задача на зимний сезон – сдать кандидатский по немецкому, написать вчерне диссертацию и автореферат.

5 октября. Вчера последний день косили для АВМ. Зелёной травы осталось: на 6-м секторе – 6 га, на 7-м – 10 га, на 9-м – 4 га костра безостого. Нет возможности косить – вязнем. На 32-м, 35-м, 36-м секторах начали вносить удобрения. Будем сеять под зиму.

15 октября. Сегодня посеяли 10 гектаров тимофеевки на 35-м секторе. По утрам заморозки. Дни яркие, как по заказу. Солнце с утра до 6 вечера. Опасность подзимнего посева в том, чтобы не успели до снега прорасти семена. Думаю, что этого не будет: ночи с минусовой температурой, да и дни, хотя и яркие, но холодные.

24 октября. Позавчера кончили сеять на 3-м полевом. Под зиму посеяно 55 гектаров тимофеевки. Начал выпадать снег. Вчера начали заготовку хвои. Сегодня на АВМ сделали 570 кг хвойной муки. Морозит. Сегодня вывешивали комбайны.

10 ноября. Снег устойчиво лёг, – 10°. Весь цех (6 человек) на делянке. Заготовляем хвою.

2 декабря. Сегодня холодно, около – 20°. Не работа, а мучение. Хвои постоянно не хватает, заготавливать негде, на делянке вырубили весь неликвид. Почти перестала заниматься по аспирантуре. За день устаю, намерзаюсь. Но в начале января в Москву все-таки ехать надо.

Согласую план диссертации, сдам в Тимирязевку обзор литературы по теме, отпечатала и переплела. Такая красивая книжечка получилась.

КЛЮКВА ПО-АМЕРИКАНСКИ

5 января 1981 года. Сегодня ездила в Котельнич договариваться об удобрениях. Постановлением Совета Министров нам передали для использования земли (пашню от колхозов имени Кирова и «За коммунизм» – 470 гектаров).

Переданные в наше владение колхозные земли давно не использовались хозяевами и уже начали зарастать берёзками. В этом не было ничего удивительного.

Расположенная за 20 км от основных массивов колхоза пашня не отличалась высоким плодородием, в деревне Патруши уже не осталось трудоспособных.

За период с 1975 года по 1980-й один только раз колхоз имени Кирова посеял (и то силами шефов – рабочих торфопредприятия) ячмень, который так и не был убран. Так неожиданно-негаданно к своим 1600 гектарам выработанных и уже освоенных к тому времени торфяников мы получили в своё распоряжение чуть не 500 гектаров минеральных земель. В основном пески, подстилаемые глиной. Эти почвы трудны в обработке: в дождливый период, а также весной они вязкие, труднодоступные, в сухую пору пересыхают, и растения страдают от недостатка влаги.

Тем не менее, земли переданы, с ними нужно работать. С осени мы постарались вспахать залежь (сколько успели), а весной посеяли почти на всей площади зерновые.

Ещё до того, как были получены эти земли, мы закупили 20 годовалых тёлочек и разместили их в загончике. Подобрали место под строительство ферм и перевезли от дер. Капиданцы старый коровник. Сами сделали проект. За зиму построили довольно приличный двор. В одной половине двора разместили коров и тёлок, в другую половину поселили молодых свинок, которых привезли из Александровского. Кормовая база для наших животных была готова давно. Поголовье увеличивалось.

В то время генеральным директором «Кирторфа» был Россохин Анатолий Алексеевич. Теперь я точно знаю, что благодаря именно ему почти на всех торфопредприятиях объединения были созданы подсобные хозяйства. Торфопредприятия своими силами проводили рекультивации и сельхозосвоение выработок. К нам на Гороховское со всей России приезжали торфодобытчики: кто за опытом, кто за семенами трав, кто за травяной мукой и зерном.

Однажды Николай Дмитриевич звонит на АВМ: «Вера Александровна, к тебе тут с Морокко приехали за семенами трав, ты уж им продай». Оказалось, где-то в Мордовии есть местечко с экзотическим названием «Морокко». Вот оттуда и приехали к нам покупатели. В один год мы на своих площадях намолотили 52 тонны семян тимофеевки. Куда только не уехали наши семена. Помню, даже из Тюменской области пожаловали к нам за ними.

Это сейчас без предоплаты ничего не продают, а тогда – вручат тебе доверенность с печатью, выпишешь счёт и отдаёшь столь дорогой товар. И ни разу никто не обманул – перечисляли деньги без напоминаний.

В те годы и само Министерство топливной промышленности РСФСР развитию сельскохозяйственных подразделений на торфопредприятиях придавало большое значение.

Чего стоят ежегодные семинары на самих предприятиях, где торфодобытчики не только заготовляли торф, но и обеспечивали себя молоком, мясом, выращивали корма на выработанных торфяниках.

Много же всё-таки зависит от руководителей. Именно генеральный «Росторфа» Пётр Максимович Гурко, который так помог мне в новом деле и так сумел внедрить его чуть не во всей России, был инициатором и участником этих семинаров, совещаний. Я сама в то время побывала в Ярославле, Новгороде, Свердловске на различных семинарах по обмену опытом. В 1985 году на нашем торфопредприятии проводился общероссийский семинар по системе «Росторфа».

Весна в том году опоздала на целый месяц. Семинар был 29 мая, а поля и луга ещё не зеленели, посевная была начата в обычные сроки, но из-за непрекращающихся дождей, из-за которых на поля было не заехать, еще не была закончена. Около ферм – непролазная грязь. Срочно сколотили деревянные тротуары, чтобы издалека прибывшие гости смогли посмотреть наши фермы, наших животных. К тому времени их было довольно много (около 200 голов крупного рогатого и 200 поросят). Гости удивлялись, что мы не только работаем на кормах собственного производства, но и в больших количествах продаем травяную муку, зерно, а также семена.

Всё-таки, несмотря на запоздавшую весну, мы уже запустили АВМ-3. Косили озимую рожь и канареечник. Мои гости вошли в склад, и я показала им семена трав десяти видов. Многих заинтересовали семена канареечника. С одной женщиной мы договорились, что обменяемся семенами: я посылаю ей в Удмуртию мешок семян канареечника, а она мне – мешок семян клевера красного. Так мы и сделали. И за три года мы размножили семена клевера так, что в 1988 году он был посеян на 200 гектарах нашей минеральной пашни.

В те годы торфодобытчики обеспечивали себя молоком, мясом, некоторые также занимались разведением пушных зверей, рыбоводством.

Достаточно было Петру Максимовичу Гурко узнать, что в Псковской области в одном из лесхозов на выработанных площадях занимаются выращиванием клюквы, он предложил ознакомиться с этим делом, дать оценку его в условиях торфопредприятия.

Так я вместе с Нонной Алексеевной Кривошеиной, которая курировала подсобные хозяйства российских торфяников в министерстве, оказалась в Порховском районе Псковской области, в лесхозе, который в качестве эксперимента занимался выращиванием клюквы на переданных от торфопредприятия выработках. Наша поездка в Порхово была в конце апреля. Людмила Андреевна, которая возглавляла это дело, провела нас по своим владениям: по огромным плёночным теплицам, где в это время рабочие черенковали клюкву, по плантациям клюквы. На ровных 2-гектарных картах, где когда-то добывали фрезерный торф, под ногами пружинили густооблиственные побеги клюквы. Под ними прозрачными бусинами алели крупные ягоды. «Это американская крупноплодная клюква, – объяснила Людмила Андреевна. – Она даёт у нас неплохой урожай ягод (до 70 ц с гектара), но мы не можем механизировать её уборку. Сбор её ведём вручную, и за 8 часов рабочий собирает всего 11–14 кг ягод – попробуй из такой листвы выцарапай их».

Я прикинула: на наших диких болотных плантациях наши женщины за 8 часов могут собрать до 4-х ведёр нашей, но столь же, если не больше, полезной ягоды.

«А как же американцы? Тоже по два ведра за день собирают?» – спросила я. «Нет, – ответила Людмила Андреевна, – у них это делается совсем по-другому. Наш главный лесничий ездил в Соединённые Штаты для ознакомления с производством клюквы по американской технологии. Там эти работы от посадки до уборки урожая механизированы. Конечно, самой сложной операцией и там является сбор ягод. У них эту работу и сбором-то не назовёшь. Когда ягоды поспевают, клюквенные плантации заливаются водой, довольно глубоко, и в работу включается комбайн на подводных крыльях. Специальными гребешками ягоды очёсываются со стебельков, и вода становится красной от крупных, как вишня, ягод клюквы, которые сразу же засасываются машиной и потом идут на переработку». Цель нашей с Нонной Алексеевной поездки была следующей: мы должны были решить, стоит ли торфодобытчикам заниматься искусственным выращиванием клюквы на выработанных (речь шла о верховых болотах,

которых у нас немало и которые не могут быть использованы для выращивания трав и других сельскохозяйственных растений).

Мы написали отчёт по командировке и указали в нём, что заниматься искусственным выращиванием хотя бы и заокеанских сортов клюквы в условиях торфопредприятия нерационально и нецелесообразно. «Слишком трудоёмко, неэффективно и неразумно» вкладывать большие деньги в то, что бесплатно и в больших количествах даёт человеку природа. Другое дело, что болот, где растёт эта ягода, становится всё меньше.

Так по крупицам в то время Министерство топливной промышленности РСФСР выискивало, как сделать так, чтоб освободившиеся из-под добычи площади и дальше служили человеку, а посёлки торфяников не были обречены на жалкое бездеятельное существование.

19 февраля. Сегодня приехала из Москвы. Заходила в «Росторф». Петр Максимович Гурко собирается приехать в Киров и обязательно пообещал заехать к нам на торфопредприятие.

Главное, зачем я ездила в Москву, – это выделение нам АМВ-3. Пообещали, что в 1982 году агрегат нам будет выделен.

Что привлекает в новом АВМ-3, так это его высокая производительность: по проекту до 3-х тонн «витаминки» в час. Но главное, – конечно, это то, что с ним идёт целый «шлейф» дефицитнейшей техники: два комплекта кормоуборочной техники, 6 колёсных тракторов, 6 прицепов.

Пётр Максимович Гурко сдержал слово и в конце февраля с заместителем министра топливной промышленности и генеральным директором «Кирторфа» Россохиным Анатолием Алексеевичем появился на Гороховском торфопредприятии.

В этот день было довольно морозно, но наш АВМ работал. На всю округу слышался монотонный гул агрегата, и далеко чувствовался запах хвои.

Столичные гости приехали к нам на «Волге» после обеда. Мы были единственными, кто в системе «Росторфа» занимался таким производством. Поэтому Петру Максимовичу был очень интересен наш опыт. С каким удовольствием он брал в ладони ярко-зелёный душистый порошок, который АВМ вырабатывал из хвойных хлопьев.

Я как могла рекламировала хвойную муку и как ценную витаминную добавку к кормам, а также как средство для приёма лечебных ванн, а ещё (об этом мало кто знает): хвойная мука надолго продляет жизнь срезанных цветов, если ее добавить в воду для них. В этом, кстати, я сама убедилась. Моим высокопоставленным слушателям особенно понравилась возможность использования хвойной муки как средство для ванн. Я предложила им небольшой «презент» – увезти муку в Москву. Они с радостью согласились. И я подарила им целый мешок хвойного порошка.

Обычно мы затаривали муку в бумажные мешки, но перед этим они у нас закончились, и мы работали с матерчатыми.

Пётр Максимович потом рассказывал мне: «Всю дорогу до Кирова мы наслаждались, вдыхая свежий хвойный запах. Однако, когда через три часа мы доехали до «Кирторфа», вышли из машины и взглянули друг на друга при свете уличных фонарей, ужаснулись: наши лица и одежда были ярко-зелёными. Хвойная мука настолько въелась в нас, что мы с трудом отмылись, а уж одежду и шапки пришлось чистить пылесосом. И всё равно пассажиры в поезде принюхивались и говорили: «Ах, как приятно от кого-то пахнет лесом». Я поинтересовалась, использовали ли они хвойный порошок по назначению. «Какое там, мы вашу муку в Москву и не взяли. Теперь у меня на всю жизнь к ней аллергия. Это сейчас мне смешно, а тогда было не до смеха».

А я вспоминаю те годы, когда мы занимались производством этих «зимних витаминов» и задаю себе вопрос: «А нужно ли всё это было?» Как лазали по пояс в снегу, заготовляя эту лапку, как мёрзли, как в лютые морозы отогревали солярку, чтоб разжечь топку агрегата, сколько молодых елей погубили, да иногда валили огромные ели ради только хвои. Конечно, заготовляли ее на делянках, но… всякое было.

20 февраля. С двух торфопредприятий Горьковской области приехали к нам за опытом сельхозосвоения выработанных торфяников. Рассказываю им, ничего не утаивая, как мы работаем, какие травы и как сеем.

Просят продать семян тимофеевки, ну что ж, продам. Хорошо, что у меня есть последователи и хорошо, что я могу им помочь.

Погода весь январь и февраль стояла тёплая, только последние дни морозно. Хвою сейчас заготовляем на Коршуне. Удобрений привезли 200 тонн – сульфата аммония. С удобрениями плохо, не знаю, как привезти остальные.

10 апреля. На полях полуметровый слой снега. Несколько дней было тепло (до +6°), а сегодня морозно, ветер северный, ночью до – 16°. За то время, что не записывала, было много дел. Расскажу о более важном. Пришло извещение, что АВМ-3 выделят в первой половине уже этого года. Необходимо срочно увеличить площади под травами. 2 апреля ездила в Ярославль – выступила на совещании по подсобным хозяйствам в системе «Росторфа». А 31 марта пришлось выступать на областной конференции ВООП (Всероссийского общества охраны природы).

Да, удобрений завезли еще 100 тонн сульфата. Сейчас у меня его 320 тонн, на всю подкормку должно бы хватить.

«НЕУБРАННОЕ КОНОПЛЁ»

22 мая. 3-й день стоит тёплая солнечная погода. Ночью прошёл сильный дождь с грозой, а вообще-то сухо. 18 мая посеяла 2 гектара райграса однолетнего (привезли мне семена с Каринки – я им дала семян тимофеевки) и 2 гектара кормовой капусты.

31 мая. Вчера посеяла 8 гектаров ячменя с подсевом овсяницы тростниковидной (семена привезли из колхоза «Путь Ленина»). Дождей нет, жарко, сухо, ветер. Все травы подкормлены. Тёмно-зелёные.

А у Е-280 опять ножей не хватает, пришлось ехать к родственникам в Волховский район, привезла снова 11 ножей, правда, не новых.

14 июня. Начали уборку трав на ВТМ 6 июня. На сегодняшний день сделали всего 25 тонн. Мучаемся, почему-то часты загорания.

20 июня. 18 июня сдала кандидатский по немецкому. Надо восстанавливать работу по теме. Материала много, результаты интересны, но где взять время и силы?

Сегодня ездила на III полевой, была на подзимних посевах. Выглядят они очень даже неплохо (для такой сухой весны). На-

чалось кущение. Всходы на подзимних посевах появились очень рано и полностью использовали весеннюю влагу. Травы везде подоспели под скашивание, а на некоторых (скошенных участках) уже можно брать 2-й укос, хотя убирали только две недели назад.

Тимофеевка на делянках в стадии колошения. Скоро буду косить, сегодня обкосили защитки. На 8-м секторе продолжаем рекультивацию.

5 июля. Сегодня на опытах скосила цветущую тимофеевку. Стоит жара. Два дня тому назад прошёл дождик, и опять жарит до + 33 °.

Сейчас косим далеко, за 7 километров возим массу, работаем на 2-м агрегате. В день делаем по 8–10 тонн муки. Скоро кончится запас мешков. На сегодня сделано 200 тонн муки. Сегодня смотрела нынешние посевы на 18-м секторе. Выглядят неважно – сильно сказалась засуха, но все-таки живые. Конечно, подзимние посевы на III полевом несравнимо лучше. Там тимофеевка уже подоспела под скашивание, а весенний посев только кустится.

Бекмания, костёр, овсяница, канареечник процвели, выглядят отлично. Тимофеевка – в цвету.

15 июля. Обмолотили канареечник 12 июля. Молотили на высоком срезе. Комбайн «Нива» прекрасно работал на площади, где прошлый год сеяли канареечник двойной тягой (конечно, нынче очень сухое лето). Сейчас убираем на семена овсяницу луговую.

22 июля. С комбайном Е-280 – крупная авария. Вышел из строя топливный насос. Где взять?

На мотоцикле ездила в Советск – в райживобъединение, дали там мне насос, сегодня поставили его на комбайн, но не смогли отрегулировать зажигание. Дождей нет. Отава растёт плохо. Сейчас подбираем и скирдуем солому после уборки семян овсяницы. Скоро под уборку подоспеет бекмания. Стоит жара +30 ° . Отава растёт плохо.

Вчера из Тимирязевки пришла телеграмма: прибыть в академию по кандидатским делам 25 июля. Как же я поеду? Столько проблем враз навалилось на работе. Если уеду – всё встанет.

Ну и что? Не поехала я тогда к назначенному сроку из-за текучки, из-за неурядиц в работе – как будто когда-то их не было. А через некоторое время из Тимирязевки пришёл пакет с моими документами. Вот и всё с диссертацией. Столько труда, столько опытов, наблюдений, такие удивительные, неожиданные результаты по моим обработкам выработанных торфяников. И всё зря? Всё осталось в дневниках, отчётах, во вчерне написанной диссертации. Глупо всё получилось. По моей вине. Никакого у меня уважения к своему труду нет. Впрочем, всё это осталось на моих возрождённых торфяниках и сейчас даёт отдачу в виде продукции с них: семян, сена, травяной муки. А ещё к нам за опытом едут специалисты с других предприятий и там по нашему методу начинают давать торфяникам вторую жизнь.

25 июля. Сегодня у нас был Иван Петрович Беспалов – 1-й секретарь обкома. Он приехал не просто в наш район, он приехал специально на наши освоенные торфяники.

Не скрою, я была очень рада, что сам первый секретарь обкома заинтересовался нашим делом. Пешком мы обошли ближайшие площади. Я показала ему травы, которые, как признался Иван Петрович, он не видел нигде: бекманию, канареечник. Рассказала, что эти культуры могут расти на самых переувлажнённых землях. Побывали на участках райграса однолетнего, овсяницы тростниковидной, костра безостого. Травы мои не подвели меня и Ивану Петровичу понравились. А мне понравилось, что Беспалов оказался простым, добрым и разговорчивым человеком. Правда, я, кажется, несколько обидела его.

Когда знакомила гостей с коллекцией кормовых растений, которую посеяла еще в 1977 году и ежегодно дополняла новыми видами, Иван Петрович поинтересовался: «Какие культуры из вашей коллекции могут получить распространение на наших лугах и полях?». Я восторженно отозвалась о канареечнике, костре, райграсе однолетнем, отметила бекманию. «Но вот редьку масличную, – ехидно заметила, – я бы никак не стала рекомендовать в кормопроизводстве, хотя Серафим Агапович и говорит, что редька – культура партийная и у неё есть сторонник – Иван Петрович Беспалов».

Горбунов потом сказал мне, что Иван Петрович негромко за-

метил: «Чего попало говорит, но говорит правду».

11 ноября. Второй день – 1° –2°. Чуть подморозило. С монтажом АВМ-3 заканчиваем до следующего года. Пока установлены пульт управления, барабан с топкой, дробилка с дымососом. Вспашку вели до 1 ноября. Вчера начали производство хвойной муки. Вчера-сегодня сделали 2 тонны.

АВМ-3 (агрегат витаминно-травяной муки производительностью 3 тонны «витаминки» в час) был редкостью не только в области, но и в Союзе. Мы были одними из первых, кому посчастливилось заполучить его.

В нашей области их заимели всего 6 хозяйств, в том числе и мы. Когда стали монтировать его, столкнулись со многими проблемами и решили познакомиться с агрегатом, который уже работал больше года.

На предприятии свободной легковой машины не оказалось, пришлось обращаться с просьбой к соседям, опять же к Николаю Александровичу Гребеневу. Без всяких отговорок он дал мне своего «козлика». И мы: я, монтажники и будущий машинист агрегата – отправились «за опытом» в Пижанский район. Дорога неблизкая. Едем по непривычному для нас асфальту – ни ухабов тебе, ни грязи. За рулём хорошо знакомый Аркадий Михайлович Вохмянин, он очень интересный рассказчик. Да и моя бригада из мужиков немолчаливых. Разговор не умолкает. Что видим по дороге, о том и говорим.

Около одной избы конопля ёлочками зеленеет. Смеётся Аркадий Михайлович, вспоминает: «Вёз я какого-то начальника из Котельнича в колхоз. Дело к осени шло, на одно поле у дороги мы ещё по весне навозу много навозили и ничего на нём не посеяли. Лебеда тут поднялась выше меня. Начальник и спрашивает, дескать, чего это у вас так хорошо зеленеет, а я отвечаю: «Да коноплё тут посеяли». Помолчал он, ничего не сказал. Привёз я его в кабинет к Николаю Александровичу, сам в уголок присел, слушаю, как они об урожае, о надоях толкуют. Вроде обо всём поговорили, обратно надо везти начальника. Вдруг он вспомнил и так строго спрашивает: «Осень скоро, а коноплё-то когда убирать будете? Вон оно у вас какое вымахало». Николай Александрович, вижу, замешкался и почему-то сразу на меня посмотрел.

Подмигнул я ему, председатель у нас умный, понял: «Не вызрела ещё. Ну, Михайлович, вези товарища в город, а о конопле, Иван Григорьевич, не беспокойся, уберём». Посмеялись мы над неумным уполномоченным.

Около дороги серо-зелёные мощные кусты. Мои мужики не видали это растение и интересуются, что это. «Полынь белая, – объясняю, – лекарственное растение». Аркадий Михайлович улыбается: «Ехал недавно я в сторону Юбилейного, вижу: на обочине мужик стоит, а за пазухой у него целый сноп такой травы. Остановился: вижу – мужик «голосовать» робеет, а ехать хочется. Дорогой разговорились. Спрашиваю: «Зачем тебе трава эта? Уж больно приятно пахнет». Мужик объяснил: «Я эту траву завсегда дома имею. Бывает, с сильного похмелья голова трещит, на еду глядеть неохота, а как заваришь этой травки да выпьешь – так вроде бы собаку с шерстью съел, во какой аппетит появляется».

Мои мужики, поняла, про себя отметочку сделали: на обратном пути невиданной у нас травы нарвали. Так с разговорами и доехали мы до знаменитого пижанского колхоза.

Эта поездка помогла нам смонтировать и освоить сложный и довольно капризный в работе агрегат.

ЛОМАТЬ – НЕ СТРОИТЬ

Я не думала, что когда-то смогу расстаться с делом, которое начала, с землями, которые из мёртвых стали живыми. Но случилось…

В начала августа 1988 года пожаловал к нам на предприятие заместитель председателя областного комитета по охране природы. Только что назначенный на эту должность, он решил блеснуть перед земляками наделённой властью. Свой инспекторский визит он начал с объектов сельскохозяйственного подразделения. Подъехал к фермам. «Что это такое?» – спрашивает. «Дворы, животноводческие помещения», – отвечаю. Достаёт план-карту: «Смотрите, здесь по проекту у вас должен быть один двор – свиноферма, а у вас целых четыре». «Да, – отвечаю я, – свинарник мы строили по проекту, а до этого уже построили коровник и два телятника. Строили по собственным проектам. Ну что в этом плохого? Какое же свиноводство без коров? В этом деревянном

коровнике мы содержали 50 коров, а также молодняк, с этого коровникам начали и свиноводство». – «Как бы то ни было, в моем плане у вас этих дворов нет, значит, быть не должно. А это что за брёвна лежат?».

Незадолго перед визитом этого чинуши мы завезли деловую древесину – 110 кубометров для строительства нового коровника. У меня был уже и проект двора в деревянном исполнении с кирпичными простенками.

«Новый двор собираемся строить», – уже начинающим дрожать от злости голосом отвечаю я. «Ничего вы строить не будете, брёвна убрать, – приказал защитник природы. – Ну-ка, посмотрим, как у вас обстоят дела с уборкой навоза». Подошли к выкидному транспортёру.

Раньше, в первые годы работы фермы, мы очень мучались с навозоудалением. Под навозные выкидные транспортёры ставили телегу, а вывезти её до поля, особенно весной и осенью, да и летом в дождливую погоду, при нашем бездорожье было проблемно. Сколько телег порвали, сколько времени теряли на буксировку трактора, да и тракториста из-за этого на ферме приходилось целый день держать. Я упростила дело. Под выкидными транспортёрами мы вырыли неглубокий котлован и накапливали навоз за полгода. В удобную пору, когда подсыхали дороги, я просила экскаватор, и мы возили навоз на поля, а также населению по заявкам. С такой технологией стало гораздо проще работать. Тем более что к тому времени работали мы на один наряд. Я утром в 5 часов начинала дойку, после её окончания включала транспортёры навозоудаления. К 7 часам собирались трактористы. Один трактор отвозил молоко в магазин, и все отправлялись на свои задания. Работа спорилась, увеличились заработки, все болели за общее дело. Скрывать не буду, мне доставалось. Проводила быстро разнарядку и снова впрягалась в работу: и «витаминка», и семена трав, и силосование, и сенокос. А вечером снова на ферму, правда, вечернюю дойку уже проводила доярка – Фоминых Галина Петровна. Рабочий день у меня начинался очень рано и заканчивался ближе к полуночи, да и ночью – ни одного отёла без меня. Вот такие были

дни и ночи. Но я не жаловалась. Всё было нормально.

Ну и объяснила я, как могла, технологию нашего удаления навоза. «А вот эта промоина, это ведь стоки навозные», – как будто обрадовался эколог. А надо заметить, что небольшую канавку мы сами проделали для отвода лишней воды, а как без этого: затопило бы двор дождевыми и всякими другими водами. Никаких навозных стоков в то время, конечно, не было, откуда им было взяться: навоз был твёрдым, свежий был вверху и тоже подсыхал. Да если б был сток, то эти воды только удобрили бы траву в логу, которые даже нуждались в подкормке. Ни в какие водоёмы наша канавка не впадала.

«Не накапливать навоз, этот убрать и увозить ежедневно», – опять последовал приказ. Пошли дальше по территории. Увидел водоём: «А если тут лось напьётся?» Меня взорвало: «Да хоть вы тут пейте, вода чистая». Подошли – правда, чистая. Издалека оглядел дорвавшийся до власти два колёсных комбайна: «А чего тут комбайны стоят?» «Какое твоё дело?» – ответить бы мне, а я сказала: «Списанные комбайны, мы на гусеничном работаем». – «Комбайны разрезать на металлолом». Я с ужасом смотрела на этого человека и сказала то, что думала тогда и думаю сейчас: «Да вы робот!» «Прошу не оскорблять!» – как ответил бы робот, ответил чиновник.

Поехали на поля. А в тот год под все зерновые мы подсеяли клевер. И он почти на всех участках перерос ячмень. Я начала размножать клевер с одного мешка семян, вымененного на семена канареечника. И наконец-то в тот год могла подсеять клевер на 200 гектарах зерновых. Для моих полей это было бы новой жизнью. Клевера должны были освободить от сорняков поля и обогатить их азотом. А сейчас этот посторонний самодовольный человек смотрел на поля, которые совсем не были похожи на тучные нивы из кинофильмов (желтели осотом и зеленели клевером), и старательно критиковал всё, что видел. Потом он увидел на площадке, где мы обычно складировали удобрения, груду (тонн 50) фосмуки. «Закопать», – опять же приказным тоном произнесло его величество. «Её не закапывать, а вносить будем, вреда от неё нет, никто не отравится», - я пыталась защитить бе-

зобидное удобрение. – «Я сказал: закопать!».

Потом мы приехали в контору, и в кабинете главного инженера чуть ли не главный (хорошо, что не главный) эколог области начал читать то, что он откопал в моём хозяйстве, что, по всей вероятности, могло весьма отрицательно сказаться на самочувствии планеты Земля. А именно: ликвидировать площадку для хранения навоза, убрать брёвна, разрезать на металлолом комбайны, закопать фосмуку и так далее, и так далее. Последнее его «уничтожить» я уже не слышала. Мне стало плохо. Говорят, что со мной был обморок. Меня отвезли в больницу. Вообще-то я человек здоровый и в больницах не бывала, но тут… не зря говорят: заставь дурака Богу молиться – лоб расшибёт.

Обычно неразворотливое наше начальство с удивительной поспешностью организовало выполнение всех «предписаний» этого дилетанта. Брёвна от двора увезли, и прекрасная, светящаяся под солнцем сосна была распилена даже не на доски, а… на дрова. Комбайны, которые ещё бы долго обеспечивали запчастями своих собратьев (кстати, и списали-то мы их только потому, что работали на гусеничном «Сибиряке»), разрезали на металлолом. Ко двору подогнали экскаватор, увезли навоз, положили бетонные плиты, и с навозоудалением снова начались проблемы. Но это уже без меня.

Я поняла, что не смогу здесь больше работать. Одного росчерка несведущего в наших делах бюрократа было достаточно, чтобы уничтожить то, что доставалось таким трудом, что должно было стать будущим, что облегчало и упрощало труд. Такое рвение к выполнению дурацких инструкций ещё больше высветило не очень-то благожелательное отношение ко мне со стороны руководства предприятия.

Моя манера говорить и делать то, что думаю, часто настраивала людей против меня. Короче, я подала заявление на увольнение. Как ни странно, но меня ни единым словом не попытались удержать. Заявление об увольнении подписано, а урожай ещё не убран. Мне казалось, что каждая травинка, каждый колосок тянул ко мне свои листочки-руки и просил: «Не оставляй нас, не уходи». А я ухожу. Но урожай ещё не убран. С комом обиды в

горле во время отпуска (третьего за тринадцать лет работы на торфопредприятии) организую уборку картофеля, выпрашиваю в колхозах пресс для окончания сенокоса…

Сельскохозяйственное подразделение промышленного предприятия, которое могло бы дать ему «второе дыхание», цех, который был гордостью не только нашей области (все торфодобытчики России учились у нас) за четыре года не работы – агонии прекратил свое существование. Ломать – не строить…

Секретарь райкома Савиных Алексей Яковлевич, едва узнав, что я увольняюсь с торфопредприятия, предложил мне стать директором станции по травам. И это предложение для меня было спасением. Я решила, что могу и в новой должности не расставаться с выработанными торфяниками. Каким образом?

Семеноводческая станция по травам занималась подработкой семян многолетних трав, которые ей привозили хозяйства нескольких районов. А что, если станция будет не только подрабатывать чужие семена, а производить и подрабатывать собственные?

Первое, что я сделала для семеноводства трав на этих площадях, будучи директором семстанции, – купила гусеничный зерноуборочный комбайн «Енисей». Мои клевера (теперь уже не мои), которые с 3-х гектаров посева я размножила до 200, в тот год обещали дать прекрасный урожай семян. Семена клевера в то время были великим дефицитом, и они нужны были нашей семстанции для реализации хозяйствам области. Я решила, что помогу торфопредприятию своим комбайном в уборке семенников клевера. Если б только помогать…

Погода в ту осень, как назло, выдалась на редкость дождливой, и вот мы с комбайнером (которого приняли в штат семстанции) ловили каждое «окно», чтобы молотить теперь уже не свой клевер. Несколько раз на уборку по моей просьбе выезжал и комбайн торфопредприятия, но, как правило, добравшись до клеверного массива, комбайнер занимался или ремонтом, или, будучи сильно подпитым, засыпал в кабине мощного «Сибиряка», в бункер которого так и не попало ни одного клеверного семечка.

Невелику площадь семенников убрали и мы. Всё-таки теперь я

не была хозяйкой этого богатства, да и работа на семстанции не позволяла полностью использовать редкие солнечные дни той осени.

Остальной клевер ушел под снег. Собранный ворох на семстанции подработали, довели семена до 1-го сорта… и перечислили торфопредприятию кругленькую сумму: чуть не десяток легковых машин можно было купить на те деньги. Это всего за несколько тонн клеверных семян. А если бы убрать хотя бы большую часть семенников!

Даже счёта за амортизацию комбайна не предъявила я торфопредприятию, но и простого слова «спасибо» никто мне не сказал. Ирония судьбы: я начинала работу на Гороховском торфопредприятии, **ещё** не являясь его работником, и заканчивала, **уже** не числясь в его штатном расписании. Базой для собственного семеноводства я решила сделать удалённый на 7 км от посёлка выработанный торфомассив «Тиховский» – бывший III участок.

Вышла с предложением на райком партии, райисполком. Меня, как всегда, поддержали.

И снова начались хождения по инстанциям. Теперь уже по отводу земель (выработанных торфяников) для семеноводческой станции по травам. Подписи и печати поставлены, дело по отводу ушло в облисполком. Председателем тогда был Десятников. И вот в середине марта 1989 года на Котельничском хлебозаводе состоялась предвыборная встреча кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР Десятникова Василия Алексеевича с избирателями. Я пошла на эту встречу и, когда после предвыборных обещаний кандидата председательствующий разрешил задавать вопросы Василию Алексеевичу, спросила: «Скажите, пожалуйста, Василий Алексеевич, где больше бюрократической волокиты: в вашем облисполкоме или в Совете Министров?». Десятников удивился и возмутился моим глупым вопросом и, естественно, поинтересовался, почему я его задала. «А потому, – ответила я, – что отправила в облисполком три месяца тому назад дело об отводе никому, кроме меня, не нужной земли, а от вас ни ответа ни привета. А ведь после вас дело должно уйти в Совет Министров. А уже конец марта, и скоро надо сеять. Успеет ли к посевной Совет Министров отдать мне землю?». Смутился

председатель облисполкома от невиданной наглости и очень строго начал объяснять, насколько занят штат облисполкома, насколько загружены его сотрудники и как много идёт через них всяких документов.

Тем не менее через два часа, когда я по делам пришла в райсельхозуправление, бухгалтер семстанции позвонила мне, что из облисполкома пришло подписанное Десятниковым дело по отводу земли. Выходит, Василий Алексеевич, напрасно вы так долго объясняли, как загружены работники облисполкома, мои бумаги были уже подписаны вами.

В Совете Министров отвод торфомассива был оформлен довольно быстро. Так что весной 1989 года я снова вернулась к тому, что начала в 1975 году. Снова надо было делать рекультивацию, снова сеять. Сейчас, конечно, было легче – я знала, **что** надо делать. Но в то же время хватало и трудностей: кто будет проводить рекультивацию, где взять деньги на освоение торфомассива. Нужно сказать, что у меня был выбор. Я могла взять торфомассив, поля которого находились рядом с асфальтированной дорогой. Но я выбрала более удалённый, связанный с посёлком почти непроезжей дорогой массив площадью 622 гектара.

В 1979 – 80 годах на свежевыработанном торфянике этого торфомассива мы посеяли травы. Сеяли выборочно, без рекультивации и без обработки. Так как площади эти были далеки от АВМ (11 км по вязкому торфу), то убирали мы их в основном на сено. Сейчас десятилетние посевы нуждались в перезалужении. А это уже совсем другая, во много раз более трудоёмкая работа, чем залужение свежих выработок.

МОЯ ЗЕМЛЯ – СНОВА МОЯ

Поддержка пришла неожиданно. Руководители довольно сильных предприятий района: Веснинской сельхозхимии Михаил Борисович Лялин, Котельничской сельхозхимии Леонид Николаевич Шилов, председатель колхоза «Родина» Юрий Аркадьевич Смертин – предложили сотрудничество в возрождении торфяных выработок и дальнейшей работе на них. Короче, мы создали ассоциацию «Комплекс», председателем которой избрали

меня. В наших планах было комплексное использование выработанных торфяников. Программа работы ассоциации предусматривала проведение рекультивации нарушенных земель с последующим производством на них семян многолетних трав, кормов для животноводства, разведение пушных зверей (ондатры и кроликов), выращивание гусей, пчеловодство. Правда, сразу же в своих планах мы сделали крупную ошибку, которая потом и привела к развалу нашего объединения. Как я ни убеждала своих компаньонов, я не могла им доказать, что мы успешно можем заниматься на болоте разведением крупного рогатого скота и свиней. Как отрезал, сказал председатель «Родины»: «Животноводство на болоте – это абсурд». И решили мои соратники, что будет выгодно, если ассоциация возьмёт в аренду подсобное хозяйство Котельничской психобольницы с имеющимся там поголовьем КРС и свиней. С таким предложением выступил главврач больницы. Я была вынуждена подчиниться большинству, о чём почти сразу же пожалела и, надо сказать, жалею до сих пор. Построенная в 1938 году база подсобного хозяйства рушилась, нужны были огромные затраты, чтобы восстановить или подремонтировать дворы, мастерские. Сколько денег вложили в эту «бездонную бочку» коллективы обеих химий! Коллектив работников подсобного, состоявший в основном из бывших больных психобольницы, был довольно многочисленный. Да ещё к помощи привлекали «лечащийся контингент». На одну, хотя и небольшую зарплату для рабочих подсобного нужно было немало денег, а доходов от хозяйства «кот наплакал». Чтобы хоть както решить эту проблему, в эту зиму я организовала производство грунта для выращивания рассады.

Торф привозили на подсобное хозяйство (Веснинская сельхозхимия выручала) с нашего торфомассива. Две женщины фасовали его в пакеты, вкладывая в них комплексные минеральные удобрения. Олег на «уазике» возил продукцию по хозяйственным магазинам Котельнича. Наш грунт пользовался немалым спросом. Ещё: я покупала в «Сортсемовоще» оптом семена овощей, фасовала их вечерами и продавала населению.

В то время этот товар был немалым дефицитом и тоже шел на «ура». Невелики, конечно, были доходы, но надо было как-то платить хоть малую зарплату рабочим подсобного хозяйства. Выживали в то время кто как мог.

Всё же своей основной работой я считала проведение рекультивации и посев трав на своем Тиховском торфомассиве. В сезон 1989 года с помощью мехколонны ПМК-7, Котельничской и Веснинской сельхозхимий, а также колхоза «Родина» мы провели рекультивацию на площади около 300 гектаров и посеяли травы на 150 гектарах. Чтоб отдача была поскорее (на что-то надо было жить), мы посеяли побольше райграса однолетнего, который уже в этот год дал нам тонн 20 семян. Сушилки своей ещё, конечно, не было, и мы возили семена на сушку в колхоз «Родина», а потом сдавали на подработку и реализацию на семстанцию, которая также была членом нашей ассоциации.

Мне приходилось раздваиваться в делах: здесь, на болоте, всё вновь, на рекультивации работают привлечённые трактористы, мое присутствие необходимо и там, на чужом для меня подсобном психобольницы. Я тоже должна бывать там хотя бы раза два в неделю. Хорошо, что Котельничская химия дала в моё распоряжение грузовой «уазик». Олег как раз закончил автошколу и с великим удовольствием был моим личным водителем.

Целый год мучались мы с «ценным» приобретением, тратили огромные средства на ремонт ветхих дворов, «разбомблённой» сельхозтехники, пытались бороться с воровством, пьянством работников арендуемого хозяйства, не получая никакой отдачи от него. Я собрала совет ассоциации и предложила расторгнуть договор аренды, который мы заключили на 5 лет. Конечно, сразу бы подумать всем нам, что нельзя добиться какой-то отдачи в любом деле, не делая в него (это дело) капитальных вложений. С другой стороны, несерьёзно делать эти вложения не в своё собственное дело. Короче, с трудом, но расторгли мы этот договор. Теперь мне стало проще и интереснее работать. Теперь вся моя работа отдавалась моему болоту. Однако с этой вознёю с чужим умирающим подсобным хозяйством я потеряла целый год. А годто был какой! Тогда резко подскочили цены на всё: сельхозтех-

нику, стройматериалы, топливо, молодняк сельхозживотных. Если бы этот потерянный для нашей ассоциации год я использовала для создания животноводства на своём торфомассиве, то ещё неизвестно, как сложилась бы судьба нашего объединения. Очень даже могло быть, что в составе ассоциации с поддержкой сильных партнёров мы создали бы мощное животноводство на облагороженном болоте и члены объединения имели бы немалую выгоду от нашего сотрудничества. А пока мы продолжали работу по рекультивации и начали закладывать базу для животноводства. В центре торфомассива, на месте базы III производственного участка построили пятистенный дом, деревянный двор (три секции 6х6).

Из Кильмезского района привезли 20 семей пчел, правда, пока везли их, две семьи погибли. За пчёлами ездил пчеловод, который появился у нас по объявлению в газете. Но прежде чем отправиться за нашими пчёлами, он перевёз своих и расставил их ровными рядами около ещё не достроенного дома. В то время я совсем не знала пчеловода и полностью доверяла специалисту, каковым считала нового работника нашей ассоциации. Как же я потом пожалела об этом! Николай Николаевич оказался не только полным дилетантом в пчеловодстве, но ещё был очень ленив и нечист на руку.

Осенью со всех наших ульев мы взяли всего флягу мёда. Для подкормки пчёл зимой я купила в пчелообъединении канди. И наш «опытный пчеловод» размешивал этот корм в воде и в таком виде давал пчёлам. Канди превращался в белый сахарный монолит и был почти недоступен пчёлам. Потом я узнала, что канди – это готовая подкормка для пчёл и в ульи закладывается без всяких приготовлений. Всю зиму «пчеловод» бездельничал. Потом-то я поняла, что он не собирался у нас работать дальше. Планы по замене своих пчелосемей он уже выполнил и сейчас просто тянул время. В конце марта, когда вот-вот надо было выносить ульи с пчёлами из омшаника, пчеловод закатил грандиозный скандал. Его расчёт был верным: я уволила его. Конечно, я сделала глупо: нельзя было отпускать его, не сделав ревизию ульев. Но, повторяю, в то время я ничего не смыслила в пчеловод-

стве. Вот уж истинно: век живи – век учись. И только весною, когда выставили пчёл, когда мне самой пришлось осматривать ульи, я по достоинству оценила ловкость рук нашего «газетного приобретения». Только одного улья не коснулись воровские руки, остальные были разграблены. Новые светлые рамки наших ульев были заменены на чёрные, истлевшие, мёртвые.

Два года в составе ассоциации не означали, что рекультивацию торфяников, залужение, семеноводство, строительство, приобретение техники финансировали члены её. У нас был строгий взаимозачёт, и никто ничего не делал бесплатно. Но помощь Веснинской, Котельничской сельхозхимий, колхоза «Родина» была бесценной. Предприятия выделяли нам необходимую технику для залужения.

Работы по рекультивации и залужению нарушенных земель по смете проекта, выполненного институтом «Кировмелиорация», оплачивались госбюджетом.

Небольшой коллектив (я, бухгалтер и два тракториста) жили за счёт реализации продукции, которую получали на «выработанных плантациях»: семян трав, картофеля, овощей, сена. На эти же средства мы приобрели необходимую технику. Я до сих пор благодарна Николаю Петровичу Киселёву, который тогда был председателем облисполкома, за то, что он помог мне получить фонды на неё. В конце 1991 года ещё по сравнительно низким ценам мы приобрели два трактора, косилку, грабли, разбрасыватель удобрений.

Массовая приватизация, изменение форм собственности в начале 90-х годов не обошли стороною и членов нашей ассоциации. Веснинская и Котельничская сельхозхимии стали акционерными обществами, сменились их форма собственности, уставы. Вполне естественно, что дальнейшее участие в ассоциации, не имеющей к их деятельности никакого отношения, оказалось бессмысленным. В ноябре 1992 года я собрала совет, на котором мы приняли решение о реорганизации ассоциации «Комплекс» в крестьянское хозяйство.

Ни волокиты, ни трудностей с регистрацией моего «Журавлика» не было. Предстояло работать на той же земле, той же тех-

никой и с теми же людьми. Вот несколько записей в дневнике того периода.

25 октября 1992 года. Всё чаще трудно заставить себя взять ручку и что-то написать. А писать надо, надо. Хотя бы потому что записи – это как фотография определённого времени. Ещё один сезон позади. А ведь не совсем плохой был сезон. Хотя мог бы быть лучше.

Когда весною холодной, сухой захватило заморозками посевы яровых, да ещё не росла трава, да ещё ужасный пожар на посевах трав, который мы тушили всю весну и до июля, отчаянию моему не было предела. Зато потом, когда ячмень оправился от заморозка и набрал силу, когда травы стали стеной, ровными чистыми рядами зазеленел картофель, когда в сенокос на помощь нам приехали солдаты, настроение изменилось к лучшему. Я очень надеялась на яровые. И правда, посевы прекрасно выглядели. Даже гости из области, когда я показывала им свои посевы, заметили: «На такой пшенице шапка не провалится, центнеров 30 соберёте с гектара». Но увы! Летний заморозок (а пшеница цвела в это время) сделал свое чёрное дело. При обмолоте едва получилось по 10 центнеров.

В начале октября выпал снег, лежал три дня. Морковь (совсем неплохая выросла) пришлось убирать после снега. Картофель и морковь сдали в Веснинскую сельхозхимию. Они нам и убирать их помогали.

Сейчас оформляю крестьянское хозяйство. Прожить при теперешних условиях, конечно, трудно. Всё дорого. Но у меня почему-то нет отчаяния. Я не боюсь, а очень, очень хочу работать. Работать на этой земле, которая досталась таким трудом. В этом году по болоту к нам дошагало электричество.

Мне очень нравится здесь жить. В моём доме, среди этого великолепия, почти рукотворного. Всё лето все рассветы и закаты были мои.

Теперь у нас есть корова, телята, кролики, пчёлы. А какие у меня в теплице выросли помидоры, огурцы! Осваиваю пчеловодство, отделываю и обживаю дом, в котором живу одна. Всё в моей жизни есть: и беды, и невзгоды, но радости всё же больше. За лето построили двор,

теплицу, баню, купили холодильник, мотоцикл, бензопилу, корову, 12 телят. Строить помогали пенсионеры из посёлка.

6 марта 1993 года. Вот и ещё одна зима прошла, почти прошла. Такие дни стоят, вроде никогда таких не было. Яркие, тихие, с утра мороз до – 24 °, днём подтаивает с южной стороны, вот уже почти две недели такая красотища. Теперь мы – крестьянское хозяйство «Журавлик». Нас очень немного: я – глава хозяйства, два тракториста и бухгалтер. В начале мая из армии вернётся мой Олег. В нашем распоряжении целый выработанный торфомассив: 622 гектара, из них 325 гектаров рекультивировано. Из техники у нас имеются: гусеничный, колёсный трактора, бульдозер, экскаватор, комбайн на гусеничном ходу, зерно-травяная сеялка, дисковая борона, плуг, катки водоналивные, косилка, грабли, косилка-измельчитель, машина для внесения удобрений, электросварка. Имеется у нас картофель в яме (только бы не замёрз за зиму). Есть семена корнеплодов, овощей. С деньгами, конечно, дело обстоит плохо. Это естественно. Расходов много, доходов мало. Животноводство ещё только закладывается. От картофеля, овощей деньги невелики. Основные деньги – от реализации семян трав. Послезавтра 8-е марта. Я одна на болоте, обоих рабочих отпустила на выходные. Даже Бой убежал в Патруши. Сегодня весь день в работе: сделала уборку во дворе, дала пчёлам подкормку. Занимаюсь с рассадой, пикирую помидоры, посеяла на рассаду цветы.

18 апреля, воскресенье. Сегодня Пасха. Весна нынче быстрая, дружная. Полностью на полях снег сошёл 11–13 апреля, а 9 апреля слышала журавлей. Сейчас они разгуливают по полям и временами кричат – бередят сердце. Утром рано сегодня со всех сторон курлыкают тетерева, где-то совсем близко. Вчера целый косяк гусей приземлился за магистральным каналом, и сейчас они гогочут совсем недалеко от дома. Утки парами летают.

Травы, в том числе и клевер, перезимовали хорошо. 26 марта выставили ульи с пчёлами в плёночную теплицу. Я поставила там канди, ветки ольхи, берёзы, ивы. Мои пчёлы уже сделали облёт и вовсю собирают пыльцу – летят с обножкой.

На полях уже сухо, вода ушла быстро.

4 мая. Вчера вечером из теплицы вынесли ульи с пчёлами. Вчера и позавчера распикировала помидоры, сальвию, капусту. Обошла поля. Клевера отрастают хорошо, зазеленела овсяница красная, канареечник немножко от заморозков пожелтел. А вообще погода стояла холодная, а вот с 30 апреля – жара до +25°. Телята и корова ночуют в загоне.

14 июня. После весенней засухи, довольно долгой, наконец-то долгожданные дожди. С 8 июня каждый день (или ночь) идут дожди. Очень хорошо. И не холодно. Сегодня вечером наконец-то выглянуло солнце, осветило умытую и похорошевшую землю. А пчёлы, как проснулись, полетели за взятком (малина цветёт). Насиделись в ульях – то жара, то дожди. Посевы яровых оправились после засухи и сейчас радуют. Корнеплоды (морковь, кормовая свёкла) начинают зарастать, но сорняки еще малы, да и овощи ещё не полностью взошли. Надо организовывать прополку.

Работать приходится много. На песчаном бугре, где мы построили дом, очень сухо. Постоянно приходится поливать и теплицу, и цветы, и огород. Телята постоянно выходят из загона, приходится загонять их. Мои рабочие живут в посёлке, приезжают утром в 9-м часу, не всегда трезвые, в 5 вечера уезжают. Так что на болоте вечерами и ночами остаюсь одна.

Интересно, понравилась ли бы моя теперешняя жизнь моей маме? Скорей всего, она покачала бы головой и сказала бы: «Для этого ли я тебя, девка, учила?». А может быть, мама и порадовалась бы за меня. Я ведь действительно делаю то, что останется после меня. Мне нравится, что никому не нужные площади, возможно, превратятся в оазис среди болота.

Я снова совершила большую ошибку. В составе ассоциации мы работали маленьким коллективом: я, бухгалтер и два тракториста. Олег в то время служил в армии. Ещё тогда мне было ясно, что наши трактористы – люди не очень надёжные: в самую горячую пору в пьянку могут удариться и за бутылку общим добром расплатиться. И вот таких «соратников» я сделала членами своего «Журавлика». Надеялась, что проникнутся они хозяйской ответственностью, изменят отношение к делу, от пьянки отвык-

нут, от себя не потащат. Наивны были мои рассуждения. Получилось наоборот. Пока работали в ассоциации, чувствовали, что «в случае чего» я могу быстро найти им замену, и немножко сдерживали свои «увлечения». А уж когда «хозяевами» стали…

К тому времени Олег пришёл из армии. Не буду долго рассказывать, но исключила я своих «компаньонов» из членов хозяйства.

Взяла на работу тракториста по договору, тем более что Олег в техникум учиться поступил. Наёмный рабочий работал неплохо, но «болезнями» страдал теми же. Разозлилась я и его уволила. И стало в нашем хозяйстве совсем мало хозяев: я, мой сын Олег и наша Валентина Алексеевна – бухгалтер. Наше дело с Олегом – производить продукцию, дело Валентины Алексеевны – вести учёт расходов и доходов. Как-никак объёмы работ у нас немалые: земледелие и животноводство на большой площади с большим поголовьем. И производим продукции мы не меньше, чем некоторые коллективные хозяйства (я сравнивала). Помогает нам в этом моя система содержания животных и технология работы с землёю.

Иногда я спрашиваю себя: смог бы мой «Журавлик» стать журавликом, если бы я не «разогнала коллектив» и практически осталась в одиночестве (особенно в те годы, когда Олег учился)? И отвечаю себе: нет. Хозяйство бы влачило жалкое существование или вообще прекратило его. Не могут «лебедь, рак и щука» быть в одной упряжке.

И теперь, когда я слышу, что объединились несколько (или много) семей и создали крестьянское хозяйство, я не верю в это. Я знаю, что это колхоз, только по-другому названный.

В годы становления нашего хозяйства главным моим помощником был Олег. После окончания школы он закончил автошколу и до службы в армии был моим персональным водителем. В 1991 году его призвали в армию в дорожно-строительные войска. Через полгода учёбы на Украине он был направлен в Котельнич для дальнейшего прохождения службы. У нас под боком, в Козловаже, стояла воинская часть дорожных строителей. Солдаты строили асфальтированную дорогу, которая должна была связать посёлок Комсомольский, а также деревню Козловаж с рай-

онным центром. В то время именно военные строители ударили по нашему вятскому бездорожью. У воинской части, которая базировалась в Козловаже, на попечении была целая ферма телят-откормочников. Была у них проблема: как обеспечить животных зимой сеном? А у меня была проблема: как заготовить сено на своих площадях? Скосить и сгрести сено мы сможем сами, а вот сметать…

Я оценила ситуацию и пошла на приём к командиру дорожных строителей Селиванову с деловым предложением: они отдают в мое распоряжение Олега, летом помогают в заготовке сена, а мы обеспечиваем сеном их подопечных телят. Мы подписали договор, и я получила даже больше, чем просила: для дальнейшего прохождения службы (на время, свободное от укладки асфальта) я получила двух очень ценных работников – своего сына и еще одного солдатика, казаха Буоржана. Мальчики здорово поработали: под руководством пенсионера из поселка Матвеева Анатолия Ивановича они построили три секции скотного двора, теплицу, парники. Весною Олег работал на тракторе: дисковал, сеял. В сенокос десятеро солдат на наших площадях метали сено. Погода не помешала нам быстро завершить сенокос. Солдатики вернулись к дорожным работам.

И вот тогда случилось ЭТО.

Телят спасали солдаты

В жизни солдата всякие непредвиденные ситуации случаются. И действовать иногда надо быстро, чётко, а главное – инициативно. Именно так и поступили эти парни – армейские дорожные строители, работающие в Котельничском районе.

Был день как день, 29 июня. Дожди ещё не начались, жара стояла, и гимнастерки у ребят были потными от работы и летнего солнышка. Вдруг кто-то крикнул: телятник горит! Стоял он невдалеке от дороги, и солдаты быстро оказались у места происшествия. Скотный двор был объят пламенем. В нем метались обезумевшие от страха животные. 177 телят на подросте содержал в этом телятнике колхоз «Россия».

Парни вместе с подоспевшими на помощь местными жите-

лями стали выводить скот. Спасли телят, но не всех. Все же 19 бычков сгорели. Колхозные убытки составили еще в прежних ценах 98 тысяч рублей. Стоимость спасенного скота специалисты хозяйства оценивают примерно в 360 тысяч рублей.

Правление колхоза «Россия» признательно за помощь в спасении скота молодым ребятам из подразделения капитана Анатолия Ворона.

В. Токаев,
«Вятский край» № 137, 16 июля 1992 г.

Эта заметочка в «Вятском крае» да ещё фото солдат-спасителей телят – вот и всё, что сказано о подвиге (я не боюсь этого слова) молодых парней. Да и многое в заметке действительности не соответствует. Не спасали «местные жители» телят. Они подоспели уже к пепелищу. И телята в «объятом пламенем дворе» не просто метались – они были на цепях. И 19 телят погибли именно потому, что были намертво прикованы цепями. Олег рассказывал, что в горящем дворе они метались от телёнка к телёнку, освобождая их от цепей. Хватались за скрутку цепи, говорили телёнку «прости» и бежали освобождать других. А ещё: ведь освобождённых животных из задымлённого, уже охваченного пламенем двора нужно было выгнать. Это было чудо, что ребята и 158 бычков остались живы. И еще поражает неблагодарность колхоза и районных властей. Ведь эти мальчики без всяких команд, приказов не раздумывая бросились спасать животных из

горящего деревянного двора. В заметке указана сумма ущерба, стоимость спасённого скота, а поименовать 11 героев, которые рисковали своими жизнями из-за халатности работников колхоза, не удосужились. По большому счёту все эти парни заслужили государственные награды. И ещё: этот пожар доказывает, что летнее содержание животных во дворах не только дорого, бессмысленно жестоко по отношению к животным, но и опасно.

ФЕРМЕР ОТ СЛОВА ФЕРМА

1 октября 1996 года, вторник. Давно не записывала. И кажется, что дни, которые не охватила пером, утеряны для моей памяти и даже, в какой-то степени, для дела. Буду продолжать записи, буду писать по делу и без, буду доверять дневнику свои мысли и планы, рассказывать ему о своих буднях и праздниках.

Сегодня с утра чуть-чуть солнышко, но холодно, а часа в 2 повалил снег, густой, крупный. Рановато, но что сделаешь – с погодой не поспоришь. Стало сразу так зябко, неуютно.

Вечером в 5 часов приехал Олег. Он учится сейчас в техникуме и через год получит диплом экономиста-менеджера. В выходные, а иногда и после учёбы (как сегодня) он приезжает ко мне и делает то, что мне не под силу. Вот и сейчас он намолол муки, принёс её на двор, вместе с ним мы обкололи препаратом железа недельных поросят от Далилы. Далила поросится уже 3-й раз, и она родоначальница всего моего свиноводства. Что мне в ней нравится, так это её многоплодие. Первый опорос – 14 поросят, второй опорос – 16, и вот этот третий – 15 малышей. У Далилы много молока, поэтому малыши хорошо набирают вес. На сегодня у нас 35 свиней, в том числе 3 свиноматки, КРС – 22, из них 9 коров, сейчас я дою шестерых, три коровы в запуске. Верба, Леона, Голубка, Ласточка, Касатка и Корона надаивают сейчас в сутки 60–90 литров молока. Все молоко я пропускаю через сепаратор сразу же после дойки, обрат выпаиваю младшим телятам и поросятам, а сливки через 12 часов маслобойка превращает в сливочное масло.

3 октября, четверг. Сегодня очень устала. После строительства дома, двора, сушилки, теплицы осталось много всякого хла-

ма – трухлявые доски, брёвна. Давно собиралась избавиться от этих залежей, да всё руки не доходили. Наконец собралась сегодня и почти целый день стаскивала в груды и сжигала то, из чего когда-то выбирали то дощечку, то брёвнышко. Короче, занималась уборкой. Хорошо все-таки одной, никто не мешает, никому указывать не надо, сама решила, сама сделала. Если бы где-то на людях мне одной бы пришлось стаскивать трухлявые доски, старые рваные мешки, я бы, наверное, не стала, а тут – одна, никто не видит.

А погода сегодня отличная, правда, без солнца, но тепло, и дождя не было. Вечером (уже темно было) еле нашла шестерых поросят – ушли в заросли малинника. Ну и нарыто же там… В течение дня мои «пятачки» свободно путешествуют и уходят порой очень далеко, но всегда приходят домой (к вечернему кормлению).

Свободу перемещения по нашим необъятным просторам я предоставила своим «чупикам» (так именуются у меня поросята) сразу же, как только они у меня появились. Вначале они рылись в загоне и старались не уходить далеко от коров и телят. Потом освоили ближний лес и стали проводить там весь день от утреннего кормления до вечернего. В жару лес защищает их от палящего солнца, здесь они добывают дополнительный довесок к своему не очень большому пайку. Корни деревьев и корневища трав, сено, торф, ягоды – всё это в неограниченном количестве рядом и служит пищей для моих подопечных.

Я часто даже не знаю, где роются или спят наши «чупики». А дом они прекрасно знают и, даже если далеко уходят от него, вечером безошибочно находят дорогу.

Хотя… однажды вечером среди устроившихся на ночлег поросят я не обнаружила хозяйку моего свинопоголовья Далилу и хряка Рохелио. Чуть не каждый час ходила проверять, не появились ли. Часа в три ночи вся в грязи появилась Далила. Где же Рохелио? С утра по всем окрестным чащобам я и Олег искали заблудшего. И, наконец, уже после полудня я обнаружила его. Он увяз и никак не мог самостоятельно выбраться из топкого болотного водоёма. С трудом, но мы вызволили его. Хорошо, что

обошлось без потерь. Если бы не нашли Рохелио, он мог бы и погибнуть – болото засасывает.

6 октября, воскресенье. Утром приехали Олег и Александр Николаевич. Около месяца уже прошло, как мы сделали пристрой ко двору, и всё собирались провести туда освещение, но не было светильников и кабеля. Вчера Олег раздобыл это, и сегодня весь день Александр Николаевич монтировал электроосвещение в пристрое, а также во втором дворе и уличное в загоне. Олег завез 10 рулонов сена в загон, где ночуют коровы и телята, привёз воды во флягах из магистрального канала, убрал навоз из дворов.

День отстоял тёплый, солнечный, но давление начинает падать. Коровы пасутся на пастбище с утра и до вечерней дойки. Как-то в такую погоду не хочется думать, что вот-вот зарядят дожди, все потускнеет, а там зима с метелями, морозами…

Как просто я записала: «Александр Николаевич сделал освещение». А ведь когда мы вели рекультивацию торфяников, когда уже был построен дом, электричества не было. Я даже пыталась приобрести дизельэлектростанцию. Хорошо, что это у меня не получилось. Представляю, вернее, не представляю, что за жизнь была бы без настоящего электричества. Первые годы (1989–1991 гг.) мы занимались рекультивацией и производством семян многолетних трав, а также построили теплицу, в которой я выращивала огурцы и помидоры. И вот каково работалось, когда не было сварки, когда вручную таскали воду для полива теплицы и овощей, когда при свете керосиновой лампы приходилось коротать вечера. Как-то приехали ко мне в гости директор торфопредприятия с моим давнишним знакомым Иваном Ильичом Андриановым. Долгое время Иван Ильич работал егерем в Нургушском заказнике, куда мы, ещё в студенчестве, ходили в поход. Там мы познакомились с ним. Иван Ильич заметил: «Я тридцать лет прожил без света в своём лесу, не думал, что и ты себе такую же жизнь выберешь. Давай-ка быстрей электричество проводи, а без него не житьё».

Осенью 1991 года с начальником РЭС Анатолием Ивановичем Дядькиным мы прошли по старой электролинии. До этого я почему-то надеялась, что её можно восстановить. Но мои надеж-

ды улетучились, когда я увидела покосившиеся опоры без пасынков, оборванные провода… Анатолий Иванович убедил меня, что по новой трассе нужно тянуть новую линию. Он выбрал самый удачный её маршрут. Правда, я сомневалась, смогут ли строители поставить опоры в непролазном болоте.

Уже на другой день после нашего похода по заброшенной электролинии я оказалась в проектном институте «Кировмелиорация» и через неделю получила проект на строительство ЛЭП-10 протяжённостью 2 км.

Правда, по смете электролиния вместе с подстанцией стоила всего 11 тысяч. Но фактическая стоимость составила 175 тысяч рублей. Так в один год подскочили цены. До сих пор я благодарна за помощь А. И. Дядькину, проектантам из «Кировмелиорации», мехколонне № 75, которая, за два месяца построив ЛЭП, превратила мою чуть ли не средневековую жизнь в почти цивилизованную.

Я точно знаю, что в моих условиях без электричества можно жить, но эта жизнь будет называться существованием. Иногда по разным причинам на несколько часов отключают электроэнергию, и тогда жизнь как бы останавливается и вмиг становится очень трудной. Во-первых, не включить электродойку, а мои коровы не признают ручной, да и я сама не хочу этим заниматься. В доме и во дворах – темень. Что ни возьмись делать – без электричества не получается. И электросварка, и дробилка для кормов, и электроизгородь, и электросепаратор, и электромаслобойка, и электроплита, и прочий электробыт… один телевизор чего стоит.

Так что современный человек даже в одиночестве не одинок, если вместе с ним работает его Величество Электричество.

9 октября, среда. Вчера не записывала, и дня как будто не было. Сегодня день пасмурный, но утром на востоке было такое небо: золотисто-розовая красота. Впрочем, небо всегда разное и у меня здесь почти всегда красивое, хотя, если сеет мелкий дождик (как сейчас), какая уж тут красота. Сегодня забили Малютку. Мясо сдали в техникум – за учёбу Олега. Кругом бартер. Скоро забудем, как выглядят деньги. Малютка была моей первой собствен-

ной коровой. Купили мы её у моих хороших друзей – тёти Лизы и Ивана Степановича Холманских еще в 1992 году, чтобы не умереть с голода на своём хуторе. Была она тогда 3-х отёлов, да у меня 4 раза телилась. С отёла доила хорошо – по 20–23 литра, но после покрытия резко сбавляла удой и в запуск шла чуть ли не за 4 месяца до растёла, да кроме того была очень тугодойкой. Стоило ли продолжать держать такую корову? Тем не менее, жалко. Я трудно расстаюсь со своими животными, я их люблю. И когда приходится указывать на кого-то из них, я чувствую себя отвратительно.

Одно меня оправдывает в собственных глазах: мои животные проживают свои короткие жизни почти свободными. Коровы и телята не закованы в цепи, поросята не заперты в душных дворах. Мои животные дышат свежим воздухом, наслаждаются теплом солнца и хрустом снега, зелёной травой и другими «дарами природы».

20 октября, воскресенье. День начался тускло, но без дождя. Приехали Олег с Сашей на машине (наверное, больше на машине не проехать, пока не замёрзнет). Навесили двери, сделали запоры. Занесли улей в подполье. Перед обедом пошёл вначале дождик, потом он перешёл в градины, и такой гололёд начался, я такого не помню, сразу на всём ледяная корка. Давление падает. Олег увёз в посёлок свиночку от Далилы – 7 кг. Среднесуточный привес – 295 граммов. Неплохо.

21 октября, понедельник. С утра и до вечера мелкий серый дождь. Замороженная и покрытая льдом земля отошла не полностью. Скользко. Даже поросята поскальзывались. Сегодня воды для питья им предостаточно. И я собираю воду с крыши во всякую тару – завтра стирка и баня. Эти процедуры приурочиваются к небесному водопроводу – своего-то у меня нет.

30 октября, среда. Не записывала два дня, дни обычные, погода плюсовая, мягкая. Сегодня день особенный: ездила в Котельнич, видела людей. Вот ведь какая у меня жизнь: людей больше, чем одного или двух, не видела почти всё лето и осень. Сегодня в Котельниче было собрание фермеров. В районе, оказывается, 51 фермерское хозяйство. На собрание приехали 22 человека. Наши

фермеры – в основном молодые. И что меня удивляет, мало кто связывает свой труд с животноводством, разве что держат в личных хозяйствах животных для своих нужд, как обычные колхозники. А у некоторых и этого нет. Даже молоко для себя у соседей покупают. Занимаются кто чем. В основном, приторговывают, чаще всего водкой. Конечно, это не афишируется, ещё занимаются заготовкой и переработкой древесины. Говорят, выгодный бизнес. И все в один голос жалуются, что получили от колхозов неудобные, удалённые от центральных усадеб земли. На этих землях некоторые в лучшем случае заготавливают сено, которое потом продают, да сеют немного зерновых, которые не знают, чем убрать, как высушить зерно. Сушилок-то своих нет, а колхозы не пускают. Какие-то беспомощные и ленивые у нас фермеры. Свободу вроде бы получили, а распорядиться ею не хотят. Вместо того, чтобы жаловаться на удалённость отданной им земли и позволять ей зарастать мелколесьем, перебирались бы на эту землю, строили бы на ней удобное добротное жильё, перетаскивали бы к этой земле всю семью от мала до велика. Короче, обживали бы то, что им принадлежит. Да и на землю жаловаться грех, не может же хозяйство в столь ненадёжные руки отдавать лучшую пашню. А что ленивые написала, не все, конечно, но большинство – точно. Ну, рассудить: иметь землю и заниматься на ней только полеводством (притом очень примитивно заниматься). Получается, работает человек в году от силы два месяца (полмесяца посевная, полмесяца – уборка, месяц – сенокос). Остальное время, как кошка с котёнком, возятся со своей продукцией, которой, как правило, очень немного, не знают, где высушить зерно, где сохранить сено, чтоб его не украли, куда ссыпать картошку, чтобы она не замёрзла. А потом (и это, пожалуй, главное) не знают, куда сбыть то, что они произвели. Кому продать то, что явилось плодом целого (?) года работы и что должно обеспечить существование всей семьи? Хороший хозяин корма запасёт сам, покупать не будет, плохой или немощный купил бы, да у него денег нет. Вот и приходится горемыке-фермеру искать сбыт чуть ли не на краю света – аж в Мурманск едет сено с вятских лугов. Конечно, какая-никакая поддержка заполярным бурёнкам нали-

цо, да и деньги северяне платят немалые. Но всё равно, не для этого задумывалось наше российское фермерство. А, впрочем, кто знает, для чего оно задумывалось? Кто когда хоть собрал нас по-умному, поговорил с нами? Эк куда меня понесло! Скажи спасибо, что землю-то дали. А что уж с ней делать, решай сама. Если с умом, так выживешь и других еще накормишь, а если без ума, так лучше не берись за это дело.

Отвлеклась я от сегодняшнего собрания, на эмоции перешла. Короче, я считаю, что выращивать зерно, картофель, заготавливать сено на площадях в севообороте прекрасно умеют сами хозяйства. Для этого у них есть всё: и специалисты, и семена собственного производства, и сушилки, и хранилища, и полный набор техники. И негоже превращать колхозные поля в лоскутные одеяла.

Я глубоко убеждена, что слово «фермер» – производное от слова «ферма», и на ум пришло сравнение: фермеры без животноводства – это бездетные супруги. И деньги есть, и богатство есть, и дел поменьше, чем в многодетной семье, а счастья нет и жить не для кого.

11 ноября, понедельник. Вчера вечером на тепловозе приехал Олег. С ночлегом. Проговорили полночи. Родной мой Олежка, спасибо тебе за поддержку. Хотя ты считаешь себя противником моих дел, ты же их делаешь сам, вместе со мною. Пройдёт время, и ты поймёшь, что достичь чего-то (хорошего) можно только своим трудом, и больше ничем. Такой снег ночью выпал, и днём он не стаял. Ноль градусов было, к вечеру выяснило (так красиво кругом). В загон к коровам Олег завёз 6 рулонов сена (много едим, хватит ли сена?). Буду вести строгий учёт. Намолол муки, в посёлок увезли семерых поросят от Вихруни, средний вес – 8,5 кг. Возраст малышей – 25 дней, среднесуточный привес 300 граммов.

14 ноября, четверг. Вчера вечером качала мед. Чуть не полная фляга меда с одного улья. Очень даже неплохо, если учесть, что я к пчёлам рук почти не прикладывала. Единственно, что сделали: во время массового медосбора подставили второй корпус. Собаки сильно ранили свинку от Далилы, свинка-то очень хорошая, да и другая тоже пострадала. Это Эмми всё делает, а Анчар и Дэзи

помогают. Что-то надо с ними делать. На самом деле, как говорит Олег, сажать их на привязь, что ли?

25 ноября, понедельник. 9 часов вечера. Сильно лаяли собаки, вышла на двор, осмотрела животных. Боже, какая ночь! Огромным фонарём светит луна (всходила она в 4 часа вечера красным прожектором), а весь день неярко, но даже тепло светило солнце. Как в сентябре, такой нежно-тёпло-прохладный день, а ведь конец ноября. Чудо, чудо какая погода, и каждый день, как подарок. Чуть подмёрзло, сухо, светло, и так не хочется морозов, а еще хуже, нудной слякоти. Прошлой ночью отелилась Ночка, отелилась в загоне, без меня. Я ожидала ее 27 ноября. Родился бычок. Назову его Рикардо (как отца телёнка).

Вот уже неделю кормлю телят и коров мукой на пастбище. Утром, до того как открою загон, высыпаю 4 ведра муки прямо на траву (очень чисто выедают) А поросятам даю кроме зерна еще несколько вёдер крупной, отборной картошки, которую не смогли продать Сегодня в загоне раскатала рулон соломы, и ночью всё стадо расположилось на ней, даже маленький Дождик не пошёл во двор. А собаки всё лают. Жутковато.

26 ноября, вторник. Ночью замёрзло (–6°). Утром белым-бело от инея. Яркое солнце взошло в 8-30, весь день светило, но уже не грело. Вечером в 5 часов, когда шла от двора к дому, долго смотрела на небо и полностью видела восход луны. Сегодня полнолуние, и всходит луна еще ярче и неожиданнее, чем солнце. На тёмном фоне за кустами вдруг начинает багроветь небольшой участок, и как будто совсем близко в темноте с жёлтыми фарами идёт какой-то транспорт, приближается довольно быстро а потом во всём величии выкатывается огромный оранжевый шар, чудо. Ну где это увидишь среди домов, да при фонарях! Ну ладно, хватит лирики на сегодня. Ночка надоила утром 8 л, в обед 3 л, вечером 4 литра. Вымя пока ещё очень твердое. Вчера вечером закончила «обмолачивать» вручную колосья яровой ржи. Зачем я это делаю? Размножить ярицу до возможности посева на приличной площади я не смогу и за 10 лет. Так, для души, интересно с необычной культурой иметь дело, хотя ярица едва ли продуктивнее озимой.

1 декабря, воскресенье. Утро началось как обычно, а вот после дойки – сюрприз: не досчиталась Розы. Пошла искать и нашла ее с новорождённым телёночком. Такой хорошенький, почти совсем белый, довольно крупный бычок, уже почти сухой. Значит, Роза с вечера ушла в кусты, а я вечером, как назло, не пересчитала своё рогатое поголовье. Телёночек родился на холоде (–5°С), да и земля промёрзла. Без особого труда перегнала корову и телёночка, он перепрыгивал через мёрзлые кочки и мужественно преодолел этот километр от места своего рождения до родительского дома. Бычка назову Снежком – беленький, да и снежку пора бы уж выпасть.

3 декабря, вторник. Начинаю работу со звёздами и заканчиваю её тоже при них. Утром вышла и в темноте здорово упала (такие ямы нарыли поросята). Надо заказать Олегу батарейки для фонарика. День отстоял неяркий, но снег не выпал (скорее бы). Земля промёрзла, лёд на водоемах очень толстый. Хорошо, что магистральный канал еще не совсем замёрз, коровы туда пить ходят – снега-то почти нет. Малышей-телят перевела в другую стайку, удобнее будет их поить. Кормлю их два раза – утром 3,5 литра и вечером по столько же. Доят коровы: Ночка – утром 9 литров и вечером литров 8. Роза примерно так же, но она прибавит.

7 декабря, суббота. Все замёрзло, а снега нет. Лед толстый, всё время приходится прорубать. Поросята, как только видят, что я иду с топором к водоёму, гурьбой бегут за мною. Прорубаю небольшую лунку, они своими пятачками впиваются в ледяное крошево и с жадностью высасывают из него воду, а также аппетитно хрустят льдинками. Это для нас (меня и животных моих) самое трудное время. Нам бы только до снега дожить. Будет легче. Третий день приучаю поросят к муке – не едят. Похоже, сдамся я. Снова придется давать цельное зерно.

Ох уж это кормление немолотым зерном! Что было с моими поросятами в ту зиму, почему они отказывались от муки из зерна с наших полей – до сих пор не знаю. И не у нас одних в тот год были подобные истории. Приехала я в одно хозяйство за хрячком, а меня зоотехник спрашивает, не знаю ли я, почему у них

свиньи не едят посыпку ни в сухом, ни в варёном виде, а если и едят, то очень неохотно и большую часть корма оставляют в кормушках. Она опередила меня. Я сама хотела задать ей этот вопрос. Сейчас же пришлось не спрашивать, а отвечать. Я сделала предположение, что, видимо, в зерно попало большое количество каких-то очень невкусных семян сорняков, богато уродившихся в тот год. Хотя это только моё предположение. Во все последующие годы наши поросята ели сухую муку из нашего и прочего зерна – только подавай.

16 декабря, понедельник. Ночью выпал снег, много снега, но оттепель, +2°. То-то раздолье моим воспитанникам. От мала до велика, все, даже малыши-телята, на улице. По полному рту все уплетают снег.

19 декабря, четверг. Холодно. Утром –22°, днём –12°, и очень ветрено. Поросята избегают улицы. Носила снег в тамбур, едят с удовольствием. Молодую свинку, которую здорово ранили собаки и которую я вылечила мёдом (накладывала его на рану), отсадила в отдельную стайку. У ней появилось молочко. Зову ее Пчёлкой. А давление (атмосферное) уже 4-й день очень низкое – 730, удивительно при ясном небе. Солнце сейчас показывается только в 9 часов, в 3 уже закатывается. Скоро день будет прибывать, но зима только начинается. Сегодня в обеих квартирах топила печки с 10 до 4-х часов, а не очень-то тепло.

28 декабря, суббота. Какие же трудные дни. Всю неделю сильные морозы (ночью с четверга на пятницу было –42°). Главное, в эту неделю в понедельник кончилось сено в загоне. В 100 метрах от загона оставалось 4 рулона, и пришлось по глубокому снегу на вилах таскать сено. Это на 29 рогатых. Да к тому же ещё нет связи, и «Беларусь» у Олега в посёлке неисправный, да и дорога ко мне заметена так, что не пройти, не проехать. Вчера таскаю сено, слезы на глазах, слышу – снег хрустит. Оглянулась – Олег на лыжах, такой радостный, что я всё-таки жива и здорова. «Звонил, звонил, – говорит, – на коммутаторе твердят: есть связь, а ты не отвечаешь, я уж не знал, что и подумать». Сегодня он завёз в загон сено в скирдах, привёз соломы. Как же мало надо человеку для счастья. Ещё вчера я была в отчаянии (именно из-за сена).

Сегодня я уже счастливый человек. У моих животных есть всё: и сено, и мука, и снег для питья. Сейчас у нас 29 крупных рогатых, в том числе 9 коров; 50 свиней, в том числе 5 свиноматок.

ГУСИНЫЕ ИСТОРИИ

1997 г. 5 февраля Сегодня ночью опоросились три свиноматки, были они в одной стайке. На троих – 38 малышей. Когда я утром пришла во двор, каждая свинка спокойно кормила своих поросят. Интересны эти крошечные существа. Когда они только что родятся, то бывают такие тускленькие, как переводные картинки. Однако сразу же добираются до материнского молока и начинают сосать, а через какие-то полчаса даже ссорятся друг с другом из-за сосков. И становятся такими бархатистыми, розовыми.

3 мая, суббота. Началась тёплая, добрая, ласковая весна. С 29 апреля стоят яркие, тёплые (+20°) дни. 1 и 2 мая была гроза, но дождя не было. Олег сегодня выехал пахать на 34-м секторе. Поросята 3-ю ночь ночуют на улице. Зарываются в солому, и, когда я их вечером пересчитываю, приходится ощупывать её.

14 июня, суббота. Из соседнего колхоза Олег привез три комплекта электроизгороди. Какая удача! Мы искали повсюду этих маленьких, но главных моих помощников, специально ездили в Киров, увы, бесполезно. А они, милые, были совсем близко и, хотя ими не пользовались, были уже списаны, значит, нигде не числились. Правда, в 2-х комплектах не было проволоки, но это такая мелочь. Олег сразу же установил электроизгородь вокруг дома. Наконец-то поросята не будут рыть окопы у крыльца, не надо будет гонять их с цветников, овощей, топинамбура. Красота…

К электроизгороди, или как её называем, электропастуху, у меня особое отношение. Когда меня спрашивают: «Сколько человек работает у вас?» и слышат в ответ, что со всем беспокойным хозяйством мы управляемся вдвоём с сыном, очень удивляются. И в самом деле, электрического пастушка вполне можно считать полноценным членом нашего малочисленного коллекти-

ва, незаменимым работником. Он безотказно служит и в жару, и в дождь, и днём, и ночью. Он не просит зарплаты, не обижает животных (разве что пару раз щипнёт их, чтоб побаивались его и уважали границы дозволенного). И он совсем мало потребляет электроэнергии. Не будь у нас этой чудо-проволоки с электроимпульсами, волей-неволей пришлось бы нанимать самого обыкновенного пастуха с самыми обыкновенными потребностями и недостатками. А пока что есть у нас идеальный работник, который и в штате не числится, и подоходным налогом не облагается. Конечно, это шутка, ну а если всерьёз, то я теперь не представляю работы без электроизгороди. Благодаря ей наши коровы и телята с ранней весны (чуть появляются проталины) и до поздней осени находятся на пастбище. В жаркое время летом они сами выбирают время пастьбы и пасутся, как правило, ночью. Нам остаётся только контролировать работу генератора импульсов, проверять исправность системы да по мере отрастания травы под проволокой скашивать её.

28 июня, суббота. После вечерней дойки недосчиталась гусыни. Сразу заподозрила собак: Анчар не тронет, а вот Эмми с Лайдой, – эти могут. Поведение Лайды насторожило она виляла хвостом и как будто звала за собой. Пошла за нею. Лайда подбежала к корням поваленного дерева и уткнулась носом в рыхлый торф, на котором белело гусиное пёрышко. Я взяла это пёрышко и... из-под корней дерева вытащила гусыню. А вечером (уже смеркалось) увидела лису. Она загнала гусей в торфяную гущу в загоне, у одного даже перья выхватила. Лиса испугалась меня и убежала. Откуда ни возьмись, примчалась Эмми (где она была, когда лиса в загоне орудовала?) и ринулась в торфяное месиво, в котором беспомощно бились четыре гуся. Эмми, конечно, тоже засела. До самой темноты вызволяла пленников, превратившихся в беспомощные комки грязи. После этих спасательных работ я и сама с ног до головы была заляпана жидким торфом. Пришлось из шланга мыться холодной водой. Бедные мои гуси. Меньше чем за месяц собаки и лиса погубили одиннадцать птиц. Было 26, осталось 15.

Гуси для меня никогда не были объектом дохода. Эти белокры-

лые существа в нашем хозяйстве – неприкосновенная красота. Правда, только для меня. Сколько этой красоты погибло от бегающей, летающей и прочей твари, теперь и не сосчитать. Довольно крупная и сильная птица – гусь. Когда купили взрослых гусей, я думала, что в наших условиях врагов у них не будет. Ошиблась я. Главными врагами оказались свои же собаки. Ротвейлера Эмми я так и не могла отучить от охоты на гусей. Дошло до того, что после каждой ночи я недосчитывалась по гусыне. Не так бы обидно было, если бы собака съедала задушенную птицу. Она же искусно зарывала гусынь (а именно они становились добычей) или растерзанных бросала в лесу. И находила я еще недавно красивых гордых птиц обезображенными в кустах или зарытыми под корнями деревьев. Пришлось избавиться от Эмми: отдали человеку, который подарил нам её трёхмесячным щенком. Больше потерь от собак в нашем белокрылом стаде не стало.

Но рыжая лиса умудрялась подкарауливать моих гусей, когда они были не на воде. Один раз зимою на моих глазах лисица напала на гусака. Что я могла сделать? Гуси на свою беду зимою уходили за магистральный канал и там спокойно разгуливали по глубокому снегу – лучше любых лыж держат их перепончатые лапы. И вот лиса настигла гуся, схватила его за крыло. Но вырвался гусак: клювом и крылом отбился от рыжей. Я же в это время за 50 метров стояла и могла только кричать да свистеть: по глубокому снегу, да еще через канаву, на «поле битвы» не пробраться. Этот-то гусак отбился, а гусыни я к вечеру недосчиталась. Надо сказать, что лисы – существа очень наглые и не очень-то осторожные. Сколько раз во время вечерней дойки я видела лису, шныряющую в 10 метрах от двора в загоне среди рулонов. Её, видимо, не пугают ни электрическое освещение, ни близость человека, ни шум работающей электродойки, ни даже включенная электроизгородь. И мне кажется, если бы я поставила перед собой цель заполучить от рыжей плутовки воротник, то это бы случилось. Стрелять-то (и довольно метко) я умею. Но не могу я убивать своими руками.

Когда гуси появились у нас, мне говорили, что белые гусыни на яйца не садятся и гусят не выводят. Я убедилась, что это не

совсем так. Однако гусыни почему-то давят только что вылупившихся гусят. Я несколько раз находила жёлтые мокрые комочки, задавленные самой мамашей. С тех пор за сутки-двое до срока, когда гусята должны проклюнуться, я несколько раз в день прослушиваю яйца (подвергаясь яростным щипкам наседки), и когда слышу лёгкое постукивание в яйце, включаю инкубатор и даю возможность гусятам вывестись и обсохнуть в нём. И тут уже никак нельзя торопиться. Часто целые сутки лежат яйца, и из них высовывается восковой клювик и выглядывает бисеринка-глаз. Но нельзя слишком рано отдирать яичную скорлупу. В это время у маленького существа в яйце, хотя оно уже и вскрыто, происходит втягивание желточного пузыря, заканчивается формирование системы кровообращения. Первое время, не имея никакого опыта, я торопилась освободить гусёнка от яичного плена (как мне казалось). Одно неосторожное сковыривание яичной скорлупы, и... алая кровь заливает и глаз, и клюв, и чуть высунувшееся крылышко. Сейчас я не тороплюсь и даю возможность юному гусику дышать воздухом, но дозревать в колыбельке-яйце.

Очень много радости, когда гусята выходят дружно, в свои сроки. Эти жёлтые комочки, едва освободившись от скорлупы, уже нуждаются в питье и уже в первый день своей жизни охотно едят и зелень, и творог, и яйца, пока понемножку. Зато потом – только подавай. Вырастить гусят, я думаю, несложно. Для меня сложнее их сохранить от хищников. В 1999 году первый выводок гусят был довольно дружным, гусят от него я сохранила почти всех. Гусыня оказалась очень усидчивая, и я оставила её на второй срок (снова подложила яйца). Однако из яиц вывелось всего 4 гусика. И остался один гусёнок. Жалобный писк его преследовал меня всюду. Мне кажется, гуси в одиночестве очень страдают. И вот этот малыш так привязался ко мне, что бегал за мною повсюду, а если терял из виду, то пронзительно пищал. Он потихоньку подрастал. Нежный жёлтый пух уже почти полностью сменился белым, чуть-чуть начали отрастать крылышки. Собаки не трогали его, взрослые гуси и майские гусята уже перестали отгонять от себя. Я тоже привязалась к нему. Обычно, когда я

доила коров, он бегал недалеко от двора и тревожно пищал, дескать, где ты, хозяйка? Я частенько выглядывала из двора, и он успокаивался. Так было и в этот вечер. Я заканчивала дойку, выглянула и увидела: мой маленький гусик, как вожак стаи, идёт, вытянув шейку, впереди взрослых гусей к магистрали. Уже смеркалось. Я подумала: «Сейчас закончу дойку и заберу тебя, мал ещё, можешь лисице на зуб попасть». И только подумала, как вижу: взметнулась желтая табличка на проволоке электроизгороди. Это рыжая хищница с моим любимым гусиком в зубах перемахнула через проволоку. Надеясь на чудо, что мой гусик жив, я прибежала к магистральному каналу. Взрослые гуси и майские гусята (которые едва отличались от родителей) плавали в воде.

Увы, гусика не было. Как я ревела по столь дорогому для меня комочку, даже коровы с удивлением смотрели на меня и, наверное, думали: «Недавно Ласточка в магистрали утонула, так ты, хозяйка, так по корове не убивалась, как из-за какого-то пушистого несмышлёныша». Может, и не думали так мои коровы, но в самом деле гибель коровы не потрясла меня так, как потеря ещё не оперившегося гусика. А прошедшим летом прекрасный дружный выводок гусят погиб по моей вине. Соорудила в молодом саду для трехдневных пуховичков загончик, а сверху ничем не закрыла. И стали мои гусята добычей воронов. Из-за того, что моё белокрылое стадо осталось в том году без молодого поколения, я постоянно чувствовала свою оплошность. Однако и гуси мои передо мною в долгу не остались. Прошлой осенью они стали невольными виновниками гибели десятка двухмесячных поросят. Некоторое время я не могла понять причину. Было ясно, что поросята отравились. Но чем? Я вспомнила, что недавно несколько поросят попали в стайку, где иногда ночевали гуси, и с удовольствием рылись в подстилке с гусиным помётом. Тогда я не придала этому значения, даже не торопилась выгонять поросят из гусиной ночлежки, знала, что в гусином помёте много фосфора, а что это яд для поросят – не знала. Вперёд умнее буду.

2 июля, среда. Вчера весь день и сегодня с утра искала лучшую нашу свиноматку – Яру. Нашла её не очень далеко от дома, за полкилометра, но там, где и не подумаешь, – за лесным водоёмом.

Так неожиданно вышла я на лесную идиллию: на маленькой полянке – огромная перина из свеженарванной травы, и на этой перине – моя Яра с милыми розовыми малышами. Сосчитала – 12 довольно крупных поросят. Это у Яры третий опорос, а ей ещё только год и восемь месяцев. И у ней всегда крупные поросята рождаются, Хорошо, что Олег был на гараже (налаживал косилку). Помог переправить мамашу с новорождёнными во двор.

24 июля, четверг. Ночью был заморозок. Даже картофель прихватило. Боюсь за пшеницу, она совсем недавно процвела. Как затянулось развитие зерновых! Неудивительно: дни жаркие, а ночи холодные, и очень сухо. На моем бугре у дома даже топинамбур днём вянет, правда, за ночь оживает, распрямляется. Олег запрессовал сено на 32-м секторе. Получилось 160 рулонов, шпагата израсходовано 3 бобины. Всё-таки здорово, что мы обзавелись собственным прессом. Теперь не надо ездить, выпрашивать помощи в прессовании. Теперь мы сами распоряжаемся столь дорогим сенокосным временем. Я благодарна знакомому фермеру, который продал нам пресс. После небольшого ремонта и наладки, которые Олег сделал с помощью нашего друга-тракториста из Козловажа, они опробовали пресс в работе, запрессовав два рулона сена. На этом стажировка моего Олега закончилась. В первый день самостоятельной работы с прессом ему пришлось несладко, зато потом я не могла нарадоваться, наблюдая, как мощные валки сена на глазах превращаются в тугие рулоны и послушно укладываются на поле. Я вновь убедилась, что у моего сына умелые руки и быстрый ум. Олег всего за два дня запрессовал 54 тонны сена (в среднем с гектара 3,8 тонны получилось), и сегодня выкосил тимофеевку и канареечник на 34-м секторе. Сена тут будет... Канареечник стеной в мой рост стоял. По уму бы, конечно, его на семена надо было убирать, но прозевала я – вытекли семена (такая вот его особенность – очень текучие семена).

Сегодня из маленького загона (со 2-го июля там были) выпустила телят-сосунов. Надеялась, что отвыкли сосать. Куда там, сразу бросились к матерям, и всё повторилось. Сосут.

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

26 июля, суббота. До конца жизни эта дата жестокой болью будет сжимать моё сердце. Сегодня 10 лет, как погиб мой Владик. Сегодня с утра мы поехали к нему. Чтобы положить цветы, прижаться к холодному мрамору, вспомнить о нём, хотя никто и не забывал. Владик, солнышко моё закатившееся, как нам не хватает тебя... Где взять силы, чтобы рассказать о том, что произошло страшной грозовой ночью с 25 на 26 июля 1987 года? Пусть за меня это сделает бесстрастная газетная строка.

ХАЛАТНОСТЬ ПРЕСТУПНА

(Послесловие к одной трагедии)

В эту ночь Вере Александровне не спалось, на душе было тягостно, хотя повода для тревог вроде не существовало. Жизнь её в последнее время складывалась благополучно. Раньше хватало забот – одной воспитывать двоих сыновей непросто. Зато сейчас за них она была спокойна, особенно за старшего, Владислава. Умный рос парень, послушный. В армии отслужил, в институте окончил три курса. Радовалась мать, что сын по её стопам пошел, выбрал дело серьезное, стоящее. Сама она считает самым нужным и благородным занятием труд на земле.

Была у неё возможность жить и работать в столице. Получив после окончания агрономического факультета сельскохозяйственного института диплом с отличием, поступила в аспирантуру. Позже ей предлагали работу в министерстве – отказалась. Поработав в НИИСХ Северо-Востока, Вера Александровна Макарова перешла на Гороховское торфопредприятие в Котельничском районе и личным трудом доказала, что выработанные торфяники могут быть щедрыми на урожай, если не пожалеть на это времени и старания. Надеялась, что старший сын продолжит начатое ею дело. Владислав находился на практике, в совхозе «Колковский» Халтуринского района. Вообще-то он был стипендиатом Гороховского торфопредприятия, но по просьбе руководителей совхоза «Колковский» институт направил его сюда. Вместе с Владиславом поехал Владимир Иванцов. В совхозе они, можно сказать, были предоставлены самим себе. Как правило, руководителем практики будущих ин-

женеров назначают главного инженера, но его в хозяйстве вообще не было, и в договоре между институтом и совхозом в этом пункте стоял прочерк.

23 июня, в начале практики, директор совхоза В. И. Комаровских направил Владимира Иванцова работать на тракторе, а Владислава Макарова – учётчиком в кормозаготовительное звено. Иванцов сначала стажировался на МТЗ-50 с роторной косилкой, но вскоре остался без работы. Вместе с ним пошёл к директору и Владислав просить, чтобы ему дали другое дело, ведь программой практики предусмотрено, чтобы студенты работали слесарями, трактористами, комбайнерами. Иванцову после нескольких часов стажировки дали трактор Т-25А с граблями. А Макарова директор предложил в напарники к опытному трактористу В. В. Журавлёву, трамбовавшему мощным трактором К-701 сенажную массу. Бригадир кормозаготовительного звена В. А. Перминов выразил сомнение, что днём студент вряд ли справится, с этим делом – уж очень много массы поступает с полей в это время, ночью же ему работать нельзя. Однако пришлось подчиниться директору. Тракторист В. В. Журавлёв тоже предупреждал, что студента на такой трактор садить нельзя, тем более на трамбовку зеленой массы. Но Журавлёву пришлось несколько дней работать на погрузочных работах, а затем ремонтировать погрузчик. Макаров помогал ему. 13 июля Владислав сел на К-701 для самостоятельной работы на трамбовке сенажной массы первый раз, 25 июля – последний.

Дождь прошел ещё с вечера. Студенты Макаров и Иванцов были дома когда к ним заглянул новый главный инженер совхоза: 25 июля выпускник Кировского сельскохозяйственного института М. Г. Ростовцев прибыл в хозяйство для ознакомления с будущей работой. Не успели они по-настоящему разговориться, как пришёл В. А. Перминов с нарядом Макарову на трамбовку сенажной массы. Владислав не спеша переоделся и, не сказав никому ни слова, вышел. Иванцов понимал настроение товарища. Неоднократно в разговоре тот делился с ним мыслью, что хорошо бы работать на другом тракторе – уж очень на этом страшно, особенно когда он на бурте кренится набок. «Так скажи началь-

ству», – предлагал Иванцов. Но Владислав не решался идти к директору с очередной просьбой. И в этот раз он послушно сел на МТЗ-50 и повёл его за 13 километров в поле, к месту работы. Там пересел на К-701 и начал трамбовать высокий бурт сенажной массы, скользкой от дождя. А утром его нашли в измятой кабине трактора, перевернувшегося вверх колёсами.

Обстоятельства гибели Владислава Макарова разбирались на заседании президиума обкома профсоюза работников агропромышленного комплекса. Одни видят в этой трагедии просто несчастный случай. Другие пытаются обвинить даже пострадавшего: мол, чуть ли не готовый инженер, а не соблюдал правила техники безопасности. Дверцы кабины трактора во время работы были закрыты, а их надо фиксировать в открытом положении. Но кто даст гарантию, что даже опытный тракторист удержится от искушения оградить себя от дождя и ночного холода? В данном же случае за безопасность выполнения работ студентов должны были нести ответственность определённые лица. Но в результате их преступно-халатного отношения к своим обязанностям мать потеряла сына, институт – выпускника, государство – гражданина.

С чего началась цепочка нарушений, которые привели к трагическому финалу? Как правило, между институтом, направляющим студентов на практику, и хозяйством составляется договор. Но в пункте пятом, предусматривающем наличие квалифицированного руководителя практики из числа совхозных специалистов, таковой не указан. Декан факультета механизации сельского хозяйства П. М. Рощин при составлении договора упустил это из виду. Институт направил на технологическую практику в совхоз с рекомендацией работать трактористом-машинистом и слесарем студента, не имеющего удостоверения тракториста-машиниста 3-го класса. Проверявший 7 июля практику старший преподаватель кафедры «Тракторы и автомобили» А. А. Лопарёв вместо того, чтобы этот промах исправить, досконально изучить условия труда и быта практикантов, даже не встретился во время пребывания в совхозе ни с В. Макаровым, ни с директором совхоза, ни с бригадиром кормозаготовительного звена.

Директор совхоза В. И. Комаровских, имеющий инженерное образование, даже не поинтересовался, есть ли у Владислава удостоверение тракториста-машиниста. Приказом № 54 от 22 июня с. г. (судя по всему, приказ написан «задним числом») назначил студента трактористом на весь период практики – с 23 июня (хотя, как уже упоминалось, он начинал практику учётчиком кормозаготовительного звена) по 30 августа. Более того, направил его на тяжёлый трактор К-701, допуска к вождению которого В. Макаров не имел. Цепочку нарушений техники безопасности продолжил бригадир В. А. Перминов. Уступив нажиму директора и не приняв во внимание предостережение тракториста В. В. Журавлёва, он давал В. Макарову разовые наряды на трамбование сенажной массы (Владислав трамбовал всего несколько раз), хотя эту работу должны выполнять трактористы-машинисты, имеющие квалификацию первого или второго класса. Заметим, что для трамбования силосной или сенажной массы разрешается использовать только гусеничные тракторы общего назначения, применение же колесных запрещается. Это правило в совхозе «Колковский» также нарушили. «Почему?» – спросили директора совхоза на заседании президиума обкома профсоюза. «Лёгкими тракторами сенажную массу не утрамбуешь», – пояснил Комаровских.

«А зачем было посылать студента в такую даль, да ещё на ночь глядя?» – такой вопрос был адресован бригадиру. «Если не трамбовать как следует, качество сенажа снизится! Мне бы за это на другой день нагорело», – ответил В. А. Перминов. Так, прикрываясь якобы производственной необходимостью, руководители совхоза «Колковский» нарушают правила техники безопасности. План – любой ценой? На заседании президиума обкома профсоюза выяснилось, что и после трагического случая в совхозе продолжали работать на тяжёлых тракторах 4 человека, не имеющих допуска. Не случайно президиум обкома профсоюза в своём постановлении констатировал, что руководители и специалисты Халтуринского РАПО крайне неудовлетворительно проводят профилактическую работу по организации безопасных условий

труда в подведомственных хозяйствах. Руководители и специалисты хозяйств, борясь за выполнение производственных планов, должны помнить, что на первом плане всегда стоит человек.

Ю. ГАСНИКОВ,
корр. «Кировской правды».
(«Кировская правда» от 25 августа 1987 года).

Та жестокая грозовая ночь молнией рассекла наши с Олегом жизни на две неравно окрашенные доли. И первый год в три памятные даты сама по себе звучала его осиротевшая гитара.

Как гитара звучала
Без тебя, без тебя...
Как она тосковала
Без тебя, без тебя...
Эти чуткие струны
Помнят руки твои.
Душу рвущие звуки –
Что такое? Откуда они?

ВОЛКИ

31 июля, четверг. Сегодня Олег закончил прессовать сено на 35-м секторе (за промоиной). Сенокос закончен. Чётко, оперативно провели мы (вернее, Олег) заготовку сена в этом году. Начал косить Олег 10 июля, а сегодня уже закончил. Всего запрессовал 420 рулонов, в среднем по 350 кг. Это значит, что у нас запасено на зимовку 147 тонн прекрасного зеленого сена. Конечно, погода не подвела нас в сенокос. Но всё-таки главный наш помощник нынче –это пресс.

10 сентября, среда. Какая щедрая осень вокруг меня. Брусника, её нынче очень много, в 50 метрах от дома целые брусничные ковры, 2–3-месячные поросята вовсю лакомятся столь щедрым подарком природы. Что уж говорить о взрослых хрюшах. После летней засухи в августе и сентябре зачастили дожди. Начался грибной сезон. На моём болоте не каждый год бывает этот сезон. Бывает, кругом в лесах грибы, а в моём «царстве-государстве»

(как назвала мои владения Эмилия Адриановна Штина) – ни грибочка. А нынче – море подберёзовиков, немного белых, есть красные, сыроежки, позднее пойдёт черный груздь. Я нынче хозяйственная. Хожу проверять коров в день раза по три (они у меня уже недели три пасутся на отаве на дальнем поле, даже без электроизгороди, к их услугам больше сотни гектаров пастбища, леса, кустарников). Попутно захожу в молодой лесок, выросший на выработках, и за 10–15 минут набираю большую корзину. А сегодня, когда только вошла в лесок, услышала вой волчьего выводка. Совсем близко от моего стада. Страшно за животных. Впрочем, есть охотничье поверье: волки не охотятся там, где живут. Я живу одна, вдалеке от людей, и отвечаю не только за себя, но и за тех, кто живёт рядом: за моих животных. Вокруг нас лес, в нём есть и хищники, главные из них – волки.

Первые 7 лет, когда я поселила здесь, на бывшем болоте, своих питомцев, рогатых и с пятачками, серые разбойники не нападали на нас. Хотя несколько раз я видела их совсем близко от нашей обители. А следы – так очень часто. Один раз я наблюдала такой случай. С рельсовой волокушей мы направлялись на дальний 37-й сектор, где после дискования нужно было выровнять площадь. Я сидела в кабине ДТ-75 рядом с Олегом. Оглянувшись, увидела: за нами бежит матёрый волк. К рельсу был привязан недлинный трос. И волк, опустив морду, бежал за виляющим концом его. Я толкнула Олега и движением головы обратила его внимание на эту сценку. «Волк», – удивился Олег (он никогда раньше не видел этого хищника). Мы ехали не останавливаясь, а серо-коричневый огромный волк, как игривая собачонка, не отставая бежал за тросом. Мы доехали до поля, Олег остановил трактор. Волк лёг у конца троса, скрестив передние лапы, и, казалось, очень внимательно смотрел на нас (мы были в кабине). Сколько бы это продолжалось – не знаю. Мы открыли дверцу кабины и вылезли из трактора. Волк вскочил и убежал в лес. Я потом наблюдала, как наши овчарки тоже бегали за концом троса. И я верю рассказам, что раньше, когда волки нападали на лошадь с санями, ездоки выбрасывали верёвку или вожжи, и волки, больше ни на что не обращая внимания, бежали за извивающимся и подпрыгивающим концом веревки.

А ещё раз я видела, как на пастбище, метрах в 200 от загона, где находились телята и коровы, бегал волк. Что меня удивило, был он какой-то серо-голубой. Зима заканчивалась, даже небольшие проталинки темнели на пастбище. Без особой ярости за волком гонялись наши собаки. Волк на какое-то время скрывался в соседних зарослях и оттуда наблюдал за моими животными. Потом снова выбегал на открытое место, и так раза три, пока собаки не угнали его в глубь леса. Даже следы медведей неподалёку видела и по ним ходила. Я верила охотничьему поверью, что волки не безобразничают близ своего логова (где находятся их поселения, я приблизительно знаю). И вот не выдержало волчье терпение – очень, видимо, был велик соблазн.

Однажды августовским утром я недосчиталась 6-месячной тёлочки. Пошла искать и увидела, как кружатся вороны над чем-то. «Что-то» – было то, что осталось от моей Быстрицы. Олег увёз с поля останки телёнка. А вечером я пошла загонять коров и телят (первый раз загоняла их на ночь в загон). Было 7 часов вечера. Вышла за магистральный канал и вижу: мчится навстречу мне стадо, а сзади на 8-месячного бычка Принца наседает волк. У меня в руках не было даже палки. Я бросилась вперед, завизжала, и волк куда-то исчез. Пятеро младших телят отстали от основного стада, и я побежала за ними и, когда гнала, увидела другого, более матёрого волка. Он спокойно сидел у одинокой сосны и, казалось, наблюдал за нами. Никогда не забыть мне этот наглый взгляд жёлтых с чёрным ободком волчьих глаз. Я закричала, как могла, завизжала. Волк сидел. Внезапно (видимо, на мой крик) примчался Анчар. Волк бросился в кусты – Анчар за ним. Я стояла на месте, кричала, визжала, теперь я боялась за собаку. Но вскоре Анчар выскочил из кустов.

До этого случая я уже недосчитывалась двух телят и коровы. Долго искала их по окрестным лесам и всё надеялась, что заблудились животные и, может быть, найдутся. Тем более, что был случай, когда годовалая тёлочка Аврора два раза суток по 5 не находилась со стадом – потом приходила. Телята в лесу несколько раз ночевали. Так что исчезновение телят с волками я не связывала. И вот серые соседи сами заявили о себе.

20 ноября. Что я наделала... Без вины виноватую зарезали Ночку. Через месяц (даже меньше) отелилась бы она — такая большая телочка была. А все потому, что я сомневалась — стельная ли корова: живот, казалось, мал, да и вымя не увеличивалось. Пригласила ветврача, поделилась сомнениями, и он их подтвердил (не прикасаясь к корове): «Да, нестельная». И вот что получилось. Так жаль корову и тёлочку. Виновата я, моя халатность. Ещё раньше хотела выбраковать Ночку – летом не стала приходить на дойку и очень рано перестала доить.

С Ночкой два года тому назад произошёл очень неприятный случай: столько боли перенесла корова по моей вине. Отелилась ночью самостоятельно (как все мои коровы). Утром, когда пошла доить коров, забыла посмотреть уличный термометр. Мне почему-то показалось не очень холодно. Я обнаружила во дворе новорождённого телёнка, перетащила его в другое помещение, подоила Ночку и выпустила её вместе со всеми в загон к сену. Пристроя ко двору у нас тогда ещё не было, и поэтому после дойки коровы сразу попадали на мороз, или в дождь, короче, под открытое небо. Здесь у них и корм, и питье, и... свобода.

Когда пришла с утренней дойки, посмотрела температуру: –26°. Вернулась к Ночке, тронула соски и взвыла от ужаса. Соски были твёрдыми и больше походили на ледяные сосульки. Как я ругала себя: не могла загнать новотельную корову во двор и хоть в самый мороз подержать в помещении. Загнала я Ночку, руками отогрела соски, а доить-то как? Уже на другой день соски превратились в сплошную боль. Молока много, аппаратом доить – больно, руками – невозможно. Всякими мазями мазала я обморожение, потом всё забросила, а перед дойкой и после неё стала мазать соски медом – вдруг поможет. И тут неожиданно получила поддержку от... Таратуты. Пришла от коров расстроенная (Ночку жалко), включила телевизор, а тут как будто меня дожидались. Таратута с экрана говорит: «Сейчас мы расскажем вам, как в Америке применяют пчелиный мёд при лечении ран». И начал рассказывать, как американские медики проводили опыты для заживления ран чистым мёдом, мёдом с водой в разных пропорциях. Выяснили, что мёд без примесей заживляет раны, причём

даже застаревшие. Мёд, растворённый в воде, раны не лечит. Поблагодарив «Америку с Таратутой» (надо же, как своевременно получила научную поддержку своей интуиции), теперь я уже с большей уверенностью лечила свою Ночку. Меньше чем через две недели отпали корочки, и на сосках снова была упругая атласная кожа. Дойка наконец-то стала безболезненной.

Сколько после этого я вылечила животных мёдом, и не сосчитать, Все раны лечу только им. Но это, конечно, когда нет мух, которые, как известно, летят на него. Ни до, ни после этого случая с обморожением я ничего подобного о мёде в столь авторитетной форме не слыхала. Кстати, случай с Ночкой (обморожение сосков) единственный. Больше ничего подобного не было, да я и сама стала осторожнее. Только что отелившихся коров после дойки на сильный мороз сразу не выпускаю.

В морозы перед дойкой и после дойки я смазываю соски коров свиным салом, которое к тому же ещё и заживляет раны.

6 октября, **понедельник.** Как же давно не записывала. Сколько всего было: и плохого, и хорошего. Плохое: Анчар здорово ранил телёнка от Вербы – Денька. (В стаде теленку еще добавили боли: тёлка поддела рогом разорванную на животе кожу). Пришлось пятимесячного малыша убирать. Хорошее: отелилась Роза. Опять перед отёлом ушла из стада. Вчера до полной темноты искала её по лесу, по кустам – бесполезно. Душа болела за неё и телёнка – волки же рядом. Сегодня с утра тоже искала, не нашла. А в обед снова пошла в стадо и ещё издалека увидела Розу. Она стояла у рулона и, как ни в чём нё бывало, ела сено. Но телёнка около неё не было. Роза пошла от меня с гордо поднятой головой. Я поняла, куда она ведёт меня. Действительно, метров через 500 корова остановилась. Из высокой сухой травы, как пружинка, навстречу матери вскочил телёночек. Хорошенькая беленькая тёлочка. А телилась Роза где-то в другом месте: возле этого я проходила, когда бродила в её поисках. Тёлочку я сразу же назвала Лесей.

Погода стоит – сплошные дожди и днём, и ночью. Сейчас сижу и пишу при свечах (еле в темноте разыскала их). Дождь барабанит, сегодня после обеда на подстанции вырубился фи-

дер, не знаю, как выйду из положения завтра. Без электричества жизнь убогая и неинтересная, да и хозяйство вести невозможно. Бедные мои животные, под таким дождём целые сутки. Правда, ночи не очень холодные, но все же, как подумаю, что они мокнут, самой не по себе становится. Надо строить в загоне навес.

3 ноября, понедельник. В субботу вечером пришли ко мне на экскурсию с ночлегом пятиклассники. В воскресенье шёл дождь, снег согнало, а к вечеру похолодало до –2°, и выпал новый снег. Сегодня Олег начал вывозку сена с полей. Возит на «Беларуси», по 13 рулонов за рейс. Молодец, сам додумался до такой технологии: сцепляет три длинных стальных листа, на поле укладывает рулоны с помощью иглицы на прицепной скобе трактора. Сам грузит, сам возит. Сегодня он сделал 9 рейсов – привез 117 рулонов.

11 ноября, вторник. Вчера в Котельниче фермеров района собирала налоговая инспекция. Знакомили нас с перечнем налогов, которые мы должны регулярно платить. Видов налогов много. По правде сказать, я не очень вникаю в эти платежи. У нас есть бухгалтер. Наша Валентина Алексеевна Лыхина тоже была на этом собрании, поэтому я спокойна: она во все новинки вникнет и все сделает, как требуют налоговые органы. Моё дело – зарабатывать деньги. Однако я убеждена, что для фермеров необходимо упростить систему налогов. Что такое наше хозяйство? Это то же самое крестьянское подворье с его нуждами, затратами, доходами. Управляемся в нем сами, помощи ни от кого не просим. Даже расчётного счёта в государственном банке большинство фермеров не имеет. Расчёты – наличными или бартер. Тем не менее, если мы регистрируемся и получаем статус «крестьянское хозяйство», то обязаны вести строгий бухгалтерский учёт, ежеквартально составлять отчёты. Хорошо, если учёт ведёт умный, грамотный бухгалтер (как у меня), а если такового нет или фермер сам берётся за эти балансы...

Как муха в паутине всяких инструкций, постановлений и штрафов, бьётся незадачливый хозяин. Сколько простых людей, мечтающих получить свою землю и только своим трудом на ней кормить свои семьи, потерпели фиаско из-за бухгалтерских премудростей.

Не буду говорить о других, скажу о себе. По специальности я агроном, хорошо разбираюсь в животноводстве, немного смыслю в механизации, могу лечить животных и многое другое я умею и знаю. Почему же я должна ещё в совершенстве (а иначе нельзя) знать бухучёт? Почему я должна составлять эти «гроссбухи» с авансовыми отчётами, расчётами заработной платы, отчислениями на содержание медицины, милиция и т. д. и т. п.? Исписываются стопы бумаг, которые, как правило, потом никто не читает и, что важнее всего, которые вовсе не отражают действительности. Многие пункты этого учёта я просто отказываюсь понимать. Взять, к примеру, НДС (налог на добавленную стоимость). Само название уже нелепо. Какая уж тут добавленная стоимость, когда продукция сельского хозяйства часто реализуется ниже себестоимости. Но этот показатель (НДС) меняется чуть ли не каждый год, и не всякий бухгалтер успеет уследить, когда НДС на мясо, к примеру, составляет 23 проц., а когда 10 проц.

Куда бы ни шло, если б сумма НДС шла в бюджет и пополняла собой казну государства. Однако это не так. Продавец вынужден величину налога включать в цену товара, а покупателю (оптовому) эта надбавка компенсируется из госбюджета. Что получает от этого государство, мне даже опытный бухгалтер не ответил. Мне же почему-то кажется, что этот налог только повышает розничные цены и усложняет отчётность.

Если б меня спросили (опять фантазии), как помочь фермеру продуктивнее заниматься **своим** делом и не обеднить государственный бюджет, я бы попросила Министерство сельского хозяйства освободить семейные фермерские хозяйства от сложного бухгалтерского учёта, целью которого является исчисление различных налогов. По моему убеждению, для нас нужно оставить всего один налог – налог на то, что мы получили от государства, – землю. Пусть сумма налога будет не меньше той, что мы платим сейчас. Но при едином налоге упростится система учета, уменьшится количество лазеек от уплаты налогов, облегчится работа налоговых органов. Им останется только распределить наши взносы по времени и различным статьям. Над нами – фермерами – не будет висеть «дамоклов меч» штрафов и пеней,

точнее будет отчётность, и только тогда можно будет знать истинное количество производимой фермерами продукции. При такой системе в лучшую сторону изменится использование земли. Невыгодно будет брать большие площади сельхозугодий и позволять им зарастать сорняками и кустарниками. Конечно, суммы налогов должны быть предельно разумны и должны стимулировать работу на земле, а не отпугивать от неё.

О МАМЕ МОЕЙ

30 ноября, воскресенье. Вот и зима, со снегом и настоящим морозом. Ночью было –25°, и днём не выше –20°. Коров и телят вторую ночь загоняю в пристрой, гусей два дня уже не выпускаю на улицу. У одной гусыни на шее обнаружила рану, намазала мёдом. Опять, наверное, Эмми свои летние проделки вспомнила. А молодая кошка Настя забралась на чердак и уже пятеро суток не слезает оттуда. Холодно ей и голодно. С веранды в щель просовываю ей то блин, то мясо. Вспомнилось детство.

Жили мы в домике, который зимой насквозь промерзал. И вся наша домашняя жизнь, когда мы возвращались из школы, проходила на печке. Тут мы спали, учили уроки, читали книжки, ели. Даже маленький поросёнок предпочитал тёплую печку промёрзлому полу. Он сам прыгал на деревянный диван, с него на табуретку, а с неё – к нам на печку.

И вот с чердака начало раздаваться дикое мяуканье. Мы поняли, что на «втором этаже» нашего «дворца» поселилась приблудная кошка. Мяуканье усиливалось, когда мама подавала нам на печку еду. А потом смотрим – в щель между кожухом и потолком протискивается черная когтистая лапка. Ничего не оставалось, как насадить на эти молящие о спасении коготки что-нибудь съедобное. Очень хорошо шли блины, которые часто пекла нам мама. Обычный чёрный хлеб тоже шёл за милую душу. Чуть не всю зиму подкармливали мы это несчастное бездомное существо таким вот необычным способом. Для нас это было чуть ли не игрой. И нам даже стало чего-то не хватать, когда лапка перестала требовать свою долю немудрёной еды. «Ушла», – решили мы. Однако, когда в конце зимы брат Вовка забрался на

подволоку, он увидел там мёртвую чёрную кошку. То ли холод, то ли голод убил маленькое существо, с которым мы успели подружиться.

Возвратила этот эпизод из детства, и память начала раскручивать собранные в клубок воспоминания, не всей жизни, а отдельных её дней, как прожектором высвеченных.

Странное это явление – человеческая память. Забываются целые годы жизни. Но до мельчайших подробностей восстанавливаются некоторые случаи, и, как сфотографированные, встают перед тобой и родные, давно уже ушедшие люди, и всё, что окружало тебя в то время.

Первое, что я помню из раннего детства, так это, как я ворожила на спичках. Мне было тогда три с небольшим года. Война уже закончилась, но не все вернулись с неё, даже кто остался жив. И вот, помню, я ползаю по полу, раскладываю дорожкой спички. И соседка, а мы жили тогда в 4-квартирном железнодорожном доме, шутя попросила: «Вера, поворожи и скажи, скоро ли придёт мой Вася». Я смешала спички, снова начала складывать их дорожкой, а потом сказала: «Вася пришёл!». И надо же такому случиться – кто-то постучал в дверь и открыл её. «Вася!» – крикнула соседка и бросилась к мужчине, который стоял в дверях. С тех пор и шутя, и всерьёз ко мне подходили женщины и просили меня «поворожить».

Потом я ещё помню, как к нам приехал дядя Костя – брат мамы. Он только недавно вернулся с Сахалина. Там он отбыл 10 лет заключения. В 1937 году его арестовали как «врага народа «за распространение иностранной литературы». Закройщик из Котельнича и... «враг народа». По доносу женщины, на которой он не захотел жениться, попал мой дядя Костя в этот страшный список. Когда забрали его, осталась молодая жена Тоня с годовалой дочкой Зоей. Заболела тетя Тоня, как говорила мама, сделалось у неё «тихое помешательство».

И осталась моя двоюродная сестра Зоюшка двух лет от роду сиротою при живом отце, которой вернулся, когда ей исполнилось 12 лет. Все эти долгие годы жила Зоя с «дединькой» и бабушкой, которая незадолго до возвращения дяди Кости умерла.

Вернулся отец с далёкого Сахалина, а дочь, о встрече с которой он так мечтал, его не хочет не только признавать, но и видеть. И как только дядя Костя ни пытался сблизиться с Зоей, ничего из этого не вышло. Да, впрочем, очень скоро и его самого не стало. Пошёл он из деревни Судомойки, где жили Зоя с дедушкой, на станцию Сутяги, чтоб поехать к нам в Стрижи, хотел нам денег дать. Только через несколько дней нашли его в лесу неживым. Признали, что умер от «разрыва сердца». Однако ни денег, ни часов, ни золотого кольца не было у него. Никто не скажет, что случилось с нашим дядей Костей, который после десяти лет заключения вернулся домой, чтобы через два месяца умереть на родной земле.

Запомнила я, как дядя Костя и мой папа сидели допоздна за столом и разговаривали. И дядя Костя говорил отцу: «Тебя, Саша, осудят, будь готов к этому, и ты хоть знаешь, за что. А я, изруби меня на кусочки, не знаю, за что эти десять лет отсидел».

А папа мой в то время был под следствием. В 1947 году была денежная реформа. Я до сих пор точно не знаю, какую «аферу» организовал начальник станции, который предложил отцу всю вину взять на себя. Мол, у тебя плохое здоровье, четверо детей, младший только что родился, тебя не осудят. Но осудили, ещё как осудили... Помню, когда мама уезжала на суд, я навзрыд ревела. Что я тогда понимала, было мне всего 4 года, но я помню это. Маме и так было тяжело, а тут еще я со своим рёвом. Отца осудили на 10 лет. Далеко не увезли, он работал в Кирове, на заводе «Сельмаш».

Наше тяжёлое положение усугубилось ещё тем, что кому-то очень потребовалась квартира, в которой мы жили. А так как глава семьи уже не работает на железной дороге, нас стали выселять. Начало 1948 года. На руках у мамы нас четверо: старшей сестре 9 лет, младшему – 1 месяц. На что жить, где жить? Всё наше «богатство» состояло из коровы Милки и швейной машинки. Продала мама и корову, и швейную машинку. Наняла людей и перевезла коровий хлев на выделенный нам под строительство и огород участок в 12 соток – зыбучий силикатный песок с соснами в обхват. Построила на этом участке мама домик, в котором мы

жили целых 7 лет. Как всё это выдержала моя мама! На новом участке она не только построила пусть и немудрёное, но всё-таки жилье, она разработала огород, для этого пришлось спилить сосны вручную, вскопать дернину. При папе она была домохозяйкой. Маленькие дети, хозяйство... А как отца с нами не стало, устроилась мама на завод рабочей, работала по сменам. С маленьким Колей нянчилась бабушка – папина мать. И приходилось маме нашей днём работать на заводе, ночью корчевать пни на новом огороде, или наоборот, – ночью на заводе, днём на своём участке. Помню, какое-то время мама не стала видеть в сумерках, говорили тогда, что это «куриная слепота». Спустя годы узнала я, что бывает это от острого недостатка витаминов и сильного переутомления. Ещё бы ему не быть. Ни тогда, ни позднее я не видела маму отдыхающей, куска хлеба не съела она, чтобы не поделить его на всех нас. Тем не менее, вспоминая своё детство, я точно знаю, что мы не голодали.

В дождливый осенний день перебрались мы на новое место жительства, в новый дом – вчерашний хлев. А когда наступила зима, наше жилище промёрзло насквозь. Люлька маленького Кольки частенько покрывалась инеем, а вода в умывальнике превращалась в лёд, умыться утром было невозможно.

Когда нас выселяли из квартиры, старшая сестра Тамара (наверное, не по своей инициативе) написала письмо Сталину, в котором по-детски рассказала о нашем бедственном положении. И как ни удивительно, через некоторое время, когда мама перевезла нас на новое место, «от Сталина» пришло официальное письмо с указанием «не выселять нас». Начальник станции дал ответ, что нашей семье предоставлен земельный участок, на котором уже построен чуть ли не дворец, так что всё устроилось само собой. Ну, устроилось так устроилось.

Иногда в выходные дни мама ездила к папе. Он не жаловался ей на свою жизнь. Жалел нас, говорил, что в тюрьме живёт не он, а мы. Помочь нам он, конечно, ничем не мог.

В одну морозную декабрьскую ночь бабушка вскочила с кровати и с криком «кто, кто?» выбежала на улицу. Ей послышалось, что кто-то постучал в дверь. Никого не было. Она зашла в избу,

бросилась на кровать и рыдая проговорила: «Это Шурина смерть была. Валя, поезжай к нему». Никто, конечно, маму не отпустил среди недели с работы, да и с какой стати куда-то ехать. Но все-таки дожила мама до выходного и поехала к папе. А папу уже два дня как схоронили. Ночью он задохнулся (у него в горле была фистула) и умер. Это случилось в тот час и в ту минуту, когда бабушка с криком «кто, кто?» выбежала на мороз. Маме даже могилу отца точно не указали: «Одна из двух». Забегая вперёд, скажу, что через 23 года старшая сестра Тамара поставила металлическую оградку и крест на могилах двух заключенных, в одной из которых лежит наш отец. А через месяц после смерти отца пришел по амнистии сосед дядя Митя, который был осуждён по одному делу с папой.

Когда мама вернулась из Кирова со страшной вестью, что у нас больше нет отца, собрались соседи. Наш посёлочек был тогда ещё очень маленький, всего пять домов, и все жили дружно. Один из соседей «посочувствовал» моей маме: «Ну, Валя, теперь работать – не прокормиться и сбирать – не прокормиться». Моя мужественная мама от этих слов, а может, от нового свалившегося на неё горя на какое-то время потеряла сознание. Тогда я своим детским умишком поняла, как глубоко можно ранить словом.

Слова, слова...
Что с ними
Можно сделать?
Их можно в рифмы
Стройные сложить.
А можно просто
Мимоходом кого-то
В сердце поразить.
Слова и ранят,
И врачуют.
Слова ласкают
И винят.
В одних – и радость,
И надежда,
В других –
Обида, горечь, яд.

Но распрямилась наша мама, как-то выдержала. Да и как иначе. Надо было жить, хотя бы ради нас. А было тогда маме 35 лет. Помню, увидела бабушка маму с заплаканными глазами, обняла её и сказала: «Валя, не плачь, ты на меня посмотри, мне ведь тоже нелегко, сына у меня не стало, а я креплюсь». Так мама и бабушка скрывали от нас и друг от друга свои горе и слёзы. Родные жалели маму, хотели помочь, но чем? Тетя Тася, папина сестра, предложила маме: «Отдай мне Веру, я её выращу, не будет нужды знать, и тебе будет полегче». Как я боялась, что мама согласится. А потом пришло письмо от дяди Пети – маминого брата. Дядя Петя писал: в Котельниче есть детский дом, и он договорился, что двоих детей можно туда сдать. Прочитали мы это письмо, обнялись и с ужасом стали ждать маму с работы. Она пришла, а мы ей письмо показывать боимся. Почувствовав что-то неладное, мама сказала: «Ну-ка, чего натворили, признавайтесь!» А мы заревели в один голос и письмо протягиваем. «Читай, Тамара». Тамара начала читать, как до главного дошла, голосок задрожал, и она заплакала. «Да читай же», – и Тамара прочитала. Мама тоже со слезами на глазах (она готовилась к чему-то плохому), обняла нас всех: «Глупые вы мои, никому я вас не отдам, ведь какой палец ни укусишь – больно, все вы мои, и будем жить не хуже других». Так сказала мама, так и стало.

На свою небольшую зарплату и пенсию за папу (54 рубля) она умудрялась кормить нас, одевала, и совсем даже неплохо. Она хорошо шила, а теперь, когда даже швейной машинки не было, она всё шила вручную: и пальто, и шапки, и платья. Да и огород на зыбучем песке обеспечивал нас картошкой и кой-какими овощами. Не росли на нашем огороде горох и репа – сухо, видимо, для них было. Так мама, чтобы мы не вздумали по чужим огородам лазить, сеяла эти «деликатесы» для нас у тёти Зои на огороде – там было пониже. Мы не имели понятия, что это такое – взять чужое. Помню, как мы, бессовестные, отчитали маму за то, что она подобрала доску на железной дороге.

Годы шли, мы росли, и уже не только Тамара ходила в школу, но и мы один за другим постепенно становились школьниками. До школы было не близко, надо было переходить железную до-

рогу, и мама всегда за нас боялась. Каждое утро она вставала пораньше, топила печь, готовила завтрак, кормила нас, и мы уходили из дома: она – на работу, а мы – в школу. И ни разу она не отпустила нас, не накормив хоть чем-нибудь, хотя бы красным на сахарине киселём с хлебом. А чаще – супом с кусочками свиного мяса.

Чтобы мы не голодали, мама каждый год выкармливала поросёнка. Тёплого двора не было, но старалась мама: то засыпушку построит, то, помню, землянку выкопала и там держала поросёнка. И поросята всегда вырастали хорошие. Один раз только помню: почему-то умер маленький поросёнок. И мама сидела над ним, и слёзы капали: «Вот мой и отпуск». Мама вообще никогда не использовала отпуск, за него получала компенсацию и на эти деньги что-нибудь покупала. Как в этот раз – поросёнка. У меня тоже было своё хозяйство. На мне было животноводство, в основном очень мелкое: коза, кролики, цыплята, утята. И очень часто мне не везло с ними.

У козы Ночки кто-то обломил рог, цыплята часто становились добычей кошек, утята, помню, погибли из-за моих экспериментов с кормлением. А всё многочисленное поголовье кроликов за одну ночь кто-то уничтожил. Утром мама обнаружила всех их мертвыми в одной груде, в том числе и крольчиху, у которой были крольчата. Крольчата были в клетке, а крольчиха – в общей груде. До сих пор для меня загадка – кто же уничтожил моих ушастеньких. Несколько раз с полной мёртвых кроликов корзиной ходила я в лес за домом и хоронила своих питомцев.

Приходилось мне заготавливать корм на зиму для коз, кроликов. Травы близко от дома у нас не было, и за 2 километра приходилось ходить с серпом, жать траву и ношами носить домой. Всё лето уходило на пастьбу коз, заготовку сена, веников. Я очень любила своих животных, особенно коз. Когда у Ночки обломили рог, она, видимо, была не очень привлекательной, а мне всё равно казалась красавицей. Как-то пасла я свою Ночку около железной дороги. Путевые рабочие смотрели на нас, и один рассмеялся: «Пастушка-то уж больно хороша, а коза больно некрасива». Я тогда до слёз обиделась за свою Ночку. Ей вообще не

везло. В первый год она не обгулялась, а значит, и не доила. Мама решила, что Ночку надо зарезать. Я умоляла маму не делать этого и пообещала, что раздою козу. Вначале я доила в ложку и показывала маме: видишь – есть молочко. Мама усмехалась и терпеливо ждала, что будет. Потом я стала доить в кружечку, но увеличивала коза свой «удой» очень медленно. Я решила ускорить это и каждый раз понемножечку в кружку добавляла водички и несла показывать маме: «Видишь, прибавляет Ночка». Мама верила. И однажды она застукала меня, когда я в ограде из ковша подливала воду в Ночкино молоко. «Ах, вот как она прибавляет», – возмутилась мама и уже без разговоров пригласила дядю Митю резать Ночку.

Как я отстаивала свою любимицу: с рёвом заперлась во дворе и не пустила к Ночке никого. Дядя Митя сказал маме: «Оставь, Валя, пусть что хочет с нею делает». И Ночка потом родила козлят и очень даже неплохо доила.

Когда я возилась со своими животными, когда читала книжки по животноводству, я видела в будущем себя зоотехником. Это было до 4-го класса. Потом я решила стать агрономом. В нашей небогатой школьной библиотеке было полное собрание сочинений Мичурина. И вот я от корки до корки «проработала» все эти толстые тома с красивыми яркими рисунками невиданных мною плодов. Конечно, что могла понимать четвероклассница в мичуринской селекции. Скорее всего, просматривала картинки да запоминала красивые названия сортов.

Мне хорошо запомнилось, что в детстве я мечтала вывести северный хлопчатник. Приглядела одно довольно неприметное растение с опушёнными семенами (это был гравилат речной) и решила его в период цветения опылить пыльцой настоящего хлопчатника. Была большая проблема: где раздобыть пыльцу этого самого хлопчатника. Решила писать пионерам в Таджикистан. Посоветовалась с учительницей ботаники, и Вера Васильевна объяснила, что ничего из моей затеи не выйдет – разные виды не скрещиваются. Вообще, в детстве, да и, пожалуй, во взрослой жизни, я беспробудная фантазёрка. Быстро загораюсь каким-нибудь новым делом, строю планы, не сплю ночами, а потом очень часто

мои планы оказываются просто фантазиями.

А вот мама моя за что бы ни бралась, что бы ни делала, у ней все получалось. У ней была очень «лёгкая рука». Что бы, когда бы она ни посадила, всё приживалось и давало урожай. Раньше у редкого хозяина увидишь в огороде огурцы или помидоры. Это сейчас они у каждого – и под плёнкой, и без неё. А тогда – картошка, морковь, горох, репа, капуста, вот и весь набор огородных культур. А мама самая первая на нашей маленькой улице начала выращивать и огурцы, и помидоры, и землянику, и цветы и отовсюду (из леса, с болота) приносила разные кустарники: и малину, и смородину. А иргу, крыжовник и яблоньки выкапывала около железной дороги.

Сейчас, когда уже 20 лет как нет мамы, я думаю о ней чаще, чем при её жизни. И задаю себе вопрос: откуда брала мама силы, чтобы вырастить нас, дать нам образование? Она была мужественной и гордой. Я помню, что к нам домой приходили учителя (ознакомиться, как живут ученики). Они видели, как трудно и как бедно мы живём, и говорили маме: «Валентина Никаноровна, напишите заявление о материальной помощи. Многим же выделяют, даже тем, у кого отцы есть». На это мама неизменно отвечала: «Мы не нищие и в чужой помощи не нуждаемся. Дети мои, и я сама обеспечу их». Так ни разу и не воспользовалась мама предложенной помощью.

А ещё наша мама очень понимала человеческие характеры. В детстве мы, ребятишки, не всегда ладили друг с другом, иногда даже дрались. Мне, конечно, чаще доставалось от братьев, чем им от меня. И вот частенько вечером поссоримся, даже подерёмся, а утром ни свет ни заря они будят меня: «Вер, помоги задачу решить». Я глаза протираю и решаю за них задачки. Смотрит на меня мама, качает головой и говорит: «Ой, девка, нет у тебя характера, тяжело тебе в жизни придётся, будут на тебе ездить кому не лень». Права была моя мама. А ещё моя мама была интеллигентным человеком. Пусть у неё было образование всего два класса начальной школы. Пусть её часто испытывала и пыталась сломить жизнь, пусть она была просто рабочей. Я считаю, что такая черта характера, как интеллигентность, не зависит ни от образования, ни от положения

в обществе. Это почти врождённое свойство человека.

Я не помню, чтобы мама с кем-то грубо говорила (а ведь были причины для этого). Я не помню, чтобы она вообще на кого-то повысила голос, о ком-то плохо отзывалась, она не любила сплетен и пустословия. Мама была очень добрым человеком. Как ни странно, но при нашей бедности она всегда умудрялась кому-нибудь помочь. Помогала, чем могла. Давала в долг последние свои деньги, делилась хлебом, картошкой. И тот сосед, который предсказывал нам чуть ли не голодную смерть, когда у нас не стало отца, именно у нашей мамы брал в долг то денег, то хлеба. А потом, когда мама уже вышла на пенсию и её сад-огород давал щедрые плоды, она раздаривала и ягоды, и огурцы, и помидоры, и для неё большей радостью было отдавать, чем брать.

ЖУРАВЛЯТА

17 марта 2000 года. Сегодня у меня собрались фермеры. Состоялся, как и назвать – семинар, совещание, праздник? Всё вместе. Я провела экскурсию по территории моего хозяйства. Гости ознакомились с содержанием животных, побывали во дворах, в сушилке. Удивлялись маленьким поросятам, играющим на снегу, взрослым поросятам, которые вырывают из-под снега землю и с аппетитом её поедают. Человек 50 было, не меньше.

Второй год собираются у меня фермеры, и не только они. Знаю, что людям интересен мой опыт – не каждый рискнёт содержать животных под открытым небом и зимой, и летом. Кроме фермеров, был на нашем сборе заместитель губернатора Алексей Петрович Логинов, приезжал Буторин Виктор Алексеевич. По-моему, собрались самые состоятельные из нынешних фермеров области. Каждому из них было предоставлено слово, и каждому было что сказать. Все занимаются производством сельскохозяйственной продукции. Но с животноводством по-прежнему связывают свою работу очень немногие.

1 июня, четверг. Несусветная жара, в тени +30°. Днём всё затихает, как будто засыпает. Кругом пока зелено, но если не будет дождя… Ходила на посев клевера на 34-й сектор. Всходы появляют-

ся, но неравномерно. Верхний слой торфа, как зола, сухой. Как надо дождя...

3 июня, суббота. Ночью чуть-чуть побывал дождик, мм 4 приблизительно. Пятидневных поросят со свиноматками выпускаю на свободу. Правда, есть опасность: вороны и коршуны кружатся над ними и пытаются охотиться на малышню. На картофеле – начало всходов. Картофель мы посадили 3 мая на дальнем-дальнем поле (чтобы не добрались до него мои «рытики»). Два года назад недалеко от двора посадили два гектара картофеля, и поросята успели «собрать урожай» прежде, чем появились всходы.

4 июня, воскресенье. Вечером в 9 часов такой ливень вдарил, мм 30 вылилось за полчаса. Вот хорошо-то.

5 июня, понедельник. Сегодня оформляла цветники. После изнурительной жары наконец-то прохладно. А коровы всё равно весь день пролежали под навесом и пасутся ночью. Если раньше в такие дни я пыталась гнать их на пастбище, теперь я не вмешиваюсь в их распорядок дня. Зачем? Доят они хорошо, я бы сказала, очень хорошо... Роза утром даёт литров 15 и вечером 14 или чуть больше. Ляна – по ведру утром и вечером. И остальные меньше 15 не дают.

На цветнике доцветают жёлтые и махровые тюльпаны, зацветает «разбитое сердце», жёлтая рудбекия, отцветают купальница и примула, но вот-вот зацветут бархатцы, акроклинум, лилии. Сегодня Олег увёз всё масло, и я размораживаю холодильник. Очень нужна хотя бы небольшая морозильная камера. Только разбогатеем – купим.

9 июня, пятница. Почти весь день тихий дождик. И не холодно. Хорошо растениям. Так почва лучше принимает в себя влагу. Даже на нашем бугре – полные всходы клевера. Киров предсказал: июнь будет засушливым, июль и август – дождливыми. Посмотрим. Пока дождики, слава Богу, перепадают.

10 июня, суббота. Всю ночь и весь день дождь, довольно обильный. Везде лужи. Недосчитываюсь одной молодой свинки, похоже, ушла в лес вчера вечером. Ходила искать, до ниточки промокла – не нашла. Уже процветает рябина, цветут шиповник, звездчатка, брусника. На полях вовсю цветёт лютик едкий. 30 мая

погиб Уголёк – годовалый бычок. Я думаю, что он отравился этим лютиком. Когда он рождался, поросята отгрызли у него кончик языка, и Уголёк на пастбище ел траву, которая повыше, а лютик тогда в конце мая уже возвышался над злаками. Несмотря на дожди и довольно прохладную погоду, коровы предпочитают ночную пастьбу.

11 июня, воскресенье. С утра и весь день яркое солнце, безоблачное небо. Но ветрено и довольно прохладно.

Сегодня утром из Москвы вернулись Олег с Оксаной (ездили на неделю в гости к родственникам) и вместе с Тимой почти сразу приехали ко мне на болото. Олег намолол муки. Съездили на дальние поля проверить картофель и пшеницу. На картофеле полные всходы, пшеница кустится. На пшеничном поле нас как будто ждала пара журавлей – огромных, красивых, а с ними два маленьких журавлика, ещё жёлтых, с длинными шейками. Взрослых журавлей вижу часто, а вот их детишек увидела первый раз. Крылатые родители поспешно загнали журавлят в кусты, а один журавль (мы решили, что отец) кружил над нами до тех пор, пока мы на своем «уазике» не убрались с их владений. Процветает пушица. Вечером перед темнотой слышала соловья и коростеля (в этом году первый раз). Начинает цвести малина.

21 июня, среда. Олег 2-й раз окучил картошку, намолол муки, обкосил электроизгородь, обкололи железом поросят-малышей. Уже три свинки где-то в лесу с новорождёнными поросятами. Сегодня с полпятого до шести утром и вечером с 9 до 10 часов искала. Безрезультатно. Много змей появилось, больше ужей, но есть и гадюки. А младшие телята самостоятельно от основного стада ходят: днём уходят в тень, а ночью пасутся на лугу перед домом или в лесу. Боюсь за них, но из-за электроизгороди они выходят.

24 июня, суббота. Олег с другом по моей просьбе сделали загон для свиноматок с новорождёнными поросятами. В центре загона огромный, заросший ивой и малинником холм. Есть доступ к канаве с водой.

Идеальное место для мамаш с малышами оборудовали мы. Тут можно и кормить свиноматок отдельно от остального стада.

Они сами в холме вырыли пещерки, где маленькие «пятачки» скрывались от дождя и солнца. Однако идиллия длилась недолго. Ближе к осени по утрам стала недосчитываться малышей: то одного, то двух, а в одну ночь даже трёх. Вначале грешили на Багиру. А потом я обнаружила в загоне чёткие волчьи следы. Мои надежды на то, что свет прожектора, который мы установили над двором, будет отпугивать волков, не оправдались.

25 июня, воскресенье. Утром увидела Дальму (у ней подходил срок отёла) – лежит в загоне, вымя набухло. Ну, думаю, телиться будет, хоть не на пастбище. Запустила в пристрой. Сена, подостлала. Весь день ходила, проверяла. Она то встанет, то ляжет. Уже вечер, а телёнка нет. Загнала в доильный станок, решила проверить, близко ли теленок. А там пусто. Выходит, Дальма отелилась где-то на пастбище ещё ночью и пришла на дойку. А я-то дура, то-то мне показалось, что живот как-то стал меньше. Что делать, подоила корову и пошла искать телёнка, а может, лишь то, что от него осталось. Обошла всё пастбище, нет теленка. Дальма вначале ходила за мной, а потом встала у электроизгороди, и всё. И вдруг послышалось слабое мычание. С какой радостью побежала я на этот чуть слышный звук. В высокой траве лежал красивый телёночек. Он, видимо, прошёл под проволокой и, судя по примятой траве, долго бродил, прежде чем улёгся тут.

Сбегала я за молозивом, напоила его из соски, и маленькая красавица вприпрыжку добежала за мною до двора. Незабудкой назвала я её. На пастбище летом телята рождаются часто, и коровы-мамаши обычно не отходят от них. Тем и ввела меня Дальма в заблуждение, что ушла от телёнка. А малыша я вполне могла потерять. Он мог бы попасть в магистральный канал, мог стать добычей поросят, которые набрасываются на беспомощную во время отёла корову (как это было с Угольком), да и собственные собаки не постесняются расправиться с новорождённым существом, если это неблизко от дома.

Нашлась свинка с 10 поросятами. Совсем недалеко от дома, на берегу канавы устроила гнездо, и больше недели я не могла ее найти. Теперь ещё двух бродяг нет. Вечером во дворе (даже удивительно) опоросилась молодая свинка (12 поросят). Летом опо-

рос во дворе для меня приятная неожиданность. Перед опоросом будущие мамаши почти всегда уходят в лес, там готовят себе гнездо и производят на свет розовое потомство.

28 июня, среда. Олег сегодня уехал в Киров за шпагатом. Жарко... Весь день занималась прополкой. Звонила Клавдия Фёдоровна Кутявина – председатель нашей Вятской ассоциации фермеров. 5 июля в Уржумском районе собираются фермеры. Попробовала отказаться, но Клавдия Фёдоровна пристыдила меня, дескать, ко мне собирались без всяких отговорок. Согласилась поехать.

Мой цветник – моя отрада. Сейчас цветёт акроклинум. Цветы у него, как шёлковые, белые и розовые. Ножки тонкие, высокие. Еще заполыхали лилии, эшшольция, начинают цвести хризантемы, бархатцы, душистый табак, ипомея, декоративная фасоль, махровая календула. Гордый дельфиниум возвышается над всеми цветами, на «разбитом сердце» гирлянды алых «сердечек». Беседка густо увита «диким виноградом», сейчас он начинает цвести, и его пушистые кремовые кисти источают тонкий нежный аромат. Это, конечно, никакой не виноград, а скорее всего какой-то огурец, но я очень люблю это растение. Чуть сходит снег, появляются его всходы, и хоть это тыквенное, но оно не боится весенних заморозков, быстро обвивает своими побегами все, что придется, и тянется, тянется вверх. Я считаю его незаменимым для оформления беседок, всяких стен, из него можно даже создавать живые скульптуры. А всего на моем, цветнике 54 вида разных цветов, на будущий год будет 100 – я так решила. Я редко выезжаю со своего болота. Но куда бы я ни ехала (на машине) летом, я невольно ищу у домов, мимо которых мы проезжаем, цветники. Увы, не нахожу. Нет цветов ни в деревнях, ни в посёлке, ни в городе. Редко-редко увидишь клумбу, где больше сорняков, чем цветов. Возили мы летом поросят в соседний район, через 10 селений проехали, не увидела я ни одного цветника, хотя смотрела во все глаза.

Да и сами сельские постройки редко вызывают восхищение. Проезжаешь через деревни, сёла, посёлки, и в памяти остаются одни названия безликих населённых пунктов. Задумываешься:

построили хозяева добротный дом – труда, средств вложили уйму. Мебель купили дорогую, стены и полы коврами укрыли. Уют и красота в доме... А с улицы дом серый – никакой. И как награда усталому от однообразия взгляду ярким самоцветом среди безликих домов-булыжников блеснёт изредка чуть ли не дворец расписной. И точно знаешь, что живёт в этом доме умелец и художник, который может сделать жизнь красивой и щедро делится этой красотой с людьми.

В 1988 году по туристической путёвке путешествовали мы с Олегом по Закарпатью. Удивительный ландшафт, Карпатские горы, старинные замки... Всё это, конечно, запомнилось на всю жизнь. Но ещё запомнились дома. Сложенные из кирпича, в основном двухэтажные и, казалось бы, обреченные на одинаковость, они были не похожи друг на друга. Экскурсовод сказал: «Здесь строят по принципу: дом соседа не должен быть красивее моего». И мы ехали по закарпатским сёлам в пасмурный декабрьский день и не замечали слякоти, а видели яркую радугу орнаментов, которые как будто освещали жилища людей.

1 июля, суббота. Олег начал косить на 32-м секторе. Травой доволен. За день скосил гектаров 10. Мне кажется, что косьба – любимая работа из всех, какие ему приходится выполнять. Хотя он всё делает тщательно, и в отличном качестве его работы можно не сомневаться.

5 июля, среда. Сегодня встреча фермеров в Уржумском районе. С фермерами Савковыми на их «Оке» доехали до Уржума. Все-таки какая экономичная машина «Ока» – всего 5 литров бензина на 100 км, не то что наш «УАЗ» – до 20 расходует, а по нашему бездорожью и того больше. Однако его проходимость эту «прожорливость» оправдывает.

Собралось нашей фермерской братии в Уржуме человек 40. Длинный и, надо признаться, не очень до делу доклад прочитал глава района. Потом мы поехали в фермерское хозяйство «Надежда», которое возглавляет Александр Борисович Баранов. Когда мы уезжали в 8 часов из дома и пока ехали до Советска, светило солнце и вокруг было довольно сухо, но после Советска картина резко сменилась, мы как будто попали из лета в слякотную осень. Правда, дождя не было, но серый туман, и серое небо, и сырые поля

вдоль дороги... Даже в бороздах на картофельных полях стояла вода. Как природа несправедливо распределяет осадки: у нас с 20 июня не было дождей ни капельки, а здесь, на юге области, поливает, как сказал Баранов, каждый день.

Чувствовалось, что гордостью хозяина являются его поля зерновых. С них и началось ознакомление с хозяйством. Поля ржи, пшеницы, ячменя мне очень понравились. Чистые, густые и неполёгшие зерновые обещали дать отличный урожай. Потом кавалькада машин, в основном «Волги» (неплохо живут наши фермеры), направилась в обратную сторону, в центр хозяйства. По дороге заехали ознакомиться с животноводством «Надежды». Во двор смог попасть не каждый желающий: через грязь, слякоть в выходных туфлях многие не рискнули. Я всё-таки во дворе побывала. Обычное типовое помещение из кирпича с обычной механизацией. В разгар лета стояло там несколько коров (как мне объяснили, больных), телята от месяца до полугода. Коровы – на пастбище, тёлки и бычки – в загоне.

В этом же дворе – станки со свинками. Свиней очень немного – 8 свиноматок и один хряк. Нет ни ремонтного молодняка, ни откормочников, ни резвящихся малышей-сосунков. Только немолодые животные, от которых уже нечего ждать полноценного потомства. Потом мы пошли в деревню. По сторонам глядеть было некогда, приходилось смотреть под ноги, так как под ними была липкая жирная грязь и лужи. Лично я люблю ходить босиком, поэтому грязь меня не испугала, я просто-напросто сняла туфли. Хозяева познакомили нас со своей хлебопекарней. Хлеб они пекут отличный, и в Уржуме любят «барановский» хлеб и отдают ему предпочтение. Рабочие хлебопекарни показали нам и небольшой пресс для производства макарон. Баранов сказал: «Сейчас цены на муку повысились, и в наших условиях делать макароны стало невыгодно, подождём до лучших времён».

Потом всех нас, гостей, пригласили за богато накрытые столы. За тостами, шутками, за короткими выступлениями мы знакомились друг с другом, говорили о своих делах, достижениях, проблемах, делились впечатлениями о хозяйстве, в котором мы были гостями. Меня снова удивило, что большинство фермеров рав-

нодушно к животноводству и игнорирует его развитие в своих хозяйствах.

6 июля, четверг. Как хорошо дома, никуда не надо ехать. После вчерашней поездки в осень яркий тёплый летний день на моём болоте радует ещё больше. Сегодня Олег выехал косить молодой клевер. Чтобы косилка не захватывала торф, он из пластмассовой трубы сделал и прикрепил к её брусу лыжу, в результате срез стал выше. Мой Олег по своей натуре – рационализатор. Иногда у него рождаются идеи из-за нежелания вручную выполнять какую-нибудь работу. К нему подходит афоризм: «Лень – двигатель прогресса».

7 июля, пятница. Сегодня очень жарко. До обеда на мотоцикле съездили на дальние участки на картофель и пшеницу. Картофель выглядит хорошо, сорняков почти нет, и жука пока мало.

Пшеницу мы весною посеяли вместе с рожью озимой из расчёта, что рожь летом раскустится, а на следующий год даст урожай. Посмотрим. Такой способ посева мне подсказала практика. Давно, ещё когда я работала на Гороховском торфопредприятии, с Владимиром Васильевичем Истоминым мы обследовали посевы трав. Он обратил внимание на возвышающиеся кусты каких-то растений: «Что это у тебя там разрослось?» – «Рожь озимая, зёрна её случайно оказались в семенах тимофеевки, и видите, какая кустистость!». Мы подошли поближе. Владимир Васильевич с трудом вырвал куст колосившейся ржи, и мы насчитали сто пять генеративных побегов. Давно я хотела испытать совместный посев озимых с яровыми, а собралась только нынче.

8 июля, суббота. Отправила Олега обмолачивать семена канареечника. Первый раз он на уборке семян трав. Часа через два слышу: лязгает комбайн гусеницами – возвращается. Ну, думаю, что-то случилось, пустой, наверное, едет. Остановил Олег комбайн, заглянула я в бункер, а он почти полон. Правда, семена зелёные. Тонким слоем рассыпали ворох и вручную решетами просеяли его.

Семян получилось много, килограммов 400. Если учесть, что обмолачивал он выборочно и очень на небольшой площади, то в бункер попало не меньше 150 кг семян с гектара. Я считаю, что это очень даже неплохо. Через сутки зелёный цвет сменился на

типичный для семян канареечника – серебристо-серый. Стопроцентная всхожесть рассеяла мои сомнения. Наконец-то я открыла тайну семеноводства канареечника: его надо убирать, не дожидаясь полной спелости семян, не дожидаясь, пока семена начнут вытекать из колосков. Теперь я уверена, что мы будем собирать семян канареечника много.

11 июля, вторник. За два дня (вчера после обеда выехали и сегодня с 11 часов) Олег закатал 120 рулонов сена. Каждый рулон не меньше 400 кг. Ему помогает (работает с граблями ГВК-6) Олег 3. Здорово, за два неполных дня два человека заготовили полсотни тонн отличного сена.

Утром пришла из леса свиноматка с одиннадцатью поросятами. Ушла она 21 июня, значит, поросятам 18–20 дней. Малыши ровненькие, розовые. Взвесила нескольких поросят, около 6 кг в среднем вес поросенка. Значит, среднесуточный привес примерно 225 граммов. Когда свиноматки с поросятами у меня под контролем, я кормлю их вволю, одного обрата выпаиваю в сутки не менее 10 литров на свинку. А тут в лесу, на одной траве да торфе... И привес поросят, я считаю, неплохой.

12 июля, среда. Для младших поросят оборудовали загончик, куда я сыплю для них корм, наливаю обрат, не боясь, что взрослые всё съедят у малышей.

Дождей нет и нет. Водоём почти пересох, вся вода из него уходит для полива цветника. На нём вот-вот потухнут канделябры лилий, ярко полыхает эшшольция, горят маки, яркое бело-розовое покрывало акроклинума радует взгляд. Днём складывает в трубочки, а ночью открывает свои звёзды душистый табак. Всё выше по можжевельнику взбирается нежный душистый горошек, в полном цвету кларкия, скоро зацветёт мальва махровая, у дорожки расцвела статице татарская. В цвету бархатцы и махровая календула, виолы и однолетние флоксы. Не цвели ещё только гладиолусы и астры.

19 июля, среда. Олег косит на 35-м секторе. Проколол резину заднего колеса. Жара, жара, жара. Днём всё замирает. Растения опускают листочки. Вот уже вторую ночь топинамбур к утру не может воспрянуть, наверное, засохнет. Девочки на картофеле

стряхивают колорадского жука и личинок. Позавчера сгорел насос «Водолей», срочно пришлось покупать новый. В доме такая жара, даже ночью +30°. Только вентилятор спасает.

25 июля, вторник. Олег закончил сенокос. Сегодня последние 50 рулонов скатал на 34-м секторе. Всего получилось 350 рулонов, около 400 кг каждый. Это значит: заготовлено почти 140 тонн отличного зелёного сена. Можно бы еще косить на некоторых площадях, но они изрезаны промоинами: бобры запруд наставили по каналам, вот вода и течёт куда не надо.

27 июля, четверг. Утром – прекрасный долгожданный дождь. За полчаса вылилось мм 20. Олег привёз доски для обшивки дома. Обшить дом мне хотелось очень давно. А в этот год Олег поработал с лесом: первый раз мы использовали положенные фермерам ежегодные бесплатные 100 куб. м леса. Так что сейчас нам хватит досок и на обшивку дома и двора, перестелем также полы во дворах.

17 августа, четверг. Давно не записывала. Но это не от лени, а оттого что совсем не было свободного времени. За полмесяца мы провернули такую работу, которую можно бы растянуть на все лето. Умудрились обшить дом, сделать ремонт в доме и на веранде, да и вокруг дома много чего сделали хорошего.

Конечно, здорово ускорило дело то, что в начале месяца мне позвонили: 15-го августа к нам приедет губернатор Сергеенков Владимир Нилович. Дом мы начали обшивать, да и ремонтом я уже занималась. Тут же пришлось поторопиться – не принимать же столь высокого гости в ремонтной неразберихе.

Мой дом преобразился: обшитый непривычным для нас способом (Олег З. постарался) досками, которые мы сразу же покрыли специальным лаком, он как будто засветился. Резьба и наличники снова украшали его, краски обновились. Внутри тоже: всё, что нужно, было выкрашено, фотообои с берёзовой рощей во всю стену и обои с березовыми листьями и серёжками украсили квартиру, где я собиралась принимать Владимира Ниловича. Радовал цветник, который в такую засуху окружал мой дом пышным разноцветьем.

Гости добрались до нашего болота часа в два и пробыли у нас

до 6 вечера. Владимиру Ниловичу было интересно всё: и вольное содержание животных, и сами животные, и земледелие на выработанных торфяниках. Это мой конёк, и я еще до встречи с губернатором мечтала, чтобы он проникся проблемами использования земель, которых в области многие тысячи гектаров. Мне кажется, что я убедила его: лучше вести земледелие на богатых органикой, почти готовых к сельхозосвоению выработках, чем вкладывать огромные средства в зыбучие пески, на которых, кроме сосен, ничего не растёт.

О многом мне удалось рассказать губернатору при этой встрече, но ещё больше «осталось за кадром». Как бы хотелось, чтобы мой метод содержания животных, сам хуторской образ жизни нашёл последователей.

26 августа, суббота. Вот уже выпускаю коров и телят на свободную пастьбу. Открываю электроизгородь, и они идут пастись на отаву. Я, конечно, рискую, очень. Без пастуха, целый день доверяю животным самостоятельно распоряжаться выпасом. Проверяю их в день раза три. Уходят далеко, километра за три, но со своих площадей не уходят. Посмотрю, что будет дальше.

2 октября, понедельник. Вчера закончили отбирать семенной картофель. Помогли родственники Оксаны, жены Олега. В подпол занесли около 5 тонн клубней. В субботу после четырёх суток отсутствия пришла тёлочка Русалка, какая-то вялая. А коровы пасутся самостоятельно. Вечером домой идут неохотно, мне кажется: если за ними не прийти, то они и ночевать останутся на скошенных площадях среди рулонов. Коровы иногда кажутся мне инопланетянами, которые когда-то случайно попали на нашу землю, и человек жестоко поработил их. Он построил кирпичные благоустроенные фермы-тюрьмы, максимально приблизив их к своим жилищам, заковал гордых красивых животных в цепи, лишил их живительного солнечного света и свежего воздуха. И расплачивается за такую тюремную технологию содержания дороговизной её, стопроцентным обеспечением животных кормами, испорченным воздухом вблизи гигантских ферм и, в конечном итоге, потреблением полученной продукции, начинённой лекарствами.

10 октября, вторник. Опять массовые опоросы, и опять свиноматки уходят в лес. Оставлять сейчас свинок с малышами опасно, слишком много врагов: и волки, и ещё хуже – вороны. Эти огромные чёрные птицы в последнее время вконец обнаглели. С высоты своего полёта ворон обнаруживает гнездо, которое свиноматка тщательно готовит, усаживается на дерево и «принимает» опорос: утаскивает новорождённых поросят. Чего только не увидишь, становясь на какое-то время следопытом, выискивая в колючих дебрях беглянок.

Как радостно находить целых, непотревоженных мамашу и розовых малышей. И как трудно бывает переправить их из леса в родной двор. Свинки очень привязываются к гнезду, в котором опоросились, и были случаи, когда они через несколько дней от поросят убегали к нему. Тогда я снова (теперь уже проще) находила их и водворяла на место.

Уже который раз на ближних площадях вижу журавля с опущенным крылом. Иногда он с трудом расправляет огромные крылья и невысоко взлетает. Не сможет он улететь в далёкие тёплые края.

27 октября, пятница. Сегодня у нас с Олегом гости. Из Кирова приехали главный зоотехник области Лаптева Лидия Ивановна, генеральный директор агрофирмы «Дороничи» Зыкова Любовь Васильевна, председатель Вятской ассоциации фермеров Кутявина Клавдия Фёдоровна и главный зоотехник нашего района Глушкова Галина Александровна. Лидия Ивановна и Любовь Васильевна на моём болоте были первый раз и воочию убедились, как мирно уживаются у нас коровы с быками и телятами, поросятами и гусями. Мои животные понравились, а их свободное содержание вызвало невольное удивление и восхищение гостей. Ещё бы: я сама поражаюсь, как мои подопечные знают и любят свой дом и наши владения – ни разу не выходили за «границу». Любовь Васильевна от хозяйства «Дороничи» привезла нам в подарок трёхмесячного хрячка породы «дюрок». А Лидия Ивановна уберегла меня от большой ошибки, которую я чуть было не сделала.

Я увлеклась идеей разведения австралийских страусов. Эти

гигантские птицы, оказывается, спокойно переносят холодные зимы. К двухлетнему возрасту достигают 140 килограммов, мясо их не содержит холестерина, яйца весят до двух килограммов. Кожа используется для изготовления верхней одежды, перья – ценное украшение. И в пище неразборчивы – на родине в Австралии питаются грубой травой и колючками. Ну чем не объект для нового эксперимента? Созвонилась с фирмой в Москве, где выращивают и реализуют страусят. Дорогие страусята – 300 долларов за одного нужно заплатить. Не очень охотно, но мне разрешили взять кредит для приобретения десяти страусят. Лидия Ивановна Лаптева тоже заинтересовалась страусами, но, имея к информации больший доступ, чем я, выяснила, что в моих условиях страусы не смогут жить. Оказывается, эти гигантские птицы могут бегать (ходить они не умеют) только по очень плотной почве. В иных условиях у них начинается неизлечимая болезнь ног. А у нас вокруг – торфяник. Кроме того, страусы очень привязчивы и, уж если полюбят хозяина, то будут следовать за ним неотступно. Но в случае приступа агрессии одним движением ноги могут нанести смертельный удар. Разве можно мне при моём отшельническом образе жизни так рисковать из-за какой-то дурацкой прихоти? Бог с ними, с этими страусами: экзотики мне и без них хватает. Да, оказывается, не так уж они и неприхотливы в пище: им и яблоки, и гречиху, и другие деликатесы подавай. А ещё бы была проблема: инстинкт высиживания страусят страусы утратили, и для выведения молодняка нужен специальный инкубатор: прогрей-ка двухкилограммовое яйцо. Да если бы и получилось всё, то деликатесную и, конечно, очень дорогую продукцию при общем безденежье не продать. Невольно прикидываю: двухлетний бык весит 480 килограммов, чистого мяса в нем 240 килограммов. В моих условиях при вольном содержании этот двухгодовалый бычок за свою жизнь потребит 240 литров молока, литров 200 обрата, килограммов 200 (самое большее) концкормов. Остальные корма – сено и зелёная трава, которых у нас предостаточно. И уход за ним индивидуальный – до 2–3 месяцев. Дальше он живет в общем стаде-коммуне, и мне, хозяйке, остаётся только наблюдать, как маленькое ласковое существо

превращается в мощное красивое миролюбивое животное. Таковы у меня быки. Что уж говорить о коровах, которые прекрасно доят, умны и, как все признают, очень красивы. Так что нужно ценить то, что имеешь, а не гнаться за какими-то незнакомыми чужестранцами (имею в виду страусов).

В итоге этих несложных расчётов и размышлений я отказалась от кредита на приобретение страусят (к немалой радости моих родных и друзей).

5 декабря, вторник. Вчера приехала из Москвы. На целых четверо суток оставляла я своё хозяйство. Олег управлялся со всеми делами, плохо только, что мои коровы не признают никого, кроме меня, и за всё время моего отсутствия подоить их он смог всего три раза. В Москве я не была целых пять лет. Последний раз я ездила туда в 1995 году на юбилей к маминому брату – дяде Васе (большому). И вот уже год, как нет нашего дорогого дяди Васи.

В этот мой приезд с Людой, двоюродной сестрой, мы побывали в гостях у Людмилы Ивановны Касаткиной и Сергея Николаевича Колосова. Третий раз встречаюсь я со своими знаменитыми родственниками и не перестаю восхищаться нежными отношениями их друг к другу, их неувядающей молодостью, преданностью делу, которому они служат. И мне бы так хотелось походить на них хоть немножко.

СПЛОШНАЯ ЛИРИКА

11 февраля 2001 г., воскресенье. После оттепели ночью похолодало до – 10°. С утра и весь день яркое-яркое солнце. Розовая белизна, яркий снег. На берёзах – лохматый иней, и светит, светит он яркими переливающимися звёздами, которые как будто спустились с ночного неба и задержались на розовых берёзовых ветвях. Такие дни – редкость в феврале. Они ослепительны и напоминают, что скоро весна. Пусть ещё будут морозы, метели, но солнце с каждым днём всё выше над горизонтом и уже не только светит, но и греет. Коровы подставляют свои бока солнцу и стоят под ним, тёплые и счастливые.

У нескольких поросят на спинах обнаружила свежие ранки. Поняла: это делают сороки. Когда издалека видела, как нахаль-

ные птицы усаживаются на спины моих «чупиков», было смешно: казалось, что сороки греются на поросятах. А они, оказывается, ранят животных до крови. Еще один враг в нашей мирной общине.

10 апреля, вторник. Наконец-то затоковали тетерева. Поросята сегодня попали на цветник и капитально «поработали» на нём: столько многолетников вырыли. Срочно нужно восстанавливать электроизгородь вокруг дома. Олег сегодня съездил в Котельнич, купил нитроаммофоски.

12 апреля, четверг. День не очень яркий, но очень тёплый, все мои животные: и самые маленькие, и взрослые – наслаждаются теплом. Поросята уже успели загореть, и так приятно смотреть на них: то деловито роющих влажную дернину и чавкающих коренья, то блаженно растянувшихся на солнце.

Днём вокруг была такая тишина. Всё как будто замерло в каком-то ожидании. А вечером (уже стемнело) всё болото вдруг зазвучало. Ярче, громче всех были звуки: чу-у-вить, чу-у-вить. Казалось, что огромные стаи неизвестных птиц уселись на недалёком от меня 35-м секторе и заполнили весеннюю дышащую темноту визгливой музыкой.

Любопытство осилило меня, и по раскисшему торфу я пошла за магистраль, надеясь в густой темноте разглядеть ночных певцов. Никого я не увидела, только в короткие сапожки начерпала мокрого снега. А птичий крик-визг продолжал звучать вокруг меня. К этому довольно мелодичному визгу примешалось нечастое грубоватое кряканье уток. Магистральный канал ухает, с трудом проталкиваясь через трубу.

От знакомого охотника узнала, что такой необычный визг поздним вечером подняли обычные чибисы. Они, оказывается, как тетерева, устраивают свои «токовища», только ночью.

14 апреля, суббота. Поля наполовину освободились от снега. Вчера вечером в магистрали была самая высокая вода, сегодня она немножко спала. Утром видела двух журавлей – кружились над полями, наверное, выбирали место для гнезда. Сегодня весь день тепло, и я ходила в лёгком платье. А вечером подул холодный северный ветер. Поросята уже несколько ночей ночевали на

улице, а сегодня с вечера улеглись во дворе – чувствуют похолодание. Весь день мои животные исследовали проталины на пастбище. Только малыши-телята дружной стайкой держатся около рулонов сена. Пчёлы уже летят с обножкой.

22 апреля, воскресенье. Утром Олег ходил на охоту. Видел танцующих журавлей. Трое плотников из посёлка начали строить новый двор (это уже шестая секция: 6х6), достраиваем теплицу. Я продолжаю оформлять цветники, посадила гладиолусы. Под посадки тыквы Олег привёз перегной.

Днём тепло, солнечно, и такая тишина. А вечером как будто кто-то невидимый включил звук, и зазвучала чуть не на всю ночь живая, яркая музыка болота. Токуют тетерева, крякают утки, гогочут дикие гуси, визжат чибисы, изредка странно похожие на что-то звуки издаёт бекас, запел соловей.

27 апреля, пятница. Вчера на 11 яиц посадила гусыню. Сегодня весь день жара. Уже прилетели ласточки. Хлопотливо снуют, благоустраивая старые гнёзда, которые налеплены и во дворах, и на чердаке, и над окнами веранды. С утра лес был по-весеннему разноцветным, но берёзы ещё не зеленели, а к вечеру, как-то внезапно, окутались зелёным газовым покрывалом. Запахло юной берёзовой листвой. Изредка, бередя душу, кричат журавли.

2 июня, суббота. После утренних дел с Олегом на мотоцикле объехали все нынешние посевы зерновых, а также клевер посева прошлого года. И зерновые, и травы должны дать отличный урожай. Днём случайно включила телевизор. На экране песни времён войны в исполнении артиста, похожего внешностью и манерами на булгаковского Шарикова. Да ещё серьга в ухе. И вульгарный хриплый голос превращает нежные, задумчивые песни в почти блатные.

15 июня, пятница. Утром не могла созвать коров на дойку. В густом тумане (где они – не видно) пришлось идти в конец загона, километра за два. Там всё моё дружное стадо бок к боку мирно отдыхало. Даже жалко было их тревожить. Тем не менее, доить-то надо. Подняла коров, молодёжь оставила «смотреть утренние сны».

Сегодня мои «пунктиры» бегают с матерями последний день.

Завтра Олег увезёт их на рынок. И пусть оттуда он привезёт деньги (и немалые – поросята сейчас в цене) – мне грустно. Грустно, оттого что моих малышей, которые уже успели познать вкус свободной, здоровой жизни, запрут в тесные тёмные дворы-клетушки. И до конца короткой поросячьей жизни не увидят они солнышка, не поваляются в жирной грязи, не вымоются благодатным дождём, не наедятся вдоволь чистого хрустящего снега и с ранней весны до поздней осени не смогут помочь хозяевам прокормить себя.

24 июня, воскресенье. Утром, когда звала очередную корову на дойку, увидела, что совсем низко над нашим загоном у двора пролетают лебеди. Они негромко переговаривались друг с другом. Мои гуси вытянули шеи, подняли головы, хором загоготали и, расправив крылья, оторвались от земли. Невысоко, правда. Но было похоже, что в этот момент они позавидовали своим царственным родственникам и приняли их появление как приглашение к полету. Увы!

Несколько лет назад я наблюдала, как пятеро лебедей плавали в неглубоком водоёме вместе с четырьмя дикими гусями. Компания не позволила собой долго любоваться. Птицы расправили могучие крылья и, выстроившись в прямую линию, улетели. Пять лебедей и четыре гуся... А ещё я видела, как летели лебеди высоко-высоко. Их как-то по-особенному освещало солнце, и казалось, что по безоблачному небу летят серебристые реактивные самолёты. Редкие роскошные птицы в полёте – зрелище редкое и роскошное.

30 июля, понедельник. Вечером недосчиталась четырёх свинок. Скоро они должны были опороситься. Двоих из них трое суток держала во дворе, а они уловили момент и сбежали. Конечно, в лес. Древний кабаний инстинкт гонит их в дикие заросли. Вчера Олег обмолотил озимую рожь. Сегодня смолол из неё муку. Я, признаться, ржаную муку своим животным давала с опаской: знала, что в чистом виде на корм она противопоказана. Но выбора не было: концкорма закончились. Опасения были напрасными: и поросята, и коровы прекрасно ели ржаную муку.

Рожь эту я посеяла в начале мая в прошлом году в смеси с

яровыми (как подпокровную культуру). В августе зерносмесь (овёс с пшеницей) обмолотили, а рожь, прекрасно раскустившаяся летом прошлого года, в этом году дала неплохой урожай (около 15 центнеров с гектара). Это неплохо, если учесть, что прошлый год весною мы сеяли зерновые без удобрений и на площади около трёх гектаров было рассеяно всего 90 килограммов семян ржи.

Весною 2001 года на площади 30 гектаров Олег посеял рожь в смеси с овсом с нормой высева семян озимой ржи 30 килограммов на гектар. В середине августа овёс обмолотили, по 15 центнеров с гектара получилось. А посеянная весною «под покров яровых» рожь в следующем году обещает дать прекрасный урожай. Ещё бы: сеяли мы её с удобрениями и перед посевом семена её тщательно перемешивали с семенами зерносмеси.

На одном поле по соседству с зерновыми весною мы посадили картофель. Но 7 июля (!) на болоте был сильный заморозок, и картофель, который прекрасно рос и мы успели его два раза окучить, замёрз. Это в июле, вот какой у нас особенный климат. Конечно, этот заморозок сказался и на яровых. Центнеров 20 с гектара (самое малое) ждала я – получили меньше. Участок с замёрзшим картофелем Олег продисковал и в августе, в обычные сроки посева озимых, с обычной нормой высева (150 кг на гектар) с аммофосом посеял озимую рожь, конечно, в чистом виде. На будущий год в уборку будет с чем сравнивать мой «экономичный» способ посева с общепринятым.

Осенью я проверила посевы ржи. Весенний посев ушёл в зиму кустами ржи с 20–50 побегами с хорошо развитой корневой системой. Растения озимой ржи августовского посева отправились зимовать с 2–3 побегами с неглубокими нежными корнями.

15 августа, среда. Сегодня Олег намолотил пять бункеров зерна. Сломался шнек, придётся где-то искать. Очень жаль, что потеряем время. Хотя всё равно бы пришлось делать перерыв в уборке. Шоха загружена полностью – сейчас на ней 11 бункеров зерносмеси. Пока зерно не высохнет – молотить не будем. Мы сушим зерно, не используя топлива. Просто включаем электровентилятор, и в тёплый и сухой период дня мощный поток воздуха

освобождает зерно от лишней влаги. Через двое-трое суток (это зависит от толщины слоя зерна, а также от погоды) сухое зерно сгружаем с шохи, и наша сушилка готова к приёму новой партии зерна. Конечно, при таком использовании сушилки зерно убираем при его полной спелости и в сухую погоду. Погода, кстати в последние годы нас балует. Уборочная пора, как по заказу, выдаётся тёплой, и недождливой. Мне кажется, что в 80-е годы, когда на полях в уборку буксовали комбайны, вряд ли бы мы могли сушить зерно, не включая топки теплогенератора. А сейчас я бы посчитала расточительством при такой отличной погоде, при такой дороговизне солярки сушить зерно искусственно подогретым воздухом. Достаточно того, что этот воздух прогрет солнцем. Правда, площади под зерновыми у нас невелики, максимум 60–70 гектаров. Следовательно, и зерна не так уж много.

21 августа, вторник. Сегодня Олег привёз ко мне Тиму. Моему внуку скоро будет три года. Он этим гордится, говорит всем, что уже большой и что будет, как папа, работать на комбайне. Впрочем, он также обещает быть и трактористом, когда садится с Олегом в кабину ДТ или «Беларуси». А ещё он мечтает быть шофёром.

Олег завёл комбайн, заправил его соляркой и уже собрался уезжать. Сегодня он обмолотит последнее поле, и уборка будет закончена. Тима подошёл ко мне и тихонько сказал: «Хочу с папой». Олег воспротивился – не место ребёнку в кабине комбайна. Я взяла моего Тиму на руки и, не говоря ни слова, села с ним на откидное сиденье рядом с креслом комбайнера. Тима радостно прижался ко мне, а потом робко посмотрел на отца и спросил: «Папа, можно?». Мне кажется, у Олега дрогнуло сердце, он улыбнулся и сказал: «Можно, можно, – и мне: – с первым бункером уедете». Я была рада не меньше Тимы. Во-первых, маленький родной человечек прижимался ко мне и с ним было так хорошо, во-вторых, хотя уборка и заканчивалась, но нынче первый раз ехала я на неё, и ехала не как контролёр или начальник, а просто хотела вместе со своим младшим наследником увидеть наши густые и чистые от сорняков хлеба. Хотела глазами маленького Тимы видеть, как срезанные колосья заглатываются в чрево комбайна.

Когда мы доехали до поля и Олег включил комбайн в работу, Тима попросился к нему на колени и, оказавшись за штурвалом, неотрывно глядя на ожившую жатку, «помогал» Олегу убирать хлеб, мешая ему. После первого круга глазки его стали слипаться, я взяла Тиму на руки, Олег остановил «Енисей», и мы с внуком спустились на землю. А комбайн, лязгая гусеницами, продолжал работу, оставляя за собой пышный валок соломы. Подъехал трактор с телегой под зерно. Я подсадила Тиму, забралась в прицеп, и мы с ним подставили руки под золотую струю зерна. До дома мы ехали с Тимой, уютно утопая в зерне последнего дня уборки. Тима спал крепким сном хорошо поработавшего человека.

1 сентября, суббота. Сегодня день яркий, тёплый, солнечный. Мимо моего дома едут на мотоциклах и идут пешком за клюквой. Рановато бы ещё собирать эту ягоду. Хоть и краснобока она в начале сентября, но ещё твердовата и не полностью налилась. Читала я где-то, что в Белоруссии зовут клюкву журавлинкой и не собирают до тех пор, пока журавль ею не насытится. А ест он клюкву только после крепких осенних заморозков. Да не будет наш народ делиться этой ягодой с журавлями. Сам её, неспелую и твёрдую, соберёт, а позднее свезёт на рынок или сдаст за бесценок перекупщикам. И не осудишь людей эа жадность. Не она, а нужда заставляет их отправляться за экзотической ягодой пораньше, до срока.

Для многих семей нашего посёлка клюква, да чуть пораньше брусника, а еще раньше – черника служат чуть ли не единственными источниками «живых денег». Их на торфопредприятии рабочие годами не видят. Вот они и приурочивают отпуск к ягодному сезону, а некоторые на это время даже увольняются. Не очень-то держатся люди за работу, которая не может прокормить работника и его семью. Примерно так же, как торфодобытчики обращаются с землями, на которых работали, руководство топливной промышленности поступает с ними. Проще сказать, будущее людей, которые осушили болото и взяли с него торф, никого не интересует. Для «верхов» торфодобычи люди, видимо, тоже «отработанный» материал. Не скажу, что часто, но приез-

жают на моё болото гости. Смотрят на травы, зерновые, на моих свободных и красивых животных – удивляются, не скрывают восхищения. Что-то берут на заметку, что-то перенимают для себя. Мои гости – в основном аграрники.

А так хочется, чтобы в моих владениях побывали те, от кого зависит судьба тысяч гектаров брошенных выработок, кто стоит во главе агонизирующей торфяной промышленности. Они могли бы убедиться, что вложенный в когда-то непроходимые болота гигантский труд может обернуться не только тоннами малокалорийного топлива, но и цветущей нивой, которая прокормит многие поколения тех, кто возделывает её.

6 сентября, четверг. После утренних дел: дойки, кормления поросят и телят, уборки помещений, приготовления масла – до вечерних работ у меня уйма времени. Мои животные: и взрослые, и молодняк – сами по себе, и я сама по себе. Выбрала время и сходила за грибами. Очень недалеко. Не Бог весть какие грибы – подберёзовики да маслята, но именно они растут на 36-м секторе, где ещё не очень давно мы сеяли, а потом косили травы. Но из-за недостаточного осушения площадь начала вторично заболачиваться, и пошли расти на ней ивы, берёзки и сосенки.

Тимофеевка и клевер очень быстро исчезли из травостоя. На песчаных участках выросли мхи, на торфяных «пятачках» – осока и пушица, появились кочки. Для нашего дела эта площадь, за исключением подкараванной полосы, на которой оставлен значительный слой торфа, уже потеряна. Мы не будем её снова переделывать. Пусть на ней растёт лес и пусть в нем гнездятся птицы, растут грибы. Один раз я уже сделала ошибку: на этом секторе вообще не надо было делать рекультивацию и сеять травы – до песка был сработан торф. И, как вода в песок, ушли наши затраты на освоение этой рукотворной пустыни. Утешаю себя тем, что природа сумеет разумно распорядиться нашими затратами. На площадях, где хоть когда-то вносили удобрения, растёт прекрасный лес.

Совсем недалеко от дома, на этом же 36-м секторе, в кустах нашла череп большого кабана. Клыки, как бивни, сантиметров по десять. Это значит, что по соседству с моим вольным и в то

же время ручным стадом поросят ходят дикие кабаны. Этим летом на дальних посевах они изрядно помяли овёс. Ну да ладно. Хорошо, что хоть в работу наших хряков не вмешиваются.

31 октября, среда. Такой сегодня день: сплелось и плохое, и хорошее. Плохое: пришлось забивать нашего великана – хряка Рыжика. Ему было всего два с половиной года, можно бы ещё подержать – от него рождались прекрасные поросята. Но Рыжик повредил копыто и очень сильно хромал. Лечить ногу у такого гиганта с огромными и острыми, как ножи, клыками было страшно. Хотя наш великан и был довольно мирный, но кто знает, как бы он повел себя, когда ему причинишь боль. Веса в Рыжике, наверное, больше полутонны – был он не по годам мощный и… добрый. Потому и плакала я, решая его судьбу.

Хорошее: приехала к нам группа Кировского телевидения «Губерния». Журналист Мочалов Александр Леонидович, которого я знала по передачам «Губерния», сказал, что знаком с нашим «Журавликом» по телеочеркам Ольги Николаевны Лушниковой и давно хотел появиться у нас со своей телегруппой. Ну что ж, добро пожаловать. День выдался довольно серый, пробрызгивал мелкий дождик, а оператор Валера смотрел на моё хозяйство, на моих животных восхищёнными глазами и снимал, снимал. Мне казалось, что он только камеру мучает и зря плёнку портит: вряд ли при такой тусклой и сырой погоде получатся хорошие кадры. Однако Александр Леонидович и Валера убеждали меня, дилетанта в их деле, что современной телеаппаратуре такая погода даже на руку. Они оказались правы. Когда я потом, уже в середине декабря, смотрела по телевизору передачу о своем хозяйстве, видела себя на экране, мне с трудом верилось, что все эти кадры были отсняты чуть ли не в дождь. Зелёное было зелёным, синее – синим, жёлтое – жёлтым и т. д. Казалось, что телекамера подкрасила цвета, которые глубокой осенью яркостью не блистали.

Обычно я не люблю телепередачи о себе. (Их было немало. Неслучайно мои друзья шутя говорят, что видят меня только по телевизору). А вот эта мне понравилась. Правда, и в ней Александр Леонидович почему-то назвал мою жизнь на моём болоте подвигом. Зря. Никакой это не подвиг, это простая, обычная

жизнь. Это просто продолжение дела, которое я начала когда-то в молодости, и не хочу, чтобы оно угасло еще при моей жизни.

А понравилась эта передача потому, что вместе с журналистом без лишних эмоций с экрана телевизора мы сумели показать и рассказать, что можно сделать, если заниматься своим делом, как это интересно и просто. Ещё в этой передаче я сказала немало добрых слов о своих торфяниках, которые многие по незнанию называют обидными для них, а также и для меня словами: «бросовая земля», «мёртвая земля» и т. д.

И ещё: мы съездили на дальний, 37-й сектор, где я перед камерой убеждала телезрителей (и убеждалась сама), как выгодно отличается мой подпокровный способ посева озимой ржи (под покров яровых зерновых с нормой высева 30 кг/га) от общепринятого посева ржи в конце лета с нормой высева 150 кг/га. Для этого у меня налицо были участок с весенним посевом ржи (после уборки зерносмеси на зерно) и соседствующая с ним площадь, где рожь была посеяна в традиционные сроки. Я перед камерой с трудом вырвала растение (скорее мощный куст) озимой ржи весеннего посева. В нем было не меньше 60 побегов и очень мощная корневая система. А потом я выдернула (очень легко) растение ржи, посеянной 15 августа. Стеблей у этого кустика было всего 3, они были нежными, ярко-зелёными, и корни были тоже очень неглубокими. Я довольна, что благодаря телекамере могла прямо обратиться к своим коллегам: «Агрономы, смотрите». И, по-моему, без особых трудов, не растрачивая времени на лишнюю писанину, которая не всегда доходит по назначению, убедила специалистов, что простейший агроприём (совместный посев озимых и яровых) может дать немалый экономический эффект.

4 ноября, воскресенье. Вчера утром выпал снег. Всего один день полежал – ночью он стаял, и звенит капель, как в апреле.

18 ноября, воскресенье. Похоже, всерьёз и надолго пришла зима. Ночью было до – 19°, днём – солнечно, ярко и холодно. Вечером сейчас уже – 20°. Ну что ж, зима так зима. Погода, как судьба: с нею не поспоришь. Хорошо, что снег выпал и вот уже четыре дня лежит нетолстым пушистым покрывалом на мёрзлой земле. Сегодня вечером еле загнала коров и телят в пристрой.

Теперь он у нас ещё длиннее, в нём четыре больших секции, и животным не тесно. Пусть ночуют в тепле. Вообще-то пристрой к их услугам круглые сутки (там даже кормушки с сеном есть). «Вольному – воля»: хотят, в нём ночуют, хотят, на воле. Они предпочитают волю и обычно спят, прижавшись к рулонам сена. Поросята в холодное время с 4– 5 часов закрыты в тёплом дворе, и каждый располагается по своему усмотрению. Каждый нагребает под себя побольше чистой сухой соломы и спит в тесном соседстве с «коллегами» в тепле и уюте.

17 декабря, понедельник. Морозно. Больше недели ночная температура опускается ниже – 20°. Сегодня ночью было – 25°.

Коровы и телята старше года не идут ночевать в пристрой и спят у рулонов. Поросята ненадолго выбегают из двора и мчатся на канаву. Там они находят маленькие лунки с водой, пьют, а также на отвесных берегах канавы грызут мёрзлый торф и песок. Даже полумесячные малыши-поросята, когда выбегают на прогулку, ищут не укрытую снегом землю и «лакомятся» ею. Сегодня во двор с кормящими мамашами натаскала из теплицы мёрзлой земли и тоже отдала поросятам, выгребла из печки золу. Всё это для моих животных является «деликатесом». Практически эти «добавки» ничего не стоят, но они содержат минеральные вещества (в золе, земле, торфе). Сейчас мы содержим 30 крупных рогатых животных, из них 10 коров. К лету, я рассчитываю, поголовье рогатых увеличится минимум до 40. Поросят сейчас около 200, таким количеством и будем пока ограничиваться. Весною построим дополнительно ещё два двора (секции 6х8). С Олегом разработали проект автоматической кормушки для поросят на 200 голов. Здорово выручает, что поросята наши содержатся все вместе: и взрослые, и ремонтный молодняк, и отъёмыши. Они вместе спят, едят, ищут водопой, а если его не находят, то довольствуются снегом, вместе роются в разных «кормовых добавках». Такое братство и в благодатном тепле весны и лета, и в студёную зимнюю пору помогает моим «чупикам» быть здоровыми без антибиотиков и синтетических витаминов.

15 января, вторник, 2002 год. Скоро месяц отсчитает 2002 год. Чем запомнится нынешнее начало года, так это своими край-

ностями в погоде. В первые дни месяца мороз был до –32°, и вот уже пятые сутки оттепель до +2°. Однако вечером выяснило, поднялось давление, и температура резко снижается. Дни, когда на улице такая благодать, я не считаю зимними. Все мои животные, включая месячных поросят, в такие дни во дворе не задерживаются и предпочитают разгуливать на свободе. Впрочем, для таких прогулок и –10° не помеха. По-настоящему зимними я считаю дни, когда мороз за –20° и ветрено. Так что зима для нас – время непродолжительное и в общей сложности длится два-два с половиной месяца.

А у моих гусей ещё один враг объявился. Обнаружили мы его непросто. По утрам, когда я выпускала птиц из тесного закутка, в котором осенью ночевали малыши-телята, на их следах на снегу оставалась кровь. А незадолго перед этим у гусей побывала молодая овчарка Дэзи, и я думала, что это она ранила гусиков. Но после того, как один гусь погиб, внимательно осмотрев его, мы сделали вывод, что в кровоточащих ранах виновата не собака, а крошечный зверёк – ласка. Это белоснежное грациозное существо, по весу, наверное, раз в сто меньше, чем гусь, сосёт кровь из моих белокрылых. Живут ласки очень скрытно. Я лишь один раз видела этих маленьких хищников, которые резвились около рулонов сена. Недавно во дворе я нашла задушенную кошками ласку.

Сейчас дою всего шесть коров, пять в запуске. Ждана и Полянка после отёла очень скоро ходить на дойку не стали, и никакими усилиями загнать их было нельзя. В этом, конечно, немалый минус свободного содержания коров. Но зато коровы, которые сейчас доятся, в сутки дают около 20 килограммов молока каждая. Для зимы это совсем неплохо. Всё-таки свободный доступ к сену на надоях сказывается положительно.

Недавно пятимесячная тёлочка Дюймовочка припрыгала ко двору на трех ногах с закрытым переломом передней ноги. Где она так покалечилась – не знаю. Не очень-то надеясь на успех (однако что-то надо было делать), я лучинками и бинтом зафиксировала сломанные части кости. Позавчера сняла «шины». Кость срослась, и Дюймовочка даже не хромает.

Когда вечером я заканчиваю дойку и кормление младших поросят и подсосных свиноматок, подолгу смотрю на своих животных. С ними интересно: и насмеёшься, и наревёшься. И хотя реветь приходится нередко, всё равно я не принимаю фермерство без животноводства. Если заниматься только полеводством (как это делает большинство фермеров), очень легко можно обленится, да и разориться в одночасье тоже можно. Не говоря уже о том, что почти всё, что производится в полеводстве, является кормом для животных. А с ними работать хотя трудно (от слова «труд»), но просто и интересно.

27 февраля, среда. Начались весенние отёлы. Вчера отелилась Яра, прошлой ночью – Голубка и Марта. У Яры второй отел, Голубка и Марта – первотёлки. Им только-только исполнилось по два года. Яра и Голубка отелились самостоятельно, без нашей помощи. Так телятся почти все наши коровы. А вот с Мартой пришлось помучиться. Телёночек рождался крупный, а сама она, в отличие от Голубки, невеличка. По моему звонку из посёлка на «уазике» примчались Олег с Любой С. Однако нашей силы не хватило, у телёнка пережало пуповину, и вытащили мы его бездыханным. Всё ещё не веря в худшее, пытались делать искусственное дыхание – бесполезно, не оживили. Не очень часто, но подобные потери в нашем немаленьком хозяйстве бывают.

Недавно свои собаки заживо загрызли молодую супоросную свинку. До слёз жалко. Свинки у меня – товар штучный, все как на подбор, ладненькие, красивые. Немудрено. Я оставляю от лучших свиноматок лучших свинок. И делаю это ближе к весне или летом. И эти отборные свиночки вместе с матерями живут в общем стаде, сосут матерей, пока у тех не пропадает молоко. Это бывает, когда свинкам исполняется 4–5 месяцев. Из таких свиночек, которые воспользовались всеми благами свободной здоровой жизни, буквально впитали её в себя с молоком матерей, получаются прекрасные свиноматки. И потомство у них бывает здоровое и многочисленное. Вот такую свиночку, почти готовую свиноматку, и загрызли мои собаки. Немало бед от них, и без них никак нельзя. Много кругом хищников четвероногих, есть и другие.

13 марта, среда. После метельных, довольно тусклых дней с оттепелями наконец-то высокое мартовское солнце раскрасило мир. Голубая белизна снега слепит глаза. По ночам подмораживает, и начинавший уже таять снег грубеет. Наст держит даже человека, а собаки резвятся на нём не проваливаясь. И все ночи напролет на кого-то лают. Может, на лисиц, а может, и на волков.

6 марта с Олегом ездили на Лугоболотную опытную станцию. Привезли пятидневных бычка и тёлочку. Конечно, таких малышей там не продают всем желающим. Просто Владимир Михайлович – директор Лугоболотной опытной станции – сделал для меня исключение. Как-никак работаем мы с ними в одинаковых условиях: выращиваем животных и корма для них на дне бывшего болота. Вот только технологии содержания крупных рогатых у нас разные. На станции у высокопородных, высокопродуктивных животных – разнообразные, сбалансированные по питательности, макро- и микроэлементам корма, вода для питья, добротные дворы, заботливый уход, ветеринарное обслуживание и... цепи. Над моими – круглый год открытое небо, зимою у них вволю сена и снега, летом вволю травы и воды... и свобода.

Сравним, как поведут себя телята элитных животных в столь необычных для их родителей условиях и какова будет их продуктивность. Прошлый год тоже в начале марта отсюда же мы привезли семидневного бычка. Землячок (так я назвала нашего будущего быка-производителя) был намного крупнее своих сверстников – наших телят. У нас они рождаются весом по 20–25 кг, недельный же «иностранец» весил 47 килограммов. Никакой адаптации Землячок не проходил, в коллектив рогатой молодёжи влился сразу, и никаких проблем с ним не было. Сейчас это уже довольно крупный красивый бычок. Я сравнила его с годовалыми бычками на станции. Ну что ж, мой Земляк не меньше, а если и меньше, то ненамного.

Мои крупные рогатые ведут родословную из колхоза, где и тогда, когда я приобретала двухмесячных тёлочек, и сейчас удои очень низкие.

Эти тёлочки, став коровами, у нас надаивают в сутки по 15–20 литров молока, а летние удои в 25–30 литров меня ничуть не

удивляют. Посмотрим, как будет доить моя Принцесса – сегодняшняя тёлочка с Лугоболотной и какое потомство дадут Земляк со Стрижом. А пока они охотно пьют молоко из соски, едят сено вместе с тёлочками от наших коров – Ладой и Метелицей. Подрастает будущее нашего стада. Рекордные надои молока на Лугоболотной опытной станции, сравнительно высокие надои моих коров... Высокие урожаи сеяных трав на Лугоболотной, прекрасные сеяные сенокосы и пастбища у нас.

Не это ли лучшее доказательство того, что выработанные торфяники при участии человека превращаются в плодородную почву? Как жаль, что этого не хотят понимать те, кто превращает непроходимые болота в земную твердь, а потом отрекается от этой земли.

И если бы мне снова пришлось делать выбор между хозяйствованием на окультуренной минеральной пашне и свежевыработанном торфянике, я снова бы выбрала торфяник. Надеюсь, это сделают и другие. Я свой выбор сделала. Давно.

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ

30 мая 2002 года Из типографии забрала тираж книги «Записки фермера, или Лекарство от бедности».

3 июля 2002 года. В газете «Вятский край» появилась заметка Татьяны Вылегжаниной.

«Всё правда»

Это автобиографический очерк, в основу которого легли дневники автора. Свои записи, наблюдения она ведёт со студенческих времен и по сей день. Открывает книгу вступительное слово В. Н. Сергеенкова, который неоднократно бывал на хуторе «Журавлик» у Макаровой. Губернатор пишет: «Мы встречались несколько раз, и меня неизменно поражали светлый оптимизм этой женщины, её твёрдая воля и вера, в первую очередь в себя, в свои силы.

Поэтому, открывая эту книгу, настройтесь на то, что в ней всё правда».

Когда книга только-только вышла из печати, В. А. Макарова

тотчас подарила её нашей редакции с дарственной надписью: «Газете «Вятский край» с благодарностью и уважением». Это неслучайно. «ВК» неоднократно писал о фермерском хозяйстве «Журавлик» и его хозяйке. Вместо предисловия автор сочла нужным поместить в своей книге очерк о себе «И жизни новый круг», который был опубликован в «Вятском крае» 16 марта 1999 года.

Книга получилась нарядная, в толстых глянцевых корочках с множеством цветных фотографий. Издана, что следует отметить особо, на средства автора тиражом 2000 экземпляров. Пятую часть тиража дальновидно приобрёл комитет сельского хозяйства и продовольствия, а его председатель А. П. Логинов, поздравляя Макарову с рождением книжки, заметил, что теперь будет вручать особо разуверившимся пессимистам из числа руководителей хозяйств «лекарство от бедности».

Презентация

На презентации книги, которую фермеры – друзья Макаровой организовали вскладчину, бокалы с шампанским поднимали за великую труженицу – женщину, мать, бабушку, которая не только сумела организовать фермерское хозяйство на выработанных торфяниках, считай, что на бросовой земле, но еще и написать книгу, в которой тесно мыслям и чувствам, которая заставляет читателя и плакать, и смеяться, и многому учит.

Дар слова у нее есть, и жизнь, природу она воспринимает несколько иначе, чем те, кто живёт в городской или в сельской сутолоке будней. Она же на своем хуторе большую часть времени проводит одна, наедине со своими мыслями, чувствами, переживаниями. Ну не совсем, конечно, одна. С травами, цветами, животными, которых ласково кличет «чупики» мои. Кстати, о травах. Даже тот, кто в растениеводстве не разбирается, думаю, прочитав книгу Веры Александровны, влюбится в канареечник. Это любимая трава-мурава Макаровой. Неприхотлива, растёт в низинах, на заболоченной земле, а для выработанных торфяников и вовсе культура незаменимая. Травостой богатый, сено душистое, однако есть одно «но», из-за которого канареечник агрономы обходят своим вниманием. Очень сложно собрать его се-

мена. Но и эту «тайну» разгадала Вера Александровна, о чём тоже написала в своей книге. Как, впрочем, и о том, что с давних времён недолюбливает такую весьма урожайную траву, как редька масличная – культуру «партийную», которую в своё время колхозам насаждали партийные руководители. Десятки диссертаций по модной «партийной» культуре защищено, а вот не прижилась она на наших полях.

Кстати сказать, Вера Александровна при двух высших образованиях закончила в восьмидесятые годы заочно аспирантуру. И научный труд по выработанным торфяникам написала, но так и не поехала в Москву на защиту. Отложила раз, другой – всё некогда, а потом наступили иные времена. Хотела, было, не так давно представить свой труд – с добавлениями и изменениями – на суд на авторитетный учёной комиссии в сельхозакадемии. И защитилась бы непременно. Да вот друзья рассоветовали: «Ну зачем тебе это надо? Только время терять. Напиши лучше книгу». И она написала. Менее чем за год.

Некоторые диву даются: и когда успевает? Ведь поголовье скота у фермерши нешуточное – крупного рогатого 30 голов да еще свиней с «чупиками» до 200. Могла бы, говорит, и тысячу держать, да нет в этом необходимости. Трудозатраты в фермерском хозяйстве при макаровском методе содержания животных невелики, управляются вдвоем с сыном. Значит, и себестоимость продукции на порядок ниже, чем у большинства. Так что если воспользоваться теми знаниями, которые в доступной форме представлены автором читателям, то можно организовать свой труд на земле не абы как, а с умом и любовью, и при этом жить лучше, зажиточнее.

Именно об этом говорили фермер В. Н. Савков, фермер – предприниматель из Орловского района Н. П. Холманских, руководитель известного в области фермерского хозяйства из Кумён А. Р. Санович да и все остальные, кто захотел сказать своё слово о книге и её авторе. Глава Котельничского района В. А. Банников посвятил этому событию и самой виновнице торжества очень добрые, искренние собственные стихи.

«Опыт в помощь»

А вот председателю сельхозкооператива «Круглыжский» В. А. Краевой опыт Макаровой помог сохранить животноводческую отрасль. В тот период пару лет назад Валентина Александровна возглавляла в своем районе колхоз «Ацвежский». Старые помещения ферм стали падать среди зимы. По сельхозканонам, нужно было всё поголовье, которое содержалось в непригодных для эксплуатации помещениях, пустить под нож, то есть, по сути дела, ликвидировать в колхозе животноводство. От краха спас опыт Макаровой. Вместе со своими специалистами В. А. Краева побывала на хуторе «Журавлик» и убедилась, что в содержании животных под открытым небом на свободном выгуле, когда они сыты, нет ничего страшного.

Совсем недавно опытом Макаровой воспользовалась одна семья из Яранского района. Об этом рассказал присутствующий на презентации вместе с женой директор Западного предприятия электросетей В. В. Суворов. Так случилось, что у их близкой родственницы Надежды случился отчаянный момент в жизни, когда надо учить детей и не на что. Зарплата мужа в колхозе 150 рублей в месяц, жена по специальности фельдшер и денег тоже месяцами не видит. Хозяйство Макаровой Суворовы увидели в передаче «Губерния» КГТРК «Вятка».

«Так вот же выход для нашей Надежды!» – воскликнул Владимир Витальевич. И, сговорив родственников из Яранска, с разрешения Веры Александровны, приехали к ней за опытом.

Прошло полгода, и вот на презентации книжки фермерши Владимир Витальевич доложил, что их Надежде макаровское «лекарство от бедности» помогло. Семья встает на ноги, приобретенные в фермерском хозяйстве «чупики» уже выросли и вот-вот дадут первое потомство.

Стоит, наверное, сказать и о том, что презентацию книги снимала телегруппа французского телевидения. И не просто снимала. Тележурналисты из Франции стали участниками этой встречи, а режиссёр Эммануэль Каррэр не выдержал, попросил слово и с большим восхищением говорил, с какой удивительной русской женщиной он познакомился и что они обязательно восполь-

зуются её приглашением и приедут в гости. Еще Эммануэль сказал, что он больше писатель, чем режиссёр, поэтому они как бы даже коллеги с Макаровой.

Конечно, о книге и её авторе можно говорить много, но лучше познакомиться с ней самой и её творческой работой.

Татьяна Вылегжанина.

Газета «Вятский край», 3 июля 2002 г.

10 августа 2002 года

Как же долго мучались мы без постоянного источника жизни – воды, перебиваясь пересыхающими к середине лета водоёмчиками, проводили воду с магистрального канала, пользовались снегом, дождевыми водами с крыш.

И как просто всё разрешилось. У нас теперь есть вода!

Из Москвы ко мне приехала на несколько дней двоюродная сестра Люда. Естественно, собрались родные. Приехал и брат Володя. И всего за три дня Олег, Володя и рабочий Витя в неглубоком водоеме с помощью бульдозера вертикально установили пятиметровую бетонную трубу. Витя спустился в гидрокостюме внутрь трубы. Постепенно отчерпалась земляная жижа, труба опускалась все глубже. Есть колодец! Есть вода!

Это лето выдалось на редкость засушливым.

Все мои водоёмчики пересохли, всё живое на моём хуторе просило пить, особенно цветы. Наконец-то водная проблема была решена.

Весною на четырёх гектарах Олег посеял гречиху. Мне интересно было испытать новую для нас культуру. Семена зимою привезли в обмен на поросят. Гречиха вымахала высоченная, бело-розово роскошно цвела, привлекая со всей округи шмелей, уже завязала крупные мучнистые семена-коробочки и обещала прекрасный урожай.

Увы! Сегодняшний ночной заморозок убил нежную красавицу. Съежились, побурели листья, надломились, поникли цветы… Этот заморозок побил также стручки гороха, ячмень. Чуть не каждый год случается на моем болоте эта беда – ранние летние заморозки. Из-за них мы теперь не сажаем картофель.

Видимо, придётся отказаться и от посева зерновых. Щуплое, морозобойное зерно получается из-за этого явления природы – внезапного резкого похолодания на болоте. Как-никак находимся мы на 2 метра ниже окружающих нас земель. А холодный воздух, он всегда скапливается в низине.

25 апреля 2003 года

Из Кирова позвонил давний знакомый Валерий Черепанов, генеральный директор объединения «Кировкнига»: «Ты почему в понедельник не была в «Герценке»? «Зачем?» – спрашиваю. «Разве тебе не сообщили, что на выставке «Вятская книга-2002» твоя книга получила Диплом читательских симпатий и ты должна бы быть на его вручении?» – «Но мне никто не звонил, я бы обязательно приехала». Я была обрадована и одновременно до слёз обижена. Такого праздника лишила меня директор районной библиотеки, которой было поручено обеспечить мою явку на областную книжную выставку.

И вот сегодня из рук председателя жюри выставки «Вятская книга-2002» я получила диплом за свою книгу.

На мой вопрос почему именно моим «Запискам» присудили Диплом читательских симпатий, Елена Васильевна ответила, что библиотекари отметили высокую востребованность книги. Да что там говорить: лучше бы выслушать мне эти слова от самих библиотекарей и читателей, которые собирались тогда на празднике книги.

22 сентября 2003 года

Ездила в Котельнич. На почте отправила бандероль.

Адрес: «Москва, Кремль, Путиной Людмиле Александровне». В бандероли – книжки «Записки фермера, или Лекарство от бедности» и письмо о тяжёлой участи отечественного сельского хозяйства. Я наивно полагала, что через Людмилу Александровну книга и письмо попадут к Владимиру Владимировичу Путину. Вот отрывки из этого письма: «Российское сельское хозяйство в настоящий период переживает кризис. Жизнь ставит его в такие условия, что решается вопрос: быть отечественному сельскому хозяйству или не быть? У всех на слуху: изношена техника, вы-

соки налоги, дороги энергоносители, низки цены на нашу продукцию. Всё это так. Однако (а об этом почему-то молчат и СМИ, и депутаты в Госдуме, и правительство) самые большие беды нашего сельского товаропроизводителя в том, что его продукция не востребована в России. Да, наши мясо и молоко, которые мы с трудом, вопреки вышеперечисленному производим, нашему государству не нужны.

Иначе как объяснить то, что склады российских мясокомбинатов забиты залежалым импортным мясом, начинённым химией. Откуда же будет здоровым наше население?

Видимо, нашему правительству выгодно кормить горстку чиновников, организующих поставку на наш рынок чужих продуктов, заставляя своих кормильцев медленно, но с каждым годом всё быстрее, умирать. Всякие партии, особенно перед выборами, кричат: «Поможем селу». На самом деле, это село помогает перекупщикам, переработчикам и торговле становиться «денежными мешками» за счёт мизерных цен, по которым у нас скупается наш труд, и который, попав на прилавки рынков, магазинов, нашим же людям продается втридорога… И опускаются руки, оттого что наш труд не нужен нашей стране.

Труд на земле – самый главный труд – становится настолько непрестижным, что село давно не подпитывается молодыми кадрами, и скоро работать будет не только не на чем – техника изношена, но и некому. А это куда серьёзнее.

Наше российское сельское хозяйство надо спасать немедленно. Скоро будет поздно. Самое главное, что оно, вопреки всему, что творит с ним родное государство, еще пока живо и может обеспечить россиян отечественными продуктами питания.

Даже неспециалисту сельского хозяйства ясно, что заграница поставляет в Россию пищевые продукты по сравнительно невысоким ценам потому, что знает: здесь велик потенциал производства отечественного продовольствия. И ждёт не дождётся, когда он иссякнет. Вот тогда-то наши дети и внуки будут вынуждены по бешеным ценам покупать низкосортные заграничные продукты. И где наша вечная русская гордость? К тому же чуть не половина россиян, которые пока числятся в кормильцах, превратится в нахлебников…

Отечественное сельское хозяйство можно спасти, именно спасти, если власти перестанут считать его «чёрной дырой». Ведь удивительно не то, что в создавшихся условиях оно гибнет. Удивительно, что оно ещё живо.

Для его спасения не надо ничего надуманного, сверхъестественного. Нужно, чтобы были приняты законы, обеспечивающие продовольственную безопасность России и помогающие работать российскому производителю, а не обеспечивающие сытую жизнь заокеанских фермеров…

Я думаю, что у нашей нынешней власти хватит желания и сил, чтобы наконец-то сельский труженик почувствовал свежий ветер перемен…

Глава крестьянского хозяйства
«Журавлик» В. Макарова

Из администрации Президента РФ в мой адрес пришло письмо:

«Уважаемая Вера Александровна!

Искренне благодарим Вас за письмо, адресованное супруге Президента России Л. А. Путиной, и направленные Вами книги.

Проблемы сельского хозяйства, о которых Вы с такой болью и ответственностью рассказываете в своём письме, действительно сегодня не освещаются в полной мере. Труд людей, работающих на земле, выращивающих скот и обеспечивающих продуктами население, нелегок, но благороден. Отечественный производитель сельскохозяйственной продукции должен быть в почете и поддерживаем органами власти. В этой связи нам было очень приятно прочитать предисловие к Вашей книге, написанное губернатором Кировской области. Мы уверены, что отечественный потребитель любым иностранным продуктам предпочитает нашу родную продукцию.

Желаем Вам всего наилучшего и успехов в Ваших делах.

С уважением Н. Серякова».

Ну что ж, вполне вежливая отписка. Спасибо, что хоть не по существу вопроса, но ответили. Похоже, ни книга, ни письмо к адресату не попали. Наверное, нашему президенту достаточно информации «о благоприятных переменах в сельском хозяйстве», которой его обеспечивает министр сельского хозяйства А. В. Гордеев.

Известный писатель-деревенщик Юрий Черненков газете «Московские новости» за 18 марта 2004 года в статье «Гордеев узел» в адрес главного агрария России пишет: «Не беда, что Путин не знает сельского хозяйства. Беда, что ему некому вписать три ясных и здравых строчки о состоянии села». Ежегодно растет зависимость России от зарубежных поставок продовольствия. В 2003 году за рубежом закуплено более четырёх миллионов тонн мяса КРС, свиней, птицы на сумму 4 миллиарда 183 миллиона долларов. Россия продолжает спонсировать аграриев США и Евросоюза. По данным Интернета, в 2002–2003 годах за границу продано около 20 миллионов тонн зерна. В Северную Корею бесплатно в 2003 году отправлено 30 000 тонн. Продажа зерна за рубеж будет продолжаться. Там поняли вкус русского хлеба и уже оборудовали свои порты для его приёмки. Продав «излишки» собственного зерна, Россия вынуждена закупать его в Казахстане.

Излишков зерна у нас, конечно, нет, да и никогда не было.

В институте нас учили, что потребность в зерне удовлетворена тогда, когда на душу населения его приходится по одной тонне (с учётом потребностей животноводства). У нас же в стране и по полтонны на человека нет да минус ещё «излишки», которые продаём по самым низким ценам. Я прикинула: если бы проданные за рубеж в 2002–2003 годах 20 миллионов тонн зерна пропустить через российское животноводство, можно было бы получить около трёх миллионов тонн первоклассной свинины или ещё больше мяса КРС или птицы. Повернуться бы лицом к своим производителям продовольствия, глядишь, не пришлось бы из-за моря везти чуть ли не синтетические продукты питания.

В феврале 2004 года в Москве состоялся XV съезд АККОР, делегатом которого я была. На нём с высокой трибуны было сказано: «Животноводство – отрасль убыточная. Прибыль даёт производство зерна, картофеля, другой растениеводческой продукции». И ещё было сказано, что ни при каких обстоятельствах Россия не сможет обойтись без импортного продовольствия. Такие «важные выводы» сделал Г. В. Кулик.

Наверное, эти слова были бальзамом для большинства делегатов-фермеров, которые игнорируют разведение сельхозживот-

ных. Конечно, легче и проще работать два-три месяца в году, а остальное время жаловаться, что их продукция (зерно) дешёва. Кто же мешает «пропустить» это дешёвое зерно через животных? Дожаловались. Наше Министерство сельского хозяйства вняло «просьбам трудящихся» и «отрегулировало» цены на зерно.

Теперь фуражное зерно с трудом купишь за 5–7 рублей за килограмм. Из-за отсутствия продовольственного зерна стоят многие мукомольные заводы. Какова же будет цена семенного зерна к посевной? И какова же при таких ценах будет себестоимость мяса и молока?

Скорее всего, российское животноводство будет «урезано», хотя больше «урезать» уже некуда. За 2003 год поголовье коров в Нижегородской области сократилось на 66, в Кировской – на 14 тысяч, в нашем Котельничском районе – на 670 голов.

В Нидерландах, площадь которой в 3 раза меньше нашей Кировской области, содержится 1,4 миллиона высокоудойных коров, а во всей огромной России удойное стадо – 11 миллионов коров. Неудивительно, что маленькая Голландия ежегодно экспортирует продукции сельского хозяйства более чем на 30 миллиардов евро. Огромная же Россия ввозит из-за рубежа продукты на многие миллиарды долларов. Вот такой получается гордиев (или Гордеев) узел.

ПО МЕДВЕЖЬИМ СЛЕДАМ

18 ноября 2004 года

Во второй половине дня хватилась Полянки. Срок отёла у неё был 22-го, и поэтому я не отогнала её от стада. Пока было светло, по свежевыпавшему снегу искала следы, не нашла. Значит, ушла она в лес до снега. Ночью метель разыгралась – снегу намело по колено. Правда, не очень холодно: –5°. Еле ночь скоротала. Раньше обычного, в 5 часов, пошла доить коров. Первой в очереди на дойку стояла Полянка. Быстренько подоила её, и с фонариком пошла за коровой, уверенная, что она выведет меня к телёнку – к живому или…

Полянка уверенно шла по заметённому полю, я с фонариком –

следом, проваливаясь где в снег, где в воду, зачерпывая её в сапоги. Корова долго вела меня, потом резко повернулась и зашагала обратно ко двору. Мне ничего не оставалась, как идти продолжать дойку. Метель уже успела замести наши следы, и я, злясь на Полянку, заледеневшая и продрогшая, добралась до двора. Коровы терпеливо ждали меня. Я сходила домой, переобулась и пошла продолжать дойку. Закончила доить последнюю корову. Начало светать. Метель не стихала, а Полянки не было у двора, и следов, куда ушла, тоже не видно. Пошла в том же направлении, куда водила меня корова в темноте. Было уже довольно светло, но ветер лепил мокрый снег прямо в глаза, и я снова проваливалась в лужи под снегом, и снова в сапогах хлюпала вода. И наконец увидела её. Белая, в облепленных снегом кустах, Полянка стояла, наклонив голову. Я легко могла бы не заметить её. С внутренним трепетом подошла к корове. Перед Полянкой был холмик снега, из которого торчали чёрные ушки. Я тронула сугробик рукой, и он рассыпался на куски, превратившись в телёночка, который как будто ждал, когда с него скинут тяжёлое снежное одеяло. Он шустро вскочил на ножки. Тёлочка, ещё влажная, попробуй, просохни под сугробом. Снежана, сразу назвала я нового жителя «моей планеты», пошла следом за Полянкой. А та, постоянно оглядываясь на свое чадо, шла ко двору. И пусть метель продолжалась, и пусть мои сапоги были полны мокрого снега, но это путешествие к дому с коровой и пятым в осеннем сезоне новорождённым телёночком, который чудом остался жив и, кажется, здоров, для меня было радостным.

21 августа 2005 года

Ночью на моём хуторе случился настоящий переполох. Залаяли, завыли собаки. Вскочила, глянула в окно. Темнота, но уличный светильник над двором высветил сгрудившихся и навостривших уши поросят. В тот раз они улеглись вечером спать в пристрое, но, чем-то встревоженные, мгновенно выскочили из него. То же самое и с коровами. Обычно ночью они лежат на траве в загоне за электроизгородью и спокойно жуют жвачку, а тут все столпились и смотрят в одну сторону, а быки землю копытами роют и рычат. Что-то неладное…

Выбежала я в чём была из дома, засвистела, как умела.

И, чтоб как-то испугать невидимого врага, на всю громкость включила радиоприёмник, который висел в беседке.

Скоро всё стихло. Собаки успокоились, поросята ушли досыпать, коровы и телята тоже улеглись.

Утром на «уазике» приехал Олег. «Мам, у вас тут ночью гостей не было?» – спрашивает. «А что? Чьи-то следы видел?» – я надеюсь узнать, кто же напугал моих животных. «Да уж видел, такие лапищи медведь отпечатал, после вчерашнего дождя видно отлично – по дороге топал, только на траву вышел, и следы потерялись», – Олег озабочен, все ли наши питомцы живы, не во дворах ведь заперты, живут на воле. «Пошли-ка, поищем следочки, теперь мне ясно, кто наш сон потревожил. Страшно как, не дай бог, повадится», – мы с сыном пошли смотреть, где шёл косолапый. Не пришлось долго искать. Подошли ко двору, на торфе ничего не разглядели. Пошли дальше. У сушилки небольшой водоём, и на влажном песке – огромные вдавленные «следочки», похожие на след широкой босой человеческой ноги самого большого размера. Следы уходили в лес и терялись, да и искать их было некогда ни мне, ни Олегу.

В тот день слышу: лают собаки в сторону подстанции. Вижу, что осматривает подстанцию незнакомый человек в каске. Ясно: электрик с РЭСа. Подошла и узнала – проверка подстанции и электролинии, плановая. По болоту пробирался специалист от столба к столбу. «Всё в порядке у вас, надо только кое-где подросшие деревья под ЛЭП вырубить. Через день отключим у вас электричество, сделаем», – электрик дал мне расписаться в журнале и был готов в обратный путь по болоту к трассе, где его ждала машина. «Ты случайно не видел медвежьих следов по пути?» – спрашиваю. «Нет, да я и не глядел особо-то, – отвечает. «А хочешь посмотреть?» – « Конечно, никогда не видал». Повела я его уже не по таким чётким, как утром, следочкам. По лесу кое-где проглядывали пяточки зверя. Вдруг видим: ягоды краснеют на торфяной тропе. Да не просто ягоды, а узкая длинная полоса из них, метров 5–6 в длину. Как будто кто специально их из ведёрка по земле растряс. «Кто же их рассыпал? – спрашивает электрик. – А,

понял: корзина прохудилась, вот и потерял кто-то ягоды». «Да не брусничные тут места, и ягодники тут не ходят. А ты посмотри, какая брусника сморщенная, да и как будто чем-то политая», – смотрю на него, думаю, догадается или нет. Не догадался. Высказала свои соображения: «Медведь проходил мимо двора. Удивительно, на животных наших не напал, хотя чего бы проще было. Когда я на всю громкость включила радио, случилась с ним «медвежья болезнь». Электрик понял, засмеялся. «Посмотри, – говорю, – в помёте только ягоды, шерсти съеденных животных нет. О чём это говорит?» – «Не знаю». «А я знаю, что медведь этот, спасибо ему, вегетарианец. На ягоде жир на зиму нагуливает. А ты смотри, осторожнее будь. Видишь, по болоту какие громадины шастают, судя по следам. С таким, хоть и «вегетарианцем», лучше не встречаться», – я боялась за электрика. «А что, кто-нибудь из посёлка живого медведя видел?» – полюбопытствовал парень.

«Рассказывал мне один тракторист: пошли они с женой в лес за малиной. На бывшем горелом месте малинник в рост человека вымахал. Ягоды крупные, душистые, много их, чуть не сами в корзинку падают – спелые очень. Собирают их, молчат. Друг от друга неблизко держатся, накануне немножко поссорились. Слышит Андрей (тракторист этот, он ещё тогда молодой был), трещат недалеко ветки, громко так. Ну, ты, говорит, Нюр, как медведь, ломишься. Поднял голову и видит: недалеко от него в самом деле медведь малину с куста ест, кусты малинника трещат под его лапами. Заорал Андрей, корзину бросил, в малиннике с испугу запутался, упал. С жизнью в мыслях уже попрощался. О Нюрке подумал, где она. Вскочил, оглянулся, а медведь… от него в малинник ломится, сам испугался, когда Андрей заорал. А Нюра как ни в чём не бывало ягоды брала неподалёку. Только когда муж закричал, испугалась. Схватил Андрюха её за руку да бегом из леса. И ягоды не нужны стали, до сих пор радуются, что живы тогда остались. Так что, когда пойдёшь по болоту, смотри в оба». Электрик ушёл, предварительно выломав сук. Я же пошла обратно по медвежьим «лапочкам» и вспомнила свою, довольно близкую встречу с огромной медведицей. Давно это было. За-

канчивала я тогда биофак пединститута (заочно). Повезли нас на экскурсию в зверохозяйство института пушнины. Целый зверинец тогда был у них: и волки в вольере, и бобры, и ондатры, и песцы, и разные лисы, шиншиллы, норки, куницы… Не было раньше только медведя. И в тот день, когда состоялась наша экскурсия, откуда-то привезли медведицу. Довольно тесная клетка с огромным зверем внутри стояла у проходной.

Мы вышли из автобуса и оказались перед косолапой пленницей. После долгой дороги и разгрузки медведица казалась сердитой. Она недружелюбно смотрела на нас своими маленькими глазками и даже негромко рычала. Мне захотелось успокоить животное в клетке. Почему-то в моей сумочке оказались сдобные булочки с повидлом. Да я же их специально купила, знала, куда нас везут.

И вот я стала кормить медведицу булочками. Я забыла, что кормлю хищного зверя. Медведица булочку за булочкой брала из моих рук. Когда сдоба закончилась, я машинально протянула руку, чтобы погладить «лобик» огромного «плюшевого» зверя, и едва успела отдёрнуть её от клацнувших зубов. Однокурсники всё время, когда я кормила медведя, стояли рядом и как зачарованные смотрели на нас, когда же медведица чуть не оттяпала мне руку, взвизгнули и отдёрнули меня от клетки. Ну, надо же быть такой дурой, чтобы пытаться гладить дикого зверя, как какого-то котёнка.

18 сентября 2005 года

Ох, уж эта Полянка.… Опять её нет. Куда-то ушла телиться. Обследовала окрестный лес, да разве найдёшь на таком пространстве. Придётся ждать, когда сама придёт. К вечеру на второй день появилась, но без телёнка. Подоила я её и в надежде, что выведет меня куда надо, пошла за ней. Водила она меня по лесу, водила. Потом встала и стоит как вкопанная, на меня смотрит. Поняла я её: телёнка своего от меня прячет и показывать не собирается. Отошла от неё за дерево, в кусты спряталась, думаю, меня из вида потеряет, к детёнышу своему пойдёт. Стою за укрытием, на Полянку поглядываю. Она как стояла, так и стоит, в одну сторону смотрит. Мне уже надоело в засаде сидеть. Вдруг сзади кто-то

как ударит меня в спину… Больно. Оглядываюсь: телёнок, которого я искала, предо мной делает разбег, чтоб ударить ещё раз. И больно, и смешно, и немножечко обидно. Я- то за него боялась, искала по кустам-буеракам, а он меня же обижает. Умора, такой маленький, а за себя постоять умеет. А Полянка видит, что прятать сыночка нечего, сам проявился, подошла к нам и давай лизать его. А у него приступ агрессии прошёл, тычется ей в вымя. Выгнала Полянку с Зубрёнком (так назвала драчуна) из леса, и без всяких приключений мы добрались до дома.

26 сентября 2005 года

Сегодня приехала из Москвы. Я была приглашена с докладом на международное совещание «Проблемы рационального природопользования на торфяных болотах России». Организаторами совещания были Международное общество по торфу, Международная группа по сохранению болот. Участники совещания – учёные, специалисты по болотам из разных стран: России, Великобритании, Нидерландов, Швеции, Австрии, Германии, Таиланда и других. Пленарное заседание проходило в Министерстве природных ресурсов.

После пленарного заседания на автобусе мы поехали в Тверскую область на базу отдыха, где совещание должно продолжить работу. Наш «Икарус», возвышаясь над иномарками, двигался по Москве со скоростью неторопливого пешехода. В автобусе от выхлопа машин было трудно дышать. Как москвичи дышат таким загазованным воздухом? Впрочем, каждый живёт в том мире, который выбрал. Мы от министерства отъехали в 6 часов вечера, на базу приехали далеко за полночь. 130 километров за 7 часов...

Программа совещания была насыщенной. Более 25 научных докладов, четкая организация. Болота занимают площадь свыше 4 миллионов квадратных километров, или 3% суши. Они есть на всех континентах – от тропиков до полярных районов, на высотах над уровнем моря и ниже его, до высокогорий, на их долю приходится 10% запасов пресной воды. Россия обладает половиной мировых запасов торфа. С начала девятнадцатого столетия площадь торфяных болот в мире сократилась на 20%, в основ-

ном в результате осушения. В Европе торфяные болота используются в сельском хозяйстве уже несколько веков. Площадь сельхозугодий на осушенных торфяниках здесь составляет свыше 125 тысяч квадратных километров.

В некоторых странах, в том числе и в России, ведётся добыча торфа на топливо. Общая площадь торфяников, которая разрабатывается для использования на топливо и для производства торфяных грунтов, в мире составляет 2000 квадратных километров. Мнения учёных, выступивших на совещании, по поводу дальнейшего использования выработанных торфяников разделились. Большинство придерживалось вторичного заболачивания этих земель, возвращения им статуса «болото». А то, что это трудоемко, затратно и не всегда выполнимо, никого не интересовало. Как не интересовало и то, что эти нерукотворные земли практически готовы при невысоких затратах стать сельхозугодьями. Они готовы обеспечить жизнь тех, кто из непроходимых болот создал земную твердь, тех, кто поселился здесь не на 30–40 лет, а на всю свою жизнь и своих внуков, создав капитальные, благоустроенные посёлки. Короче, в посёлке торфодобытчиков должна продолжаться жизнь и после окончания торфодобычи. Ни одного слова об этом не было сказано. В рамках совещания была организована экскурсия на выработанное торфяное болото. Добыча торфа здесь велась с 1928 по 1988 год. Способы добычи разные: и машинно-формовочный, и гидравлический, и фрезерный.

После добычи торфа гидроспособом остались карьеры, наполненные водой. Они имеют правильную прямоугольную форму шириной 30–60 метров, длиной 100–200 метров. Глубина от 1 до 2 метров. Посреди этих водоёмов плавающие острова. На них сосны причудливой формы, другие растения. А вокруг этих котлованов довольно ровные участки с очень разнообразной растительностью – от осоки до ежевики и чёрной рябины, на которой крупными кистями чернели ягоды, так хотелось их попробовать. Но экскурсовод предупредил: ни в коем случае не ешьте ни черноплодку, ни шиповник, ни бруснику, ни клюкву. И пояснил, что здесь находится ядомогильник: в него сливают отходы хи-

мического завода. Стало ясно, почему вокруг огороженного колючей проволокой котлована пожелтела осока и зачем по бывшей узкоколейке проложена узкая асфальтированная дорога. Однако местные жители спокойно собирают клюкву. На продажу, наверное.

Я так и не поняла, зачем на этот массив возят экскурсии. Видимо, затем, чтобы показать, как люди умеют обезображивать землю.

В пояснительной записке к экскурсии написано: «В результате расчёта водного баланса болота в современном состоянии установлено, что для полного обводнения болота потребуется 27 с половиной лет, а затраты составят около 4 миллионов рублей». Вот оно как. Вот какую судьбу готовят учёные для бывшего болота площадью 3000 га, где уже проложена дорога, где заросли сорняков (осот, крапива и др.) доказывают, что вместо бывшего болота перед нами довольно плодородная почва.

И я представила на этих просторах луга с изумрудно-зелёной травой и среди этого рукотворного великолепия задумчивые озёра с причудливыми плавающими островами. Группы красивых деревьев, кустарников – настоящий дендрарий, цветники, небольшой зоопарк, аттракционы. Влюблённые уединяются в тени липовых аллей, ребятишки резвятся на детских площадках. Звучит негромкая музыка...

Она не заглушает птичьего гомона…Чем не прекрасный парк на площади более 3000 гектаров. И другой вариант возможен. Почти готова почва для создания современного сельскохозяйственного предприятия. Рядом же живут люди, которые за сотню вёрст ездят на работу в Москву или поближе – в Тверь. А всего-то нужны бульдозерные работы да посев трав. А уж потом и строй тут что хочешь, сажай экзотические деревья, украшай эту землю, которую за 4 миллиона рублей в течение 28 лет собираются топить учёные-болотоведы. Конечно, эта моя идиллия без ядовитого могильника в верховьях Волги.

После экскурсии мы какое-то время ждали автобус, чтобы ехать на базу для продолжения совещания. У дороги на месте заброшенной дачи – цветущие кусты. Я подошла и вытянула из почвы ог-

ромную гроздь розовато-фиолетовых клубней. Меня окружили иностранцы. Подошла и переводчица. Что за растение, что за клубни? Какие наивные вопросы. У нас о топинамбуре чуть ли не каждый ребёнок знает. И я популярно (через переводчицу) рассказала об этом чудо-растении. Иностранцы с огромным интересом слушали, что в клубнях земляной груши инулин, различные микроэлементы, витамины. Предложила попробовать клубни. Русские не прикоснулись, а гости из Англии, Таиланда ножичком почистили клубни и аппетитно хрустели сочными шариками. Кстати, на этом симпозиуме я впервые поняла, как важно в современном мире знать языки. Если бы не переводчик, я бы была, как глухонемая, на этом совещании. И русские, и иностранцы разговаривают на английском, доклады тоже на английском.

В последний день совещания после ужина все участники собрались в видеозале. Я привезла с собой кассету фильма «Фея болот». Зимой и летом 2005 года в моём «Журавлике» снимали фильм о моём хозяйстве, моих животных, моих рукотворных лугах, обо мне. Фильм получился довольно интересным, ярким. Работала киногруппа из Москвы. Режиссёр Валентина Михайловна перед моим приездом в Москву смонтировала и записала для меня фильм на кассету. Переводчика во время показа с нами не было, но всё равно иностранцы смотрели на экран телевизора, затаив дыхание. Да всё было ясно и без перевода. На земле, которая была обречена на бесплодное существование, стеной стояла трава рукотворных лугов, стадо красивых животных паслось на ней.

В этом фильме я высказала мысль о том, что торфодобытчики, добыв на площадях последние тонны торфа, отрекаются от этих земель вместо того, чтобы продолжать работу на них, уже в другой ипостаси. И служила бы им эта земля верой и правдой. И добротные посёлки торфяников не превращались бы раньше времени в «неперспективные поселения».

МОРОЗКО

13 января 2006 года

Птичий грипп в стране. Угроза российскому птицеводству.

Жестокая профилактика распространения болезни. Показы-

вают по телевизору, как в мешках бросают в огонь живых кур, из прожжённых мешков некоторые вылетают, за ними гоняются люди.

В Госдуме тоже думают, как справиться с напастью. «Гениальный» способ борьбы с переносчиками «птичьего гриппа» с высокой трибуны, как всегда гневно выкрикивая слова, выдаёт Жириновский: «Надо уничтожить перелётных птиц. Это будет реально, если к этому подключить охотников и армию». И ведь что удивляет: на полном серьёзе сказано и слушали депутаты тоже серьёзно…

16 июля 2006 года

С утра яркий солнечный день, один из тех, когда радостно на душе и хочется жить. Кругом зелено, розы на цветнике в полном цвету. Их нежные лепестки ещё в росе, и сладко вдыхать их чарующий аромат. В эту пору как никогда замечаешь, сколь скоротечно время. Едва зазеленели берёзы, глянь, уж чуть не полный лист. Вот и черёмуха задурманила вокруг, а там… и пошло, пошло… Не успеешь оглянуться – зацвели травы, пришло время сенокоса. И уже редкая желтизна на деревьях, как первая незваная седина...

Едва управилась с утренними делами, слышу: лают собаки. А у калитки незнакомый «уазик» с незнакомыми гостями. Подошла, успокоила собак. Они у меня не пустолайки, если хозяйка вежливо встречает гостей, то и они рады чужим людям. Оказывается, из совсем не близкой деревни приехали предприниматели познакомиться с моим методом работы, спросить совета: закупили телят и поросят, а опыта работы с животными нет. Ну что ж, гостям всегда рады. Нечасто они у меня бывают. Признаются: «Трудно до вас добираться, да нужда заставила. Добрые люди подсказали к вам обратиться, книгу вашу дали почитать. Мы и не верили, что такое возможно. Едем сейчас по вашим полям, видим, стадо пасётся, думаем: спросим, правильно ли едем да и с коровками вашими познакомимся. Остановились у стада, пастуха глазами ищём, из машины не выходим – бык огромный подошёл, рогами чуть не в кабину упёрся, как будто спрашивает: кто такие? Тихонько поехали от греха подальше, так никакого

пастуха и не увидели. Где он у вас, сбежал или стадо от него сбежало?» Я улыбнулась: «Наше стадо самостоятельно вот уже четвёртый сезон пасётся. Ко двору приходят к утренней и вечерней дойке. Остальное время: в жару – в тенёчке в лесу отдыхают, чуть попрохладнее – пасутся спокойно. Боюсь, конечно, за них, ну да пока Бог пасёт, все приходят». – «Дальше едем, толпа поросят навстречу, от машины – врассыпную, отбежали, остановились и давай всем табором траву есть. Мы специально из машины вышли посмотреть и тоже удивились: уж не сбежали ли поросята у вас? Смотрим, а на другой стороне канавы такое же стадо свиней, эти покрупнее, и так деловито пасутся, а некоторые даже роются, видимо, корни ищут». «Да, уж это они умеют, сенокос, пастбище почём зря портят», – согласилась я. То, что удивило гостей, для меня привычно: по-другому я держать животных не умею и не хочу. «Травы у вас прекрасные, – заметил один из гостей. – Я специально из машины выходил. Какая-то трава, не видал такой, в мой рост. Сколько же сена вы на этой площади соберёте?»

– Много. Завтра будем начинать косить, у Олега вся техника готова; 10–12 дней от скашивания до прессования – и сенокос закончен. А трава эта, канареечник, моя гордость. Десять килограммов семян его в 1979 году я привезла из Ленинградской области. Размножила. Наше болото пришлось ему по нраву. И теперь на всех площадях канареечник чувствует себя хозяином. Размножается семенами, корневища мощные, их-то и вырывают поросята, с аппетитом едят с ранней весны до поздней осени. Семена у него уже поспели. Этого мы и ждали. Только после их созревания сенокос начинаем». – «А сенокосы вы весной чем подкармливаете?» «Интересный вопрос, – отвечаю, – подкормку сенокосов ведут сами животные. Дело в том, что с весны до глубокой осени коровы и телята пасутся на траве: летом по нескошенной довольно неохотно, предпочитая другие участки, зато на отаве, густой, мощной – с удовольствием. Пасутся и удобряют… По научным данным, стадо коров в 100 голов за день удобряет 1 гектар пастбища. Вот так. В нашем деле важно создать сенокос и пастбище, а уж потом животные (крупнорогатые) берут его на обслуживание. Если бы вы приехали к нам где-то в конце октяб-

ря, вы бы увидели у нас такую отаву… Нигде такой больше нет».

По их просьбе провела гостей по своим дворам, показала, где ночуют (зимой) поросята. Летом-то они спят в облюбованных местах: кто под комбайном, кто под тракторами, прицепами, кто под деревьями за загонами для малышей. Показала пристрой ко двору, в котором коровы встают в очередь на дойку, а иногда в сильный мороз мы их (с трудом) загоняем для ночлега. Показала электродойку, станок, в который корова заходит для дойки. Удивительно, что взрослые гости никогда не видели «электродояра» и с большим интересом знакомились с его работой. Для большей наглядности пришлось подоить Зимушку. Она пришла с пастбища, чтобы повидаться со своим телёнком, который появился неделю назад. Вообще-то коров я дою два раза (в том числе и новотельных). Но Зимушку, когда она приходит с пастбища, я обычно дою – очень уж молока у неё много, с отела по 32 литра даёт.

Вижу, гости пошептались, а потом один из них предложил: «Вера Александровна, а вы не смогли бы сейчас с нами съездить в нашу деревню? Времени это много не займёт, час туда, час обратно. Нам важно ваше мнение, да и советы будут конкретными (мы ведь за этим к вам приехали)». «А что, поехали, давно никуда не выбиралась», – сразу согласилась я, очень даже довольная, что могу кому-то помочь. Быстро переоделась, сказала Олегу, что скоро вернусь. Первый раз за это лето я уезжала со своего болота, пусть и ненадолго.

До деревни, где мои гости планировали заняться животноводством, доехали мы быстро. Асфальт до самого места. В старом деревенском доме, который предприниматель из областного центра в память о своих родителях и своём детстве не хотел забрасывать, жила семья пчеловода, который переехал сюда из Котельнича, чтобы осуществить планы Сергея.

Мы поменялись ролями. Сергей и Николай, которые чуть больше часа назад были моими гостями, теперь показывали своё хозяйство. Прямо за оградой дома был небольшой огород, а за ним прекрасный луг. Признаться, в душе я позавидовала хозяевам, что они владеют таким богатством. Конечно, мои сенокосы

с высоченными травами выглядят эффектно, но только злаки и только зелёный цвет на моих угодьях. А здесь такая красота, такое разнообразие трав! Почвы здесь суглинистые, богатые, вот и трава радует своим разнообразием и цветами. Тут, конечно, и злаки, но больше клеверов: и розового, и белого, и красного, тут и лядвенец, и мышиный горошек, и полевая герань, и много-много другой красоты. И всё это цветёт и благоухает. Вот бы моим «рытикам» такую благодать. Налево – высокий забор. Думаю, какой капитальный загон молодцы для животных соорудили, даже захотела заметить: можно бы и попроще заборчик-то сделать и уже было направилась смотреть чужое животноводство. «Показывайте своих подопечных», – говорю хозяевам. Николай открыл дверь, и я увидела ... ульи. Их было не меньше 20. Взяток был в самом разгаре. Медоносов кругом – море. Прямо на пасеке посеяна фацелия. Пчёлы теснились у летков, неся обножку и сладкий нектар. Николай показывал своё хозяйство с гордостью, ещё бы: здесь был идеальный порядок, такая красота и, наверное, прекрасный медосбор. «Да, – подтвердил хозяин, – взяток нынче хороший». «Ну что ж, в этом деле советчик из меня никудышный, пчеловод из меня не получился в своё время. Больше всего не любила я в этом деле разжигать дымарь и одеваться перед тем, как лезть в улей. Всегда оказывалась ужаленной. Зато любила отбирать рамки с мёдом и качать мёд. Где же ваши животные, с которыми вы собираетесь заниматься?» – я была заинтригована. Пчёл мне показали, а ферму свою от меня скрывают. Сергей с Николаем переглянулись и повели меня обратно к дому. Мне даже показалось, что никаких телят и поросят у них нет. Просто они хотят заняться ими и приезжали ко мне за советом. Ну что ж, я им посоветую: такую прекрасную базу (луг у самого дома) надо использовать.

Однако животные всё-таки были. Мы вошли в ограду. Сергей включил свет, открыл дверь, из-за которой вырвался удушливый воздух. Тесный деревенский хлев, разделенный на несколько отсеков, В одном из них чуть не по колено в навозе – четверо телят. В другом отсеке – штук пять поросят.

Сергей с Николаем, наверное, пожалели, что привезли меня

знакомить со своей «фермой». Я только что видела пчелиную идиллию, отличный луг и тут же вижу затхлый двор, грязь, навоз под копытами тощих, грязных телят и поросят – пленников человеческой жестокости. Я высказала хозяевам всё, что думаю об их «методе содержания домашних животных». Они приняли мои слова как должное. В своё оправдание Сергей сказал: «У нас в деревне все так скот держат. Коров пасут, а телят во дворах держат. Косят им зелёнку, они и сидят в тени. Навоз только сегодня убрать не успели, сейчас Николай займётся». «Вам что, делать больше нечего, как летом за телятами и поросятами во дворе навоз убирать да корм им подавать? Видели моё стадо, видели хоть одного телёнка грязного? Это что же такое, такая благодать вокруг, два шага шагнуть, и ваши телята и поросята сами наедятся, а уж питьё из шланга им нальёте. Травы вдоволь, постройте им большой загон, всё лето пастись будут и вас от лишней работы избавят. Через неделю вы своих телят не узнаете. Чистенькие будут и сытые. Загон-то построить не проблема, вон пасеку каким красивым да высоченным забором обнесли», – сразу выпалила я всё, что думаю о деревенском содержании телят и поросят. Что там говорить, не только у этих ребят (хотя не такие уж они и ребята) мелкая скотинка в скотских условиях содержится круглый год. Какое-то непробиваемое стремление запереть своих питомцев в душных, тёмных дворах, лишить их естественного света, солнышка, зелёной травы, которая под ногами. Боятся, что ли, что сглазят, украдут?

«Вера Александровна, мы исправимся. Поездка к вам нам многое прояснила. С чего же нам начать? Помогите нам», – Сергей уже понял, кажется, что их «ферма» и животные на ней никакой критики не выдерживают.

«Ну что ж, давайте думать, как обустроить хозяйство. Начали вы с 4-х телят и 5-ти поросят. Если хотите, чтобы животноводство у вас было прибыльным (а иначе зачем огород городить), нужно начать с расчётов и подсчётов. Боюсь, что ваша прекрасная пасека, которая, кстати, и могла бы стать источником какого-то дохода, не совсем впишется в то животноводство, которое вы хотели бы здесь иметь». – «Почему?» – «Пчёлы могут жалить

животных. В своё время, когда у меня рядом с домом стояли ульи, от уксусов пчёл два гусёнка погибли. Ну ладно, я думаю, что телят и поросят они не тронут. Да и то, что забор вокруг пасеки высокий, сохранит животных от укусов пчёл. Ладно. Дальше решаем. Вы сами убедились в том, что содержать молодняк, хоть и не в большом количестве, пытка не только для животных, но и для хозяев. Попробуй-ка накорми их, напои, убери за ними. Вывод: нужно выпускать их на волю. Как я даю свободу всему стаду, вы не сможете: у вас не хутор, как у меня, телята могут уйти, так что их не найдёшь. Нужен загон. Пока их мало, можно оборудовать загон с травою и небольшим дощатым сарайчиком, где их можно закрывать на ночь и где они будут прятаться от дождя и жары. Поросята могут жить в этом загоне вместе с телятами. Но, насколько я понимаю, не ради содержания 4-х телят вы ко мне приезжали в «Журавлик», вы хотите увеличить поголовье, так?» «Да, конечно, мы начали с малого, попробовали, получится ли», – ответил Сергей.

«Если так же будете мучить животных и себя, ничего хорошего не получится, – я жестоко оценила их опыт. – Давайте-ка посмотрим ваш участок в натуре и определимся с загонами для ваших теперешних и будущих подопечных».

И мы пошли по участку. Чуть не по колено в душистой цветущей траве… И подошли к оврагу, глубокому, с пологими берегами. Это был даже не овраг, а огромная, диаметром метров 30, воронка. На дне поблескивала вода, берега поросли мелким ивняком и травами, через которые проглядывала красная глина. «Откуда эта воронка?» – спросила хозяев. «Не знаю, – ответил Сергей, – как себя помню, всегда эта яма была». Я позавидовала хозяевам: такое природное жилище для поросят они имеют. Достаточно огородить эту коническую диковинку, посадить туда супоросных свиноматок, и обеспечено здоровое жилище. Они быстро нароют пещерок, в которых произведут здоровое потомство. Вода для питья и купания есть, трава есть, хозяевам останется давать животным сухие корма. А потом уже отлавливать готовый молодняк. Свои соображения высказала хозяевам. Они согласились со мной. Через час «в целости и сохранности» я была доставлена на своё болото.

29 ноября 2006 года

Снегу за ночь подкинуло.…И холодно – минус 15°. На утреннюю дойку не пришла Принцесса. Где она может быть? Пошла искать. Свежих следов от двора нет, всё засыпал свежий снег. Вижу: навстречу из леса идёт моя красавица. Ну что ты с ней поделаешь, опять отелилась неожиданно, вчера ещё вечером доила я её. Обгуливается – не заметишь, молоко к отёлу сбавляет, но мало. Уже третий отёл такой нечаянный. Точно телёнка заморозила. Беда. Пошла по следам. Вижу, густая ель впереди, ветви нижние высоко, а под ними чернеет телёнок. По заснеженным кочкам пробралась к нему. Живой, слава Богу. Лежит тёпленький, снежок под телёночком растаял. Поцеловала малыша в мордочку, сняла с себя куртку, укрыла его и заторопилась за санками. С Сашей В, рабочим, на широких самодельных санях привезли драгоценный живой груз. Морозко – дала кличку морозостойкому бычку. Подоила Принцессу, напоила малыша свежим молозивом.

Когда коровы не избалованы тёплым душным двором, когда они много ходят, ночуют на воле, вволю едят сено, то и телята рождаются здоровыми и выносливыми.

Несколько лет назад был такой случай. Мартовское, довольно холодное утро. 6 часов. Уже светло. Я иду на утреннюю дойку. И, о, чудо. У двери во двор стоит телёночек. С пупка капает кровь. Ну надо же: это новорождённое существо родилось на холоде, едва его облизали коровы, встало на ножки, пробралось через жерди загона и по довольно скользкой дорожке пришло ни куданибудь, а к двери, через которую я привела его во двор. До сих пор, как вспоминаю этот случай, удивляюсь врождённой смекалке моих животных.

ОКНО В МИР

4 февраля 2007 года.

Удивительная зима. В начале ноября земля замёрзла, выпал снег, довольно обильный. Потом, в первых числах декабря, резко потеплело, согнало сугробы, и чуть не до Нового года поля

стояли голые, было довольно тепло, и средина декабря была так похожа на средину апреля. Тёплым и малоснежным оказался и январь. Только к концу его похолодало и вальнуло снегу порядочно.

Сегодня Саша В. у кормушки среди наших свинок увидел кабана. Я была недалеко. Слышу, Сашка засвистел, закричал: «Кабан, кабан!».

Зверь сиганул по заснеженному полю, перемахнул через магистральный канал и издалека чёрный на белом казался таким огромным, да таким он и был: рабочий-то видел его близко. В тот день мы обнаружили, что наш племенной хряк жестоко исполосован острыми, как ножи, клыками дикого зверя. Хряк, видимо, пытался защитить своих подруг от этой громадины. Ещё два дня приходил незваный гость. Видели мы его. Увидел его и Анчар – шестимесячный щенок. Отчаянно лая, набросился на зверя и был поднят на клыки и отброшен в сторону, как тряпка. Пробрались мы с Александром к нему по снегу, притащили ко мне в дом. До внутренностей в двух местах пропорол бок щенку лесной хряк. Насыпала я в раны стрептоцида, сделала укол гентомицина. Полежал наш Анчар два дня в тепле и домашнем уюте. Зажили раны на нём «как на собаке». Запросился на волю, да так на ней и остался. Только стал он теперь ко всем копытным относиться с лютой ненавистью. Особенно невзлюбил телят почему-то. Бросается на них, хватает за скакательные суставы, ранит до кости. После двух случаев таких пришлось посадить его на цепь. Сидит теперь на ней круглые сутки, спускаем только для прогулки, набегается, заманишь еле-еле, и снова неволя. Сам виноват. Один раз спустила его с цепи, думаю: на виду пусть побегает, никого не тронет, так умудрился на пастбище к стаду убежать, там набросился на быка. Ландыша прошлым летом еле вылечила, Анчар ноги ему ранил. Нынче повторил свою агрессию. Снова пришлось лечить повзрослевшего телёнка.

17 мая 2007 года.

Ночью была гроза, первая в этом году. Молнии непрерывно рассекали небо, от их вспышек становилось светло, как днём, даже

светлее. От раскатов грома содрогалась земля. И как из ведра – ливень... А день отстоял яркий, радостный. Березы только-только начали зеленеть, и после ночного ливня земля задышала, испаряя влагу лёгкими облачками. Воздух наполнен горьким запахом распускающихся почек берёз.

Что может быть лучше, чем ощущать такое буйство жизни, когда над тобою в небе трепещет жаворонок, а с канала, как маленькие самолётики, взлетают, громко крякая, утки.

Коровы мои уже целый месяц пасутся на зелёной траве. Конечно, она еще не так высока и густа, как хотелось бы, но приходят они на дойку сытые и довольные. Нынче мы их снова (пять лет коровы с телятами паслись свободно) поселили за электроизгородь. Загон получился около 40 гектаров.

31 декабря 2007 года

Вот и ещё один год жизни позади. Для меня шестнадцатый Новый год вдали от людей, один на один с ёлкой, которую наряжаю не каждый праздник. Сегодня нарядила, знаю, что Олег привезёт Тиму с Никитой. В кои-то веки не одна буду, мальчишки даже ночевать у меня собрались. Пораньше все вечерние дела сделала: коров подоила, молоко переработала, небогатый новогодний стол накрыла – жду гостей. Приедут ли мои дорогие? Непогода разыгралась, снег повалил хлопьями. Слышу, собаки залаяли. Ну, слава Богу, едут. Выглянула в окно. Темно. Никто не едет, фары не светят. А собаки всё лают. Вдруг стук в окно, посмотрела – никого. А в дверь с хохотом вваливаются два живых снеговичка: один побольше, другой поменьше – Тима и Никита. Обрадовалась, однако удивилась: откуда взялись, где Олег? Схватила веник, давай обметать долгожданных. А они ничего не говорят, только хохочут, и чувствую, что-то от меня скрывают. Дверь открывается, и входит Александра Ильинична. Вот это сюрприз так сюрприз. Обнялась я со своей подругой, учительницей из Комсомольской школы. Она частенько, считай в каждые школьные каникулы, наведывается в мои владения, чем немало скрашивает моё житьё-бытьё. Чаще приходит со своими учениками, а иногда, как сейчас, без них.

«Ну почему не предупредила, что появишься, и как добрались

по такой погоде и в такую пору: темно ведь, волки ходят. Где Олег?» – столько вопросов от меня. А Тима с Никитой ничего не отвечают, только под ёлкой шарятся: где подарки от Деда Мороза? И тут Никита выдал: «Ты, баба Вера, нам подарки не приготовила, мы тебе не скажем, где папа».

В окне сверкнул свет фар. Ну, всё ясно: Олег приехал. Только неясно, почему мои гости оказались у меня раньше него. Ребятишки схватили свои одёжки с дивана и убежали в другую комнату: «Скажи папе, что нас нет. Александра Ильинична, идите к нам, испугаем его». Олег вошёл, порядком засыпанный снегом. «Что случилось? – спрашиваю. – Почему Тиму с Никитой не привёз, не поехали, что ли?» Сын подыграл мне, изобразил испуг, громко спрашивает: «Они что, не пришли, где же они, неужели на них волки напали?» С хохотом выпрыгнули из своего укрытия внуки, за ними вышла Александра Ильинична. Олег ушёл к машине и скоро вернулся с большой картонной коробкой с всякими новогодними вкусностями. Мы с Александрой Ильиничной принялись добавлять на мой новогодний стол фрукты, замысловатые печенья и конфеты, нарезали колбасу, красную рыбу. «А это шампанское Александра Ильинична принесла», – сказал Олег, доставая тяжёлую бутылку и ещё много чего. «Как принесла, ты, что ли, не с ними ехала?» – удивилась я. И подруга рассказала: «Из поселка вышла в третьем часу. Подумала: погода ясная, дорога накатанная, до темноты доберусь». «Почему не позвонила, я бы тебе сказала, что Олег собирается ко мне, с ними бы и приехала», – удивилась я. «Сюрприз решила тебе сделать, а потом оказалось, что мобильник с собой не взяла. Слушай дальше, – даже Тима с Никитой внимательно слушали нас, – прошла я километра два, вдруг как-то сразу потемнело, ветер подул, и снег такими хлопьями повалил, дорогу мигом укрыло, в общем, сбилась я с пути. И тут вижу я следы: как собачьи, только уж очень большие. Ветер стих, снег перестал валить, вроде посветлее стало, и я по этим свеженьким следам шла к тебе». «Не боялась, что ли? – спрашиваю. – Следы-то свежие, волчьи ведь, думаешь ли, чего делаешь?» – «Да как не боялась, поняла я это, да куда денешься, не обратно же шагать. Там ещё страшнее, у тебя хоть

уличный светильник горит, да не один, а у нас на весь посёлок два фонаря всего. Уже несколько собак волки загрызли. Слушай дальше. Вижу, сзади машина идёт, фары светят. Мне ещё страшнее стало: вдруг, думаю, бандиты какие едут. Спряталась за сосенку, а потом решила: будь что будет, может, это Олег едет, и вышла на дорогу. Машина остановилась. Олег, конечно, удивился. Села я в тёплую машину к Тиме с Никитой, и так уютно стало и страхов как не бывало». Олег внимательно слушал и продолжил рассказ отважной путешественницы: «Вы, Александра Ильинична, в самом деле шли по волчьим следам, притом матёрый волк прошёл только что. Вы здорово рисковали». «А ты как рискнул на «Фольксвагене» ехать, «уазик», что ли, не исправен? Ты, наверное, забуксовал, вот ребятишки и пришли пешком?» – спрашиваю Олега. – «Да немного они и шли, сидели бы в кабине, пока откопался: немного подрезало меня на повороте. А они заладили: удивим бабу Веру, скажем, что из посёлка пешком пришли».

«Да я так и подумала, – обрадовала я внуков своей недогадливостью, – давайте, гости дорогие, за стол. Олег, сходи за Сашкой, пусть с нами Новый год отметит». Олег ушёл в дом, где живёт наш единственный работник, и скоро пришёл с ним. «Вы отмечайте Новый год, а я поехал, меня ждут любимая жена и друзья. Оксана только что звонила, все уже собрались. А вы, – Никита с Тимой повисли на нём, не хотели отпускать, – не балуйтесь и слушайте бабу Веру. Завтра за вами приеду. Ну, всех с Новым годом, я уехал».

«Подожди, сейчас пойдём все к ёлке за подарками. Днём видела следы большие, Дед Мороз, значит, уже побывал и подарочки оставил», – я хотела, чтобы Олег вместе с мальчиками порадовался подаркам, которые приготовила заранее и недавно положила под ель, посаженную мною у дома в первый год моей отшельнической жизни. Теперь пышная красивая ёлка каждый Новый год одаривает моих внуков подарками от Деда Мороза. Правда, теперь они в эту новогоднюю сказочку не верят, но всё равно ждут чуда.

При свете бенгальских огней, зажжённых Олегом, мальчишки нашли две небольшие коробочки с сюрпризами от Дедушки Мороза.

Когда наряженная у дома ель чуть не заглядывает в дверь, когда рядом тёмный таинственный лес, а на небе празднично сверкает парад звезд, когда кругом полное безмолвие, когда рядом радостные росточки будущего – внуки, самой верится в сказку.

Олег уехал домой в посёлок, к жене и друзьям, уже собравшимся за праздничным столом.

У нас тоже небольшое застолье. Редко-редко, пожалуй, первый раз за 16 лет встречаю я Новый год не в одиночестве, а в компании дорогих мне людей.

Скоро у малышей стали закрываться глазки. Мы с Александрой Ильиничной расправили им диван-кровать и уложили полусонных. Саша тоже не стал засиживаться и, пожелав нам спокойной ночи, отправился к себе в дом к телевизору.

Люблю, когда в моих владениях появляется Александра Ильинична. Вот человек, с которым можно говорить обо всём, её мнение во многих вопросах жизни для меня очень важно. Живя вдалеке от цивилизации, редко общаясь с людьми, я очень рада умному собеседнику. Александра Ильинична умеет терпеливо и внимательно слушать.

У нас впереди новогодняя ночь. Тима с Никитой сладко спят, телевизор выдаёт что-то шумное, яркое и, как всегда в предновогодний вечер, бессмысленное. Он знает, что его никто не смотрит и не слушает, он всего-навсего обязательный фон к шумным застольям, умным и неумным разговорам. Не смотрим в эту ночь включенный телевизор, и в то же время как без него? Спрашиваю: « Александра Ильинична, как тебе ни позвонишь, ты всегда в школе. Наверное, и телевизор посмотреть некогда?». «Да у меня он уже второй год не работает, никак отремонтировать не соберусь», – усмехается моя дорогая гостья. Удивилась я: для меня телевизор – единственное окно в жизнь, поэтому я не представляю, как проснуться и не нажать на кнопочку пульта. – Ну ты уникальный человек, Александра Ильинична, как это можно жить без него, скучно ведь». – «Да скучать-то мне некогда, ухожу из дома рано, прихожу поздно. Так что мировые новости узнаю на работе, в крайнем случае, по радио. А ты что, такая уж страстная поклонница телевидения?» – «А знаешь, Александра Ильинична,

телевидение, я думаю, одно из главных приобретений прошедшего века. Конечно, изобретателям и в самых ужасных снах не могло присниться, как распорядились потомки использованием их детища». «Что так?» – удивилась Александра Ильинична.

«Возможности телевидения безграничны. Его можно сделать умной, доброй школой жизни. Оно могло бы учить, направлять, дарить радость, свет, добро, обязательно добро. Оно могло бы открывать окно в разные стороны жизни всего мира. Оно могло бы развлекать, но только по-умному, по-доброму», – объясняю я свои слова об ужасных снах изобретателей этого чуда. – «Да, но ведь оно это всё, что ты перечислила, это делает». – «Делает, не спорю, но свои возможности использует по самому минимуму. Мне кажется, если бы руководители многочисленных каналов задумались, чего больше – добра или зла несёт великое изобретение человечеству, то ответили бы себе и всем нам: зла больше, гораздо больше, чем добра. А должно быть наоборот». – «Ну и в чём ты видишь это зло?» – Не провоцируй меня, ты не хуже моего знаешь, что даже на главном первом канале раз-два и обчёлся добрых, умных программ. В остальных – кровь, ужас, насилие, грабёж, убийства. На экране всего этого больше, чем в жизни. И ведь что страшно: оно (телевидение) очень доходчиво расскажет и покажет, как можно убить, обокрасть, скрыть улики и так далее. Впрочем, многие годы телевизор – мой собеседник и на мир я смотрю через его окно, все новости узнаю от него».

«У тебя здесь сколько каналов?» – Александра Ильинична очистила мандарин и предложила мне. «Раньше только первый и второй каналы показывали, а два года тому назад Олег установил спутниковую антенну, и теперь чуть не 30 каналов можно смотреть. Но, признаться, многие спутниковые каналы – такая пошлятина, что смотрю по спутнику «Звезду» да иногда НТВ», – я, наверное, несправедлива к нашему телевидению. Ругаю его, а сама даже среди ночи, когда не спится, листаю каналы, как страницы большой книги, выискивая интересную картинку. Иногда натыкаюсь на такое, что даже один на один с телевизором смотреть стыдно. Тогда с омерзением закрываю «окно в мир». «Да, впрочем, все ругаем телевидение, а без него ни дня обходиться не можем», – пытаюсь

смягчить собственные нападки на чудо XX века.

Для кого как, а для меня телевизор – это и собеседник, и источник новостей, и учитель, и оппонент. В полном смысле – открытое окно в мир. Убрать бы из зоны видимости этого окна смакование жестокости, подлости, низменных интересов. Заменить бы это в доступное время добрыми, умными, познавательными передачами. Есть же они, их немало. Только по чьему-то замыслу идут они за полночь, когда нормальные люди спать должны.

Да ещё: называли бы с экрана картофель клубнем, а не корнеплодом, брюкву – корнеплодом, а не кочаном, гриб трутовик не называли бы чагой, не обзывали бы гречиху злаком. Короче, не поражали бы зрителей незнанием истин, которые известны пятиклассникам. А уж мат с экрана и всякие непотребные слова…

Убрать бы эту низость и гадость, которая не только режет слух взрослого зрителя, но и калечит юных, которым слова с экрана – руководство к подражанию. И, как не что иное, телевидение могло бы знакомить зрителей с героями нашего времени. Нет, не со «звёздами экрана», которые одни этот экран заполняют и создают видимость безоблачной, развесёлой, роскошной жизни. Напрочь и очень давно ушли с экрана люди труда. Телевизионщики, скорее всего, разучились говорить слова: каменщик, сталевар, плотник, слесарь, доярка, тракторист… Может, они даже не знают, что это за профессии. Они зациклились на шоу-бизнесе. А если и произнесут слово «сантехник», то обязательно с иронией, и добавят: «дядя Вася». Хотелось бы посмотреть, как же они обойдутся без тех же сантехников, дворников, хлебопёков и т. д.

Каналов на ТВ – великое множество: тут и спортивные, и религиозные, и магические, и всякие, притом круглосуточные. Но не найдешь, сколько ни листай программы, где можно познакомиться с трудовой Россией, с людьми, которые занимаются настоящим делом, и без которых жизнь просто-напросто была бы невозможна. Я, конечно бы, предложила создать отдельный канал о людях, которые работают на земле, кормят россиян. Убрали бы с экрана оголённых, круглые сутки прыгающих девиц, сколько бы телевизионного (дорогого) времени освободили. И

вместо разврата и пошлости познавали бы люди (особенно молодые), что есть работа, главная работа – служение земле, а значит, и людям.

Александра Ильинична, удобно откинувшись в кресле, дремала, ребятишки мои сладко спали, уткнувшись носиками друг в друга. Так что мыслила я о телевидении один на один с телевизором, приглушив звук развесёлых предновогодних забав.

ИЗЛОМАННАЯ СУДЬБА

31 июля 2008 года

Из посёлка днём ко мне пришла Александра Ильинична. Недалеко от дороги в зарослях ивы она обнаружила свиноматку с маленькими поросятками. С удивлением гостья рассказала о своей находке, и я, захватив в ведре гранул, пошла с ней за найдёнышами. «Я, – говорит Александра Ильинична, – хотела сама пригнать их, да только подошла, свинка бросилась на меня, едва успела отскочить». «Это ты зря сделала, в тот момент они злые бывают, когда к маленьким подходишь, тем более она же тебя не знает», – говорю я.

Когда мы подошли к гнезду, свинка, довольно хрюкая, кормила своих поросят. Их было девятеро. Увидев у меня в руках ведро с кормом, изголодавшаяся беглянка вскочила, подбежала к ведру, уткнулась в него и начала жадно есть гранулы. Я, переставляя ведро, вела свинку за собой, а Александра Ильинична осторожно подгоняла прижимающихся друг к другу малышей. Таким образом, не торопясь довели до дома новых обитателей моего «ковчега». Разместили рыжую мамашу с разномастным потомством в загоне, дали ей корма и питья.

Сразу два подарка мне принёс сегодняшний день. Во-первых, такая желанная гостья у меня появилась, да мало того – ещё целый выводок недельных поросят с собой привела. Здорово.

«Ну что ж, Александра Ильинична, спасибо тебе за твою находку, – говорю я, – а теперь давай пообедаем, встречу отметим». «Да я что-то не хочу есть, дорогой сухариками хрустела, давай-ка мы с тобой в лес прогуляемся. Я ведь только три дня как с юга

вернулась, по нашему лесу соскучилась», – Александра Ильинична сняла свой рюкзачок.

«С удовольствием и с пользой побродим по лесу», – я взяла корзинку, фотоаппарат, и мы отправились в лес, благо рядом он, с трёх сторон окружает мой хутор. В это лето не было в нём ни грибов, ни ягод. Хотя люблю я его вовсе не за эти дары. Люблю я его просто так, просто за то, что он есть. Конечно, приятно отойти от дома на 50 шагов и за 15–20 минут набрать полную корзину красноголовиков, белых, маслят. Но будет это в конце лета, и не каждый год такое бывает.

«Если бы я жила здесь, – говорит Александра Ильинична, – я бы каждый день ходила сюда, лес твой – чудо». – «Я согласна с тобой, стараюсь бывать в своём лесу почаще, но, конечно, не каждый день. Знаю здесь каждое деревце, каждый муравейник. Мне кажется, и они меня знают и любят. Правда, иногда хочется побыть одной в лесу, а только из дома выйду, целая ватага поросят за мной увяжется, а уж кошки, так одна-две точно под ногами путаются. О собаках и говорить нечего». Александра Ильинична смеётся: «Точно, смотри, вон за нами чёрная кошечка крадётся». «А они у меня (их девять) все чёрные», – мне тоже смешно, кошка старается не привлекать к себе внимание Даны, которая никак не хочет отстать от нас.

Мы бродим по загадочному миру, время от времени срывая и укладывая в корзинку то веточку зверобоя, то цветы таволги, то молодые листья малины, иван-чая, земляники, дикой мяты… Александра Ильинична любит заваривать чаи с дикорастущими травами. Я же рассказываю ей о них, что знаю. Ниточка нашего разговора не прерывается. «Александра Ильинична, вечером ты расскажешь мне о своём юге, хотя я не понимаю, как тебе не надоело каждое лето ездить в одно место. Сейчас же расскажи, что в посёлке нового?» – спрашиваю. – «Да, ты знаешь, что Толя К. погиб?» «Как, что случилось, когда?» – я в шоке. Жалко парня. Тем более что он мне не посторонний, года два работал в моём хозяйстве. «Да никто точно ничего не знает, – говорит Александра Ильинична, – нашли его в водоёме у Дома культуры на третий день, как он утонул. Был, говорят, избит. Скорее всего, пре-

ступление было совершено, да искаться-то всё равно никто не будет – некому. Бедный мальчишка». – «Парнишке бы только жить. Сколько ему? Девятнадцать, по-моему, всего». – «Двадцать нынче бы было». Александра Ильинична когда-то учила Толю. Я потрясена этим известием, долго молча ходим по лесу. Какая-то обида на всех, в том числе и на себя, за изломанные судьбы многих мальчишек, кому не повезло родиться в нормальной семье, в нормальном обществе. Кто виноват, что столько юных подранков среди наших мальчишек и девчонок?

«А знаешь, Александра Ильинична, кого я виню в гибели этого парнишки?» – спрашиваю я после долгой паузы.

«Ну, конечно, родителей, они даже родительских прав лишены были», – отвечает моя собеседница. «Их, и не только их. Даже больше их, мне кажется, виновата наша система образования», – я уже сделала свой вывод, и меня переполняет чувство стыда за нашу российскую школу, которая безжалостно выталкивает из своих стен тех, кто не вписывается в её стандарты. «Скажешь тоже, при чём тут наше образование? Он же всего шесть классов проучился, в седьмом только начал, и исключили его за плохое поведение и неуспеваемость», – Александра Ильинична не согласна со мной. «То-то и оно, что исключили, а что будет с ребёнком дальше, подумали о том? Да я не говорю конкретно про нашу школу, во всей России до малолетних двоечников никому дела нет. Ну не успевает ребёнок в школе, не даётся ему школьная наука, нельзя же из-за этого на маленьком человеке крест ставить», – горячусь я. «Но ведь эти двоечники, как ты говоришь, вдобавок ещё и хулиганы, они же другим учиться мешают», – Александра Ильинична пытается убедить меня, что школа имеет право решать судьбу неуспевающих ребят. «Да потому они и хулиганы, что они двоечники, своими выходками они просто стараются отвлечь внимание всех от своих неудач в познании школьных дисциплин, а иногда, может, и добиваются того, чтобы их поскорее выгнали из школы», – я сама пытаюсь проникнуть в психологию школьника-неудачника. Мне это нелегко сделать. Я хорошо помню свои школьные годы.

Учёба давалась просто, четвёрок в дневнике было немного, тро-

ек вообще не было. Но иногда даже сейчас снятся сны, что на уроке алгебры меня вызывают к доске, а я не могу решить уравнение. Мне страшно и стыдно. Что же чувствует маленький шестиклассник, если он постоянно не может решить эти задачи, если над ним смеются одноклассники, читают нотации учителя, ругают нетрезвые родители… Маленький человек оказывается между… нет, не двух, а больше огней. Вот хотя бы взять Толю К. Из 7-го класса его, считай, выгнали. Спившимся родителям, которых лишили родительских прав, трое детей только мешали. В свои неполные 14 лет Толя уже состоял на учёте в милиции за кражу и хулиганство. Мальчишке светила колония для несовершеннолетних. В посёлке у него были друзья с подобными судьбами.

«Олег привез Толю ко мне на хутор, чтоб я дала посильную работу мальчишке, жить-то ему надо было как-то», –рассказываю Александре Ильиничне о своей встрече с Толей. «Ну и как Толя работал у тебя, парень-то он работящий… был?» – страшно говорить о таких молодых в прошедшем времени, знаю по себе. – «Первое время приходилось отучать его от грубого обращения с животными. А потом он даже прикипел к ним, и когда я отпускала его в посёлок на день-другой, при возвращении говорил, что соскучился по маленьким поросятам, телятам. Он умело владел бензопилой, мог работать на циркулярке, управлялся с тракторами… Другое дело, что многое делал без разрешения». Всё это я говорю Александре Ильиничне, потому что знаю: Толя тянулся к работе, притом умел делать то, чего некоторые мужики не умеют.

«А если бы в своё время школа не выгнала мальчишку, а выпустила его хотя бы с семью классами, но дала бы документ об этом образовании… И если бы у подростка имелась бы какая-нибудь возможность пойти в какое-нибудь училище, где он мог бы получить надёжную рабочую профессию, заодно продолжив образование вместе с равными ему. В основы высшей математики, современной сложнейшей биологии он может не вникать. Ну, не дано это ему, да и не только ему. Таких детей всё больше становится.

Но у таких детей, как правило, «умные руки», которые, если

их научить, могут стать «золотыми». Ваш брат, учителя, мучаетесь с двоечниками в ущерб умным головам других учеников, стараетесь дотянуть своих «мучителей» хотя бы до девятого класса». «Да, это так, – соглашается со мной учительница, отдавшая работе с детьми больше пятидесяти лет жизни.– Опять вернусь к судьбе Толи. Он так ждал, когда ему исполнится 18 лет и его призовут в армию. Но и тут не повезло. Оказались какие-то проблемы со здоровьем, да и главное, без образования в современной армии делать нечего. И эта дверь в большую жизнь перед парнем захлопнулась. Круг замкнулся: на постоянную работу не устроишься, дальше учиться нельзя – образование не позволяет. И пошло, и поехало… Случайные заработки, пьянка, собутыльники… Жестокие разборки, жестокий итог».

«Скажите-ка мне, Александра Ильинична, что такое бином Ньютона? Ага, не знаете. А о чём нам говорит закон Ома? А что представляет из себя рибонуклеиновая кислота и чем она отличается от дезоксирибонуклеиновой? Судя по выражению вашего лица, не знаете, да и более того, считаете меня чуть не сумасшедшей – такие вопросы задаю. Не так ли?» – не очень вежливо с моей стороны так разговаривать с заслуженной учительницей, обладательницей президентского гранта. «Не знаю я ответов на твои вопросы, давно изучала всё это», – сдаётся Александра Ильинична. – «Я тоже не знаю, много не знаю, что учила в школе, да и никто этого не помнит. Обычный человек не может всё помнить, да и по правде сказать, не нужно ему этого. Лучший учитель – это жизнь».

Сколько послевоенных изломанных, осиротевших судеб спасли фабрично-заводские училища (ФЗУ). Сколько ребят в них получили «путёвки в жизнь» – надёжные рабочие специальности. Именно эти ребята поднимали страну из военной разрухи. А что было бы, если бы государство, как сейчас, бросило тех подростков на произвол судьбы? И разве сейчас положение в России таково, что можно бросаться судьбами молодых людей? Говорят, что никому не нужных детей сейчас не меньше, чем в послевоенные годы. Всё то, что страна имеет (хорошего) и чем гордится, создано рабочими руками тех, послевоенных, мальчишек, тру-

довой потенциал которых, увы, исчерпан. Где же рабочая смена? Кто будет работать на компьютерах, ясно. Каждый теперь желает. А кто будет строить, работать на станках, тракторах, фермах? Очень больной вопрос. Не хватает рабочих профессий, и это сейчас, когда работаем ещё мы, послевоенные. Что же будет дальше? Куда ни глянь – одни менеджеры, да дилеры, да риэлторы, да охранники, да ещё экономисты, да ещё юристы. Говорят, что сейчас мест в вузах больше, чем выпускников школ. Так что дипломированных безработных, скорее всего, будет много, а на стройках, станках, тракторах, фермах работать будет некому.

Какое-то время мы молча бродили по лесу, напоённому запахом разогретых сосен и цветущих трав. Наша корзинка была полна душистым целебным разнотравьем. Будет с чем заваривать чай Александре Ильиничне для своих коллег и учеников.

«Пора доить коров, прогулка наша окончена», – говорю я, и мы направляемся к дому. Коровы собрались на вечернюю дойку. Александре Ильиничне интересна эта моя работа, и поэтому она идет со мной во двор.

Вечерние дела окончены. Мы свободны. Пришли домой. Я включила телевизор, Александра Ильинична раскрыла свой рюкзачок с набором вкусных вегетарианских продуктов. И до темноты проговорили мы с нею, пока сон не сморил нас. А утром, чуть свет, моя гостья собралась в обратный путь. В школе у неё даже в каникулы были дела. Так что из дома мы вышли вместе: я доить коров, она – по росистой траве в свою школу, которую любит не меньше, чем я своё болото.

ДЕГУСТАЦИЯ НА БОЛОТЕ

4 октября 2008 года

Сегодня суббота. Начало октября. А погода, как в конце лета. Тепло, солнечно, комары толкутся и даже кусаются. Такое погодное великолепие очень кстати. Вчера вечером позвонила Надежда Павловна Холманских. Сказала, что если в субботу (то есть сегодня) будет хорошая погода, то она приедет за клюквой. Как здорово! Погода не подвела. Я управилась с ут-

ренними делами и дождалась долгожданных гостей. Надежда Павловна приехала на мой хутор на «Мицубиси». За рулем – Сергей. Он работает на заводе у Надежды, помогает во всём: водит машину, управляется с компьютерами и вообще – «правая рука хозяйки».

На болото за клюквой мы отправились втроём. Вдогонку за машиной радостно побежали Дана с Багирой. По колено утопая в мягком влажном сфагнуме, добрались до ягодного места. Будто кто-то щедрой рукой набросал на зелёные моховые кочки красные бусины. Болото не исхожено, не истоптано. Ягод много, а сборщиков нет.

Чтобы не заблудиться, повесили на сосенку яркий платок и принялись за дело.

Тишина кругом… Даже птиц не слышно. Собаки рады простору, набегались и, высунув языки, часто дыша, улеглись неподалёку.

Руки заняты, очень хорошо думается, и мысли хорошие рождаются. И разговор между людьми с родственными душами сам собой завязывается.

– Как тебе болото? – спрашиваю. – Как дышится?

– По-моему, таким воздухом я в жизни своей не дышала и красоты такой тоже не видела, и скажи-ка мне, почему это сосны, вроде уже старые, а какие-то тоненькие и все лишайником покрыты? – спрашивает Надежда.

– Это потому, что воздух здесь необыкновенно чист. Видела ли ты в городе деревья, поросшие лишайником? То-то, дышите там всякой гадостью. Лишайник – индикатор чистоты воздуха. А сосны чахлые потому, что это переувлажнённое верховое болото. В нём мало минеральных веществ, и сосны здесь никогда не будут мощными, как в обычном лесу.

– Сколько же лет прошло, как болото затянуло тебя? – между делом интересуется Надежда.

– Тридцать три года в этом году исполнилось. Ты правильно сказала: затянуло. Затянуло и не отпустило. И если в своей жизни я и сделала что-то хорошее, так это здесь, служа ему, болоту. А, впрочем, ты ехала по нашему массиву, видела, сколько сена Олег заготовил, видела, какая мощная отава отросла.

– Да, действительно, мне много приходится ездить по области, и не только. И такого изобилия на колхозных сенокосах я не видала.

– Вот так-то, – не скрывая гордости за результаты нашего труда, отвечаю я, – и всё это на «бросовых» землях. Хотя я никогда так свои земли не называла. Вот смотри, Надя, на своих площадях мы работаем втроём: я, Олег и один рабочий. Наша товарная продукция – мясо свиней и крупного рогатого скота. В разные годы – разное количество продукции. Вот взять хотя бы 2006 год. Тогда мы реализовали 22 тонны натурального мяса. Мне не нравится, когда расчёты и отчёты ведут по «живому весу». Мясо, оно и есть мясо. Другое дело – привесы.

Каждый из нас троих произвёл по 7333 кг мяса. Если предположить, что в год человеку достаточно 45 кг мясных продуктов, то каждый из нас обеспечил мясом 163 человека. У нас в России 150 млн человек – и взрослых, и детей. Так что мясом при нашей производительности смогли бы обеспечить россиян всего 920245 человек, работающих в животноводстве.

– Как это ты такие цифры в уме держишь? И зачем тебе это? – удивляется Надя.

– Да просто прочитала тут в газете заметку о производстве мяса на комплексе. На досуге взяла калькулятор, посчитала, чья производительность на одного работающего выше: в «цивилизованном» свинарнике или в наших «диких» условиях.

– Ну и что? Где выше?

– Получилось, что в этот год каждый из нас на нашем хуторе больше свинины вырастил, чем работающий на комплексе, хотя особой радости это мне не доставило.

– Почему? – спрашивает Сергей, который тоже берёт клюкву, внимательно слушает нас.

– А потому, что и работаем мы много: я, например, не могу себе позволить ни дня отдыха за много-много лет. И даже пенсию свою вкладываю в хозяйство. Не балую большими деньгами Олега. Невелика зарплата и у рабочего. Не зря же Олег заявляет мне, что работает со мной только потому, что не может оставить меня без своей поддержки. Я, конечно, доказываю ему, что наш труд нужен, важен, интересен и т. д. Но он-то современную жизнь

лучше меня видит и знает, что сейчас любой, кто не связан с сельским хозяйством, материально живёт лучше. Ты что думаешь о нацпроекте по поддержке сельхозпроизводителя?

Подобравшись ко мне поближе, Надежда с интересом смотрела на меня, даже корзинку с ягодами отставила. Я тоже прекратила собирать клюкву – вопрос-то серьёзный:

– Мне кажется, что в этом вопросе большая недоработка. Ставка в этом проекте сделана в основном на кредиты. Кредиты под малые проценты – вещь хорошая, но не каждому они доступны. Не у каждого есть достаточный залог. Не каждый сможет грамотно оформить получение и возврат этого кредита. Для этого нужны время и опытный бухгалтер, который работает в хозяйстве на постоянной основе. А где эти бухгалтера в небольших фермерских или подсобных хозяйствах? Содержать счётных работников нам бывает накладно. А они ведь на малую зарплату не пойдут. Я, скорее всего, неправа, смотрю на всё с высоты своего болота, а оно, как известно, ниже уровня моря. При такой дороговизне кормов, солярки, электричества при одновременной дешевизне продукции и отсутствии постоянного рынка сбыта даже с помощью кредита прибыльное хозяйство создать трудно. Вот и получилось: первая волна выдачи кредитов прокатилась, а воспользовались ими немногие.

– Вы не брали? – спросила Надя.

– Ты же знаешь, я вообще боюсь кредитов. Один раз только брали, ещё в начале 90-х (телят покупали). А я, Надя, вот что придумала. Ты говорила, что сейчас разрешено создавать кредитные кооперативы. Немножко суть рассказала, помнишь, по телефону. Мне кажется, это дело хорошее, даже для таких одиночек, как я.

– Ну-ка, ну-ка, как ты это дело понимаешь, объясни, – Надежда хитро улыбалась. – Кажется, хоть в чём-то я тебя убедила.

– Только я это немножко по-своему смыслю: сейчас тебе расскажу о своих задумках, а ты мне можешь сразу не отвечать, подумай, можно ли мои мысли воплотить в дело.

– Я вся – внимание.

– Думаю, что мы с тобой пойдём дальше, чем просто оформ-

ление и выдача кредитов. Начну с главного: как раньше, так и теперь основные трудности сельхозпроизводителя были в несоответствии цен на продукцию села и продукцию города. Классический пример: во все времена литр газировки, а то и просто артезианской воды в России стоил и стоит дороже литра молока. Медь, которую получает крестьянин за итог своего труда, превращается в золото, которое достаётся перекупщикам, переработчикам и торговле. Налицо социальная несправедливость. Пресловутые «ножницы цен» и раньше, когда энергоносители были очень дёшевы, и особенно теперь, когда цены на них стали заоблачными, бьют по крестьянину, лишая его достойной жизни.

– Ну, ты, право, как на трибуне, говоришь – Надю, похоже, начал раздражать наш разговор на производственную тему, да и о переработчиках я сказала, что они присваивают добавочную прибыль. А Надежда ведь возглавляет крупное перерабатывающее предприятие.

– Не обижайся, пожалуйста, – взмолилась я, – дай мне рассказать о своей задумке. А что касается переработчиков, то вам тоже крепко достаётся, даже больше, чем нам от этих бешеных скачков цен на энергоносители, всё же ваше производство на них построено, да и кредитов льготных вам, по-моему, не дают, не так ли? Я попыталась сгладить свою бестактность.

– Да уж куда там льготные, проценты бешеные, льгот никаких, а без кредитов не проживёшь. Постоянно приходится что-то строить, совершенствовать, повышать зарплату ценным работникам (а других мне не надо), да и сырьё тоже дорожает. Вот и приходится влезать в долги. Но, в конечном счете, это всё оправдывается, – ответом своим Надя, как мне показалось, сменила гнев на милость и уже, похоже, была готова слушать мои бредовые идеи.

– Ну так что ты надумала, выкладывай.

А я рада, что могу высказывать свои фантазии, да не кому-нибудь, а самой Надежде Холманских, которой в своих грандиозных планах я отвела главную роль.

– Ну так вот, слушай. Я остановилась на том, что цены на нашу продукцию – сырьё для вашей переработки – очень далеки от

затрат на производство её. Я веду речь о своей продукции, абсолютно чистой от всяких допингов: стимуляторов роста для животных, химических добавок к кормам, разных лекарственных препаратов, гормонов. Само собой разумеется, что привесы животных, выращенных на разного рода ускорителях, намного превышают естественный рост.

Не зря говорят: ты есть то, что ты ешь. О животных это же можно сказать. Все добавки, лекарства, стимуляторы роста в конце концов оказываются в конечном продукте: в мясе, молоке, яйцах. Ты же ветврач по специальности и знаешь лучше меня, что продукция, произведённая на современном животноводческом комплексе с применением современных технологий, и выращенная на натуральных кормах без «химии», отличается, как чёрное от белого.

– Я тебя слушаю, не понимаю, к чему ты это мне рассказываешь. И без тебя все знают, что деревенское яйцо – это совсем другой продукт по сравнению с яйцом птицефабрики – Надя, похоже, опять сердилась на меня, что я рассказываю ей прописные истины.

– Так вот, перехожу к главному, – довольная ожидаемой реакцией подруги, продолжила я. – Ещё в далёкие восьмидесятые годы посчастливилось мне вести дружескую беседу с легендарным председателем легендарного котельнического колхоза «Путь Ленина» Червяковым Александром Дмитриевичем. Разговор проходил в его кабинете. Я приехала в колхоз с просьбой продать нам для посева семян овса. Когда все бумаги были подписаны, Александр Дмитриевич поинтересовался, как в условиях промышленного предприятия мы довольно успешно занимаемся производством мяса, молока на собственных кормах. Слово за словом, беседа получилась интересной. Александр Дмитриевич тогда только что вернулся из США, куда он ездил в составе советской делегации. Так вот, он рассказал мне, что в Америке сельскохозяйственная продукция реализуется совсем не так, как у нас в Советском Союзе. Там каждый фермер занимается производством одного вида продукции, сбыт чётко налажен. Существует разделение цен на продукцию хозяйств в зависимости от того,

применяют ли они минеральные удобрения, химические средства защиты в растениеводстве, в животноводстве – пользуются ли минеральными добавками, используют ли лекарства и т. д.

Если да, то цена на продукцию одна, если нет – другая и, как правило, на порядок выше. Интересно, рассказывал Червяков: в один магазин заходишь, лежат там фрукты, овощи, мясо, яйца – все по довольно низким (хотя вообще-то продукты питания в Штатах в сравнении с нашими дороги), в другом магазине, через дорогу, те же с виду продукты – по заоблачным ценам. И в том, и в другом магазине покупатели разные. Где дешёво – победнее, где безумно дорого – богачи. Они заботятся о своём здоровье и не экономят на продуктах, предпочитая здоровую пищу. Что ты, Наденька, об этом скажешь?

– Да, даже тогда боялись химии, что уж говорить о нашем времени, когда наука так далеко шагнула. Созданы такие препараты, лекарства для животных, стимуляторы роста… Что поделаешь, прогресс.

– Я думаю, что в погоне за этим самым прогрессом человечество пойдет до конца. В буквальном смысле… – заметила я.

– Давай поближе к твоей идее, – урезонила меня Надя, – к чему ты мне про Америку рассказала?

– Это не я рассказала, – ответила я, – это рассказал великий человек, который уже тогда подсмотрел разницу в отношении властей к сельхозпроизводителю там, за «бугром», в сытой Америке, и у нас, в огромной, но не кормящей себя стране. Там давно понимают, что естественно полученные продукты достаются более дорогой ценой и более полезны. Потому и цены разные. Да и, главное, разве это не стимул для фермеров – производить здоровый продукт?

– Ты давай поближе к делу.

– Слушай дальше, – я понимаю нетерпение подруги, очень уж долго я хожу вокруг да около. – У нас в России тоже начали ценить здоровое питание, да и богатеньких людей всё больше и больше, они порой не знают, куда свои миллионы девать. И уже (я видела по телевизору) в Москве появляются магазины типа «экологические продукты». Не знаю (не сказали в передаче),

сколько стоит «экосвинина», но килограмм «экокартофеля» стоит 120 рублей. Так вот, ближе к делу. Собери ты нашего брата – фермера, частника, да кого угодно, кто готов и практически производит этот самый «экопродукт». Поверь, нас не так уж мало, но и немного. Скоро вообще никого не останется. Если два года тому назад со всех трибун говорили, что частник производит чуть не половину всего мяса, много молока, чуть не 90% овощей и т. д., то теперь картина другая. Частники избавляются от домашних животных. Местные газеты пестрят объявлениями: «Продаются корова, тёлка, телята и т. д.». Причин этого немало: люди, которые привыкли и умеют держать скот, стареют, уходят из жизни, а молодёжь этим делом заниматься не хочет. Зачем? В магазинах всё есть, да и не выгодно это ей: труда много, а отдача невелика. Да и где она, эта молодёжь: уехала из отчего дома в город. Ещё причина: деревни пустеют и ликвидируются, ещё причина: корма дорожают и порой даже не оправдывают полученный продукт. А проблема со сбытом? Кроме того, власти, наверное, не задумываясь о том, что вредят отечественному производителю, придумывают такие законы, которые под корень режут и так чуть теплящееся сельское хозяйство частника. То придумают, что в районе нужно создать единый убойный пункт, куда все владельцы животных должны свозить животных на убой, и, боже упаси, бычка или свинью забить на подворье. То додумаются до того, что каждый садовод-любитель должен многими документами (отнюдь не бесплатными) доказать, что его участок – это его участок. Создатели таких законов могли бы знать, что разрушать легче, чем создавать.

Порушил, к примеру, пожилой человек своё великим трудом созданное хозяйство, он ведь его ни при каких новых законах восстанавливать не будет: сил не хватит, да и желание пропадает. Бывает, иногда, хоть и редко, но вредные законы отменяют. Я по своему посёлку о таком состоянии частного сектора сужу. Совсем недавно три стада по 50 голов пожилые и не очень жители посёлка отправляли на разные пастбища, держали также много коз и овец. Сейчас на огромное пастбище, где мы раньше пасли 200 голов КРС подсобного хозяйства, выгоняют всего десяток

бурёнок, да и это стадо уменьшается и скоро сойдёт на нет. И с поросятами та же история. По всему району так, да и по области то же самое.

Увидела вопросительный взгляд Надежды: дескать, что тянешь кота за хвост, говори же, наконец, что за идея у тебя.

– Извини, отвлеклась. По всей стране частник избавляется от домашних животных. А предисловие это мое к тому, что надо сохранить хоть то немногое, что осталось, а то и преумножить. Если у нас получится, что я задумала, то так и будет.

– Звучит обнадёживающе, – Надя давно уже, как и я, не собирала клюкву и всё ждала, когда же я скажу самую суть своей идеи, видимо, не очень надеясь, что услышит что-нибудь стоящее.

– Я скажу короче. Чтобы частник стал заниматься животноводством по-серьёзному, то есть не только для собственного потребления выращивал скот, но и для продажи, его надо заинтересовать. И заинтересовать так, чтобы он производил экологически чистой продукции как можно больше. А много ли произведёшь её на 12 приусадебных сотках? Правильно, немного. Поэтому нужно добиваться, чтоб людям было интересно и выгодно работать в собственных крупных хозяйствах.

– Мы это уже проходили. И ты, и я были у истоков фермерского движения. Помнишь, в конце 90-х многие стали фермерами, позарившись на «силаевский миллиард». Кстати, ты тогда получила ли от него?

– Нет, конечно, даже не пыталась.

– Я тоже, а интересное и трудное время было тогда. В колхозе жизнь замерла, мизерную зарплату задерживали, даже детей кормить нечем было, а ты ведь знаешь: у меня их трое, в ту пору были они мал мала меньше. Не от хорошей жизни тогда мы пошли в фермеры, – Надя замолчала, поддавшись воспоминаниям.

– Но ты ведь не жалеешь, что выбрала этот путь? – спросила я.

– Нет, ни минуты не жалела, что пошла своим путём. Ведь именно этот выбор помог мне стать той, кто я есть теперь, – в глазах Надежды блеснули слезы. Кто-кто, а я хорошо знаю, через что прошла моя подруга по дороге от фермера до директора современного перерабатывающего завода. Это были и непонима-

ние близких людей, и зависть, иногда недоброжелательность односельчан, иногда предательство своих же работников, частое безденежье, долгие бессонные ночи с думами о выходе из казалось бы безвыходных положений. Но она всегда находила выход. И не только для себя. Она тянула за собой, стремилась поднять до своего уровня. Она объединила нас, создав региональное отделение сельских женщин. Вот и сейчас я за советом и помощью обращаюсь именно к ней.

– Кажется, пора кончать с воспоминаниями, мы же приехали сюда за клюквой, вот и давай ее брать. Вон её сколько на кочках, а в корзинках у нас ещё мало, – Надя протёрла глаза и принялась за ягоды.

– Но, Надежда, мы с тобой не договорили, – взмолилась я.

– Да с тобой никогда не договоришь, ты сама не знаешь, чего хочешь. Вот сейчас ты говоришь о фермерах. Ведь, признайся, кто в конце 90-х годов пустился в это «свободное плавание» и выстоял тогда, только тот и работает сейчас. Возьми вот ваш (когда-то он был и моим) Котельничский район. В списке фермерских хозяйств числится вроде бы 58. Это в списке. А работает по-серьёзному кто? Я лично знаю тебя, Савковых да еще двух-трёх фермеров. Где остальные? Не видно и не слышно. Вот и надейся на вашего брата, – Надежде явно хотелось прекратить нашу производственную дискуссию и хоть немного отойти от «умных» бесед.

– Надя, я, как и ты, и даже лучше, понимаю, почему фермерство не оправдало надежд, не оправдало лозунг «Фермеры накормят страну», – я пыталась продолжить разговор, с которым так много связывала. – Я знаю, это тема большого производственного совещания и не в таком составе, как у нас среди клюквенного болота. Да и мало у нас сейчас времени, чтоб досконально разобраться, почему фермеры не стали главными производителями сельхозпродукции. Я никогда не скрывала, что создала свой хутор на выработанных торфяниках и занимаюсь производством вдали от населенных пунктов, асфальтированных дорог ничуть не хуже тех, кто хозяйствует рядом с цивилизацией. Многие экстремальные условия для хозяйки (то есть для меня), для моих животных оборачиваются жизнью на свободе. Они в большом

количестве потребляют естественный корм, наслаждаются свежим, чистым воздухом, пьют родниковую воду, – я «села на своего конька», выдавая минусы своей жизни за плюсы.

– Это у вас родниковая вода? Где эти родники? – ехидно спросила Надя.

– А ты наш магистральный канал видела? Ну, вдоль которого ко мне ехала? Так вот: это и не канал вовсе, а спрямлённая речка Тихая (потому и болото моё Тиховское), а берёт она своё начало от родника в начале болота. Вот так, – объяснила я Надежде.

– Опять мы куда-то от темы разговора уходим, – заметила моя собеседница.

– Ничего не уходим. Этим я хочу сказать, что если человек может наладить производство в условиях дна бывшего болота, на землях, которые официально обозвали бросовыми, то на обычных минеральных, ещё недавно пахотных землях сам Бог велел ему заниматься производством того, без чего человек не может существовать от рождения до самой смерти: продуктов питания или сырья для его производства. Нет ни одного государства в мире, кто был бы так богат землёй (матерью всякого богатства) и так беден (больше половины продовольствия Россия закупает в других странах). Даже картофель везём из Голландии, чеснок из Китая, о свинине и говорить не приходится. В ход идёт даже экзотическая кенгурятина. Да что мне тебе об этом говорить. Лучше меня ты это знаешь, – я чувствую, понимаю, что говорю слишком много, однако как усмирить боль, обиду за землю, которая брошена, но которая потенциально могла бы досыта накормить чуть не всех людей на планете, просто превратилась в территорию 17 млн 50 тысяч квадратных километров. Неуютная, необжитая эта территория простирается от Балтийского моря до Тихого океана. Почему Китай, только 1/10 территории которого пригодна для сельскохозяйственного производства, кормит своё более чем миллиардное население, да ещё экспортирует свои продукты в другие страны, в том числе и в Россию? Какого качества – другой разговор. Наверное, когда-то Столыпин Пётр Аркадьевич испытывал ту же боль, тот же стыд за безнравственность народа, захватившего шестую часть суши планеты и живущего на

крошечной территории. Нескромное, конечно, с моей стороны сравнение. Но, кажется мне, что власти России – и прошлые, и нынешние – особой боли и стыда по поводу бесплодия земли российской не испытывают. Иначе столыпинские реформы по заселению и освоению далёких от столиц земель не заглохли бы, и к теперешнему времени Россия не протягивала бы руку за низкосортными продуктами из всяких развитых и неразвитых стран. Кто-то из великих полководцев (кажется, Суворов А. В, точно не помню) сказал: «Кто не хочет кормить свою армию – будет кормить чужую». Точные слова. А почему бы не сказать: «Кто откажется от своего сельского хозяйства, тот будет поддерживать чужое и полностью от него зависеть». Вместо того, чтобы дать «зелёную улицу» своим отечественным продуктам, наше родное государство через своих высокопоставленных чиновников рыщет по всему миру в поисках чуть ли не продовольственных свалок, закупая по сходной цене залежалый товар, обеспечивая сытую жизнь заморским фермерам, ставя под угрозу существование отечественного сельского хозяйства. И, значит, здоровье и жизнь ныне живущих в России и будущих поколений.

Москвичи, питерцы, жители других российских мегаполисов, меньше половины продуктов, которые вы покупаете в своих супермаркетах, произведено российскими селянами. Большую часть продовольствия: будь то картошка, лук, чеснок, даже редиска, не говоря уже о говядине – вы несёте на свои кухни, не задумываясь, что, сделав свой выбор в пользу заморских товаров, лишили российского крестьянина возможности продать свой экологически чистый (как вы любите говорить) продукт, подорвали его бюджет, а может быть, заставили кого-то бросить своё любимое дело и перебраться к вам, в ваши и так переполненные городские джунгли. При этом вы ещё ругаете наше российское село, что оно спилось, заворовалось, не хочет работать и вынуждает горожанина покупать чужестранные продукты. Зря ругаете. Нашему крестьянину за его великие труды хотя бы вашу среднюю зарплату, кормил бы он вас самыми лучшими в мире продуктами и сам бы не влачил жалкое существование. Однако даже сейчас, когда нашего брата загнали в угол, есть в России чем на-

кормить горожан. Только разбросаны мы, разобщены, нет у нас возможности продать плоды своего труда по достойной цене. Возмутитесь же, перестаньте покупать и есть продукты с мировых свалок. Если о своем здоровье не думаете, подумайте о своих детях и внуках. Возможно, мировое сообщество давно зарится на наши бескрайние просторы и мечтает, чтобы на их синтетических продуктах взрастить в России поколение мутантов. И перестаньте ругать нас. А лучше скиньтесь на рефрижераторы да пустите их по провинции. Будет вам и свежее мясо, и отличные молочные продукты, и диетические яйца, свежайшие здоровые овощи, картофель, даже лесные грибы и ягоды по сходным ценам. Приезжайте хотя бы в нашу Кировскую область. У нас, между прочим, производство молочных и мясных продуктов из натурального сырья на высшем уровне, тем не менее, базы забиты импортными сырами, колбасами. Они, конечно, немного подешевле, чем продукты из натурального сырья, этим и привлекают нашего, в общем-то небогатого покупателя.

Обо всём этом я думала, отойдя от Надежды Павловны на какое-то расстояние, собирала ягоды в одиночестве. Недалеко, громко хлопая крыльями, приземлилась стая тетеревов. Они прилетели поклевать клюкву. Сергей негромко сказал:

– Эх, ружьё бы сейчас не помешало.

– Неужто бы рука поднялась на такую красоту? – оторвалась от своей кочки Надя.

– Да нет, конечно, это я просто так, пофантазировал.

– Надя, вам скоро домой ехать, мне – на своём хуторе оставаться, когда ещё снова увидимся. Давай доскажу тебе свои мысли, а ты уж решай, можешь ты меня поддержать или нет, – возобновила я незаконченный разговор.

– Ну что ж, давно пора, – Надя миролюбиво отставила корзинку и была готова слушать.

– В моих далеко идущих планах главная роль принадлежит тебе. Только ты со своей энергией, авторитетом, желанием поднять наше сельское хозяйство с колен можешь исполнить эту роль, – начала я.

– Да ладно уж льстить-то, подхалимка, – засмеялась Надя.

– Но, – продолжала я, – задача у нас, особенно у тебя, будет нелёгкая. Как ты уже поняла из предыдущего разговора, во главу угла я ставлю достойно высокую цену на продукцию, полученную в экологических условиях: будь то мясо, молоко, овощи, яйца, картофель. Вначале нужно будет определиться с рынком сбыта этой продукции: или открыть собственные магазины в своём областном центре, или найти выход в другие города. С одним условием: цена должна быть выше той, что нам предлагают перекупщики. Если цена нас будет устраивать, то не надо будет нам никаких дотаций, тем более что достаются они, как правило, тем, кто к чиновникам поближе, да и возможности у кого есть выбивать эти самые дотации.

– Какая бы цена тебя устраивала, ну хотя бы за мясо? – это был очень важный вопрос. Отвечать на него сложно, но нужно. Ведь именно высокая цена и надёжность сбыта продукции были главными в моем «проекте». Я немножко собралась с мыслями, прикинула в уме: если мы сейчас за килограмм свинины от перекупщиков получаем 110–120 рублей, за килограмм говядины и того меньше, то новая цена должна быть гораздо выше, тем более цены на всё остальное растут непредсказуемо быстро. Да и тем более, что речь-то идёт об «экопродукте». И я назвала совсем даже не фантастическую цифру, а более чем скромную:

– За килограмм свинины я бы хотела иметь 200–210 рублей. Надя улыбнулась, но ничего не ответила.

– Дальше. У тебя есть определённый круг хозяйств, частников, которые сотрудничают с тобой, а также кто не сотрудничает пока, но при определённых условиях мог бы. С каждым из потенциальных членов нашего кооператива (назовём так нашу группу) обговорить: что могут они поставлять в кооператив на продажу, какая помощь нужна. Я думаю, что большинство из участников нашего объединения захочет увеличить поголовье своих животных, увеличить площади под посадки картофеля, посевы овощей и т. д. Кто-то захочет отремонтировать свои дворы, построить новые, купить технику. Да мало ли чего нужно хозяину, если он увидит перспективу своей деятельности. А чтобы не делать это всё индивидуально, нужно начать это будущее,

я надеюсь, выгодное сотрудничество, с праздничного собрания с богатым застольем, ты, кстати, как никто умеешь это организовывать. Пусть всё будет непринуждённо. Пусть будут деловые беседы, пусть будет обсуждение и принятие устава кооператива, пусть будет сбор членских взносов с тех, кто уже решил стать членом нашего кредитного кооператива, пусть будет красочно расписано будущее нашего успешного сотрудничества. А я его представляю таким. Если перед этим праздничным крещением нашей, пока ещё небольшой общины, ты организуешь сбыт экологически чистой продукции, мы сразу же будем сдавать её тебе. Может быть, пока мы не будем загружать разными видами того, что может производить свободный хозяин своими руками на своей земле. Пусть пока это будет только мясо сельскохозяйственных животных. Чуть попозднее, когда твоё предприятие начнёт работать в новом режиме, мы будем продавать тебе всё то, что вырастим и соберём своими руками, вплоть до грибов и ягод. А у тебя будет свой отдел, который заберёт у нас наш продукт, рассчитается с нами на месте, переработает, реализует нашу продукцию по своим ценам. Одновременно твой кредитный отдел нуждающимся выдаст кредит, организует его погашение за счёт сданного сырья или продуктов. Также я думаю, что наш кооператив может помогать своим членам с приобретением кормов, техники, скорее всего подержанной (новая очень дорогая и не по карману нашему брату), помочь нам какой-то ценной информацией. Для всего этого тебе, конечно, придётся открыть новый отдел, может, новый цех по переработке несвойственного для твоего завода сырья. Ваше предприятие не будет в убытке: в своих специализированных магазинах ваша фирма будет реализовывать продукты, выращенные на нашей вятской земле без применения химии, вредных добавок. Но, повторяю, по ценам, которые окупят наш труд и будут стимулировать увеличение производства продукции. При определённых условиях (прежде всего достойные цены) это увеличение может быть весьма значительным.

– Но ты же сама говорила, да и я это вижу, что частников становится всё меньше и меньше. Где же мы наберём столько про-

дукции, чтобы начать работу с новыми ценами, да и как определить, насколько у того или другого хозяина продукция лишена химии? – Надя явно сомневалась в моей затее. Но ведь я ещё не всё сказала ей.

– Конечно, и частник может запереть, да и запирает, своих животных в тесные клетушки, лишает их зелёной травы летом, кормит всякой гадостью. Но ты ведь можешь поставить условие: или чистая продукция или нет сбыта через наш кооператив, возможны даже анализы на всякие допинги. Что же касается количества продукта, то пока ещё можно закупить его, ещё год-два при таком равнодушии государства к отечественному производителю, и такой возможности не будет и никакая реанимация частного сектора не поможет. Пройдёт время, спохватятся власти, любые цены будут готовы заплатить, но, увы, не за что будет платить – как аукнется, так и откликнется – уйдёт частник с отечественного рынка. Коллективный же сектор давно экологически чистой продукции не производит, да и могут ли одни комплексы обеспечить мясом, молоком всё население России? Много ли их, этих комплексов, да и дорога с них продукция. Одно ското-место равно по цене однокомнатной квартире. Теперь при современной компьютеризации будет, наверное, ещё дороже. Да и главное, корма, которые всюду буквально под ногами, они ведь остаются невостребованными. Велика Россия, безгранична её эта кормовая база. А мы согнали животных под крыши, заперли в стойла и кормим «с руки». Вот главная задумка моя. Чтобы обеспечить работающее и неработающее население России здоровыми продуктами питания, надо обживать нашу огромную Россию, использовать то, что она совершенно бесплатно выращивает для нас. Всё ведь могут использовать животные: травы, кустарники, мхи – и передавать человеку в виде готового продукта – мяса, молока, яиц, шерсти и т. д. А люди до чего додумались: до беспастбищного содержания коров в летний период. Кормят круглый год сенажем, витамины – зелёные водоросли хлорелла. И оправданий круглогодичного тюремного содержания напридумывали: и овод-то животных не мучает, и пастухов содержать не надо, и много ещё разной чепухи. Кстати, преподносят как передовой

опыт. Зоотехник при этом усмехается: при таком содержании хвосты и рога для коров лишние. Надя, как специалист, скажи, такое содержание коров больше плюсов или минусов имеет?

– Да, слышала я о таком опыте, думаю, что хвалиться тут нечем, со временем коровы выродятся, двигаться не будут, а без движения достаточного, что за продукция, да и свежий зелёный корм, я думаю, не заменишь никакой хлореллой и никакими искусственными добавками. А дороговизна-то какая. Круглый год на заготовленных кормах держать скот, я думаю, – расточительство, какое трудно придумать, – Надя была, видимо, согласна со мной.

– А потом, Надюш, смотри, когда стадо пасётся на траве, оно же удобряет пастбище, где-то я читала: стадо в 100 голов ежедневно удобряет один гектар выпаса. Если же мы оставили пастбища без пастьбы, сколько же химических подкормок лишних потребуется: опять экологическое звено выпадает. У меня в хозяйстве и поросята весь летний сезон на пастбищах и в лесу. И ведь целый день что-то едят, роются, выбирают коренья, просто землю едят. Значит, нужно им это всё. А запри-ка их, корми с выдачи, сколько бы лишних кормов нужно было, да и рабочий один за стадом в 200–300 разновозрастных поросят и полусотней КРС ну никак бы не управился, а химии-то сколько пришлось бы скормить.

Наш затянувшийся разговор прервал Сергей. Он подошёл к нам и пригласил на обед: «Стол накрыт». Мы пошли за ним и ахнули: на небольшом ровненьком участке красовалась скатерть-самобранка. Чего только тут не было: разные колбасы, всякие мясные деликатесы, были тут и свежий творог со сливками, свежий хлеб и много-много другой вкуснятины. Всё это привезла с собой Надежда Павловна. Я только захватила творог и сливки, которые моя подруга обожала, да ещё были засолённые мною чёрные грузди: в моём лесу при желании их можно собрать осенью сколько угодно. Мы с аппетитом набросились на все эти деликатесы. Надежда ценит моё мнение и просит продегустировать разные виды колбас, которые она привезла именно с этой целью. Приятно быть дегустатором такой вкусной продукции, осо-

бенно с Надиного завода. Надежда отменный технолог сама и специалистов на своё производство находит знающих, талантливых, под стать себе. Кроме того, она очень часто бывает на симпозиумах, семинарах, конференциях не только в России, но и в других странах. Отовсюду привозит крупицы опыта, которые вкрапляет в своё производство.

Сырьё для своей вкуснейшей продукции она принимает от владельцев личных подворий, от нашего брата-фермера. Это, конечно, натуральное мясо, выращенное без всяких стимуляторов роста, без множества прививок. Ведь не секрет, что на крупных животноводческих комплексах животных с раннего возраста пичкают разными антибиотиками и химическими препаратами, да и корма используют с различными биодобавками. Об использовании натуральных зелёных кормов в свиноводстве, птицеводстве нет и речи. Так что продукция фирмы ЗАО «Колбасный завод Холманских» не только вкусна, но и экологически чиста. «Дегустация» закончилась. Надя записала в журнале (Сергей предусмотрительно прихватил его с собой из машины) наши с водителем оценки различных видов колбас и деликатесов, и мы принялись уничтожать вкуснятину со скатерти-самобранки. Особенным пикантным вкусом отличались колбаски из мяса дичи: лося и кабана. На заводе только что освоили выпуск этих деликатесов и даже получили сертификаты. Вдруг Надежда Павловна что-то вспомнила и обратилась к Сергею:

– Сходи, пожалуйста, к машине, там на заднем сиденье коробка, принеси её сюда.

– Ну, – думаю, – коробки какие-то на болото тащить, зачем?

Сергей скоро вернулся, неся в руках довольно увесистую коробку, запечатанную скотчем. Он, похоже, даже не знал, что в ней. Надя рассмеялась:

– А ну, угадайте, что тут?» Мы перечисляли всякую ерунду, а Надежда взяла нож, разрезала скотч и открыла коробку. Сверху лежала тетрадь, а под нею множество пластиковых коробочек с плавлеными сырами.

– Вот вам сюрприз. Садитесь-ка, будем продолжать дегустацию. Татьяна Васильевна послала, просила оценить вкус «Ломтика сол-

нца». Да что я вам объясняю. Сейчас попробуем и оценим. Татьяна Васильевна сама хотела поехать за клюквой, да где там. Столько дел на производстве навалилось. Она же только позавчера из Египта приехала. Целых две недели отдыхала там с мужем.

Надя говорила и деловито раскладывала сыры на нашей «самобранке», на ней даже места не хватило. Мы пробовали сыры, отмечали в журнале наши впечатления от радуги вкусов, цвета, оформлений. Очень полезная, на любой вкус продукция из натурального молока.

– Три года назад, – говорит Надежда, – завод «Янтарь» выпускал всего 6 видов сыров. Сейчас же – 26 различных сыров: твёрдых, плавленых, колбасных. С разными добавками: грибами, перцем, шоколадом… «Давайте пробуйте и записывайте оценки в журнал, – Надя первая начала дегустацию продукции «Ломтика солнца». Я, признаюсь, к плавленым сырам была равнодушна: вспоминаются прежние, похожие на пластилин сырки «Дружба». Попробовав, однако, «Перчинку», «Волну» и другие, я круто сменила своё мнение о сырах, и теперь Олег будет часто привозить мне деликатесы от «Янтаря».

На болоте за сбором ягод, разговорами, дегустацией время пролетело незаметно. Пора было возвращаться. Моим гостям еще 200 км добираться до Кирова, у меня тоже работа до позднего вечера. Подъехали к дому. Осеннее солнце светило вовсю. Берёзы, окружавшие мой хутор, еще не сбросили золото листвы, изумрудная трава… И на фоне всей этой красоты – моё великолепное стадо. Коровы, телята только что пришли с сочной отавы, поросята спокойно паслись на траве. Идиллия, да и только…

Надя смотрела на эту красоту и, не скрывая своего восхищения, сказала:

– Здорово у тебя тут. Животные твои, как на картинке. Чистые, упитанные. О таком стаде можно мечтать любому фермеру. Сколько их у тебя?

– Знаешь, Надя, я сама смотрю на них с восхищением. Лучше вроде и желать нечего. Стадо КРС – почти полсотни, поросят – около двухсот. Все здоровенькие, живут на свободе, не знают ни уколов, ни прививок, ни химических добавок. Всё натуральное.

Хорошо. А как возьму да пересчитаю на современные цены всё, что мы можем от них получить вот так сразу, реализовав стадо, получается, что больше чем 1200 000 рублей мои красавцы не стоят. Я этому стаду 16 лет жизни отдала, ну и травам своим, конечно. И что же, все эти животные, ты сама видишь, прекрасные животные, стоят столько же, сколько полугодовое «вознаграждение» одного министра или госдумца? Надя, где справедливость?

– Ну, опять ты за своё, – как будто даже обиделась подруга.

– Ну, конечно, – не унималась я, – у них там – масштабы: вся великая Россия, но добро бы эта Россия и её ресурсы были под неусыпным оком, а то кругом запустение, разбазаривание, разворовывание.

– Слушай, нам надо уезжать. Когда мы ещё к тебе попадём, нельзя же на такой ноте прощаться. Скажи всё-таки, как тебе тут живётся? Несмотря ни на что.

– Конечно, сейчас что-нибудь менять поздно, да я бы и раньше не желала себе другой жизни. Я люблю свою землю, своих животных. Я знаю, что я нужна им, я знаю, что всё это без меня никто не сохранит. Так что пока жива, буду доказывать, что и «один в поле воин». Да я и не совсем одна. И ещё: где бы я смогла дышать таким воздухом, видеть ежедневно, ежечасно такую красоту? Так что, Наденька, прошу, не жалей меня, а лучше по-хорошему позавидуй.

Надя рассмеялась, чмокнула меня в щеку, села в машину.

– Всё, о чем мы с тобой говорили, не забуду, а создание кооператива, я думаю, у нас получится. До свидания, звони.

Сергей отогнал столпившихся у машины поросят, посигналив им, помахал мне, и «Мицубиси» плавно покатила по мягкой торфяной дороге. Собаки недалеко проводили гостей и вернулись. Я смотрела вслед. Комок подкатывал к горлу, слёзы душили меня. А поросята тыкались в мои руки, ноги пятачками, подошли телята и, облизывая мою куртку, наступая на ноги, заглядывали в глаза и как будто говорили: «Не плачь, мы же с тобой». Мне стало смешно и весело. Минутная слабость сменилась деловитостью. Нужно идти доить коров: вон они стоят за электроизгородью, ждут, дескать, задержи-

ваешься, хозяйка. Потом я переработаю молоко, а там – вечер у телевизора или с книгой в руках. И нет в моей жизни никакой скуки, и нет никакого одиночества. Это в городских квартирах людям бывает тоскливо и одиноко. А я на своей земле, со своими животными, мне некогда скучать, вокруг меня понятная добрая жизнь. А слёзы…. Это так, минутная слабость…

А ПОМНИШЬ?..

29 октября 2008 года

Прочитала в областной газете: под залог имущества сельхозпредприятия для строительства комплекса на 400 коров выделяется кредит 150 миллионов рублей. Дойное стадо будут обслуживать две доярки, третья – подменная. Председатель колхоза говорит, что средства по кредиту заканчиваются, а до окончания строительства ещё далеко.

Дорогой комплекс получается. Даже если его сооружение потребует 150 миллионов (на самом деле гораздо больше), то одно ското-место будет стоить 375 000 рублей. Для сравнения: у нас в посёлке двухкомнатную квартиру можно купить за 30 000 рублей.

Будем считать дальше. Среднегодовая цена молока сейчас около 10 000 за тонну. Значит, чтобы оправдать стоимость строительства своей «квартиры», корова должна надоить 37 тонн молока. Предположим, что корова надоит 5000 кг молока (это немало). Получается, что только за 7 лет лактации окупятся затраты на строительство коровника-дворца.

Видимо, комплекс будет обеспечен компьютерами и прочими современными «наворотами». Скорее всего, в условиях обычного сельхозпредприятия, которое под строительство заложило все основные средства, проработает эта вся кибернетика не очень-то долго. Помните, какие дворы строили в конце 70-х годов и во что они превратились за 10–15 лет?

Получается, что за всю свою жизнь корова не сможет оправдать молоком своего жилья. Тем более что в условиях современного комплекса жизнь коровы (особенно высокопродуктивной) коротка, 4–5 лет лактации, не больше.

Да и сам факт, что обслуживать коров будут всего 3 доярки,

не очень то положительный: в современных сёлах – безработица; до чего дожили: каждый третий трудоспособный селянин не имеет постоянной работы.

Строит человек для животных жильё: с высокими потолками, просторное, чуть ли не покрытыми кафелем стенами. Красиво тут, уютно… Кому? Прежде всего, тем, кто тут работает. Людям, которые проводят тут не так уж много времени. А коров, которые тут чуть не круглый год вынуждены стоять прикованными цепями к кормушкам, кто-нибудь спросил? Нет, конечно. 20 лет я занимаюсь выращиванием крупного рогатого скота. 20 лет коровы и телята находятся на свободе. Зимою – около двора среди рулонов сена, летом – на пастбище, обнесённом электроизгородью. Коровы приходят на дойку и снова отправляются на волю. Лишь в морозные ночи, когда температура ниже минус 30, с трудом (потому что не идут) загоняем во двор. За все эти годы был только один случай обморожения вымени (и то только по моей вине), не было ни одного случая простудных заболеваний, болезней ног.

16 ноября 2008 года, воскресенье

Погода уже не осенняя, но пока и не зимняя. Вчера замёрзла земля, сегодня оттаяла, и с утра мокрый снег.

Включила днём телевизор. По российскому каналу идёт «Парламентский час». И, как ни странно (редко это бывает), с трибуны говорят об отечественном сельском хозяйстве. Если раньше словосочетание «продовольственная безопасность» было вне закона, то теперь каждый, кто «печётся» о российском селе, с высоких трибун считает своим долгом сообщить соотечественникам, что только половина потребляемого в стране продовольствия производится на ее необъятных просторах. Вторая половина выращена и произведена на чужой земле. Докладчик напомнил, что 40% чернозёмов мира сосредоточено в нашей России. Тем не менее, треть пашен заброшена и поголовье скота за последние десять лет сокращено наполовину. И сокращение это продолжает увеличиваться.

Ещё было отмечено, что Соединённые Штаты Америки «спонсируют» своих фермеров из расчёта 300 долларов на гектар пашни. У нас же в России систему продовольственной безопасности надо выстраивать с нуля.

Вот ведь как оказывается, всё у нас есть: и президент, и Госдума, и целые армии высокопоставленных и высокооплачиваемых чиновников… Есть также много «плакальщиков» о судьбе российской деревни. Они много лет подряд говорят и пишут одно и то же. Только «воз и ныне там». А если и движется, то не вперёд.

Земля оказалась ненужной:
Вот какие пришли времена.
Сенокос зарастает бурьяном,
И кустами ершатся поля.

Сиротливо земле, неуютно,
Осталась она не у дел.
Ждёт – не дождётся –
Хозяин вернётся…
Или такое забвенье
Еще не предел?

Кто виноват –
Умирают деревни,
Кто виноват –
Сиротеет земля,
Кто виноват,
Что **такая** Россия
Годами не кормит себя?

Заграница «поможет»:
Заграница оденет,
Обеспечит едой и питьём.
И как гости –
Незваные гости,
На земле своих предков живём.

Города, города, города…
Полнится вами планета.
Только пустеет земля вокруг вас,
Разве правильно это?

Как же сможешь ты жить, человек,
Без силы земли кормящей,
Когда же услышишь ты крик её
О пощаде, спасенье молящий?

13 декабря 2008 года.

Странное, необыкновенное начало зимы. Чуть не половина декабря прошла, а не было ещё настоящего снега, холодов. Сегодня утром наконец-то замёрзла грязь: – 4°. А снега нет.

Ну и пусть промёрзнет земля, тогда снег выпадет и до весны не стает. Зима без снега и не зима вовсе. После бесснежной зимы (как правило) жди неурожая. Люди обычно в урожайные годы считают, что это их заслуга, в неурожайные – винят погоду. Вот и нынче: в России невиданно высокий урожай зерна собран, аж 102 миллиона тонн.

К обеду появились на моём болоте гости. Из соседнего района приехала знакомая с мужем. Она – главный агроном колхоза. Он – колхозный механик. Удивилась я нежданным гостям: как умудрились проехать на «уазике», даже Олег сейчас ездит в посёлок на тракторе, по пути привозит рулоны сена. Дана с Багирой дружелюбно встретили гостей, однако дальше калитки не пустили. Я в это время была во дворе – кормила юных телят. Нина Васильевна была несколько лет назад в моём «Журавлике» на встрече сельских женщин, дорогу ко мне запомнила.

– Давно, – она говорит, – я собиралась к вам, мужу о вас рассказывала и искала повода, чтобы побывать снова в вашем хозяйстве.

– Ну и время выбрали. А если бы забуксовали? Олега сегодня нет, кто бы стал вызволять из нашей грязи?

Муж Николай смеется:

– Моя машина и не такую грязь видала, выдалось время, вот и поехали к вам. Мне Нина все уши прожужжала: поедем да поедем к Макаровой. А тут хряка своего забили, вот и приехали к вам. Может найдется для нас хрячок. Нравятся Нине ваши поросята.

– Я вам удивляюсь: за такие вёрсты едете, хотя бы позвонили предварительно, – ворчу я на гостей, сама же очень рада, что хоть кто-то помнит обо мне.

– Да не у кого нам узнать ваш телефон, вот сейчас скажите, запишем и уж в следующий раз приедем только по приглашению, – смеётся Нина Васильевна. Она приносит из машины коробку конфет, печенье.

– Хрячка я вам, конечно, продам. Мы порядочно оставили для таких целей самых хороших дюрочков. Сейчас пообедаем, поговорим. А потом отберём самого-самого.

– И ещё хозяйство покажите, – просит Николай.

– Да уж покажу, притом с удовольствием, – обещаю я, разливая чай в новые красивые чашки – подарок Надежды Павловны.

– Раз приехали за хрячком, значит, свиноводством занялись, фермерами стали? – спрашиваю.

– Нет, по-прежнему работаю в колхозе главным агрономом. А поросят держим, они нам выжить позволяют. Сейчас вот трёх свиноматок оставим, девятимесячных уберём, когда морозы начнутся, еще корову держим, тёлку, бычка, – рассказывает Нина Васильевна.

– Если бы не своё подсобное хозяйство, нам бы и не прожить, и детей не поднять. Их у нас трое. Старший вон в Москву на журналиста собрался поступать после школы, последний год учится, – продолжил Николай рассказ жены.

– У вас в селе средняя школа? – спрашиваю.

– Была средняя позапрошлый год, сейчас девять классов. Младшие, двойняшки, через два года тоже в райцентр поедут, как Серёжка. На квартире живёт, знаете, сколько денег надо. На выходной только да на каникулы домой приезжает. И младших это тоже ждёт. Они от дома отвыкают, мы по ним скучаем. Сколько раз собирались куда-нибудь уехать, да куда уедешь? Где мы нужны? Да и места родные бросать… Как подумаешь, сердце кровью обливается.

Я слушаю Нинин рассказ, накладываю в тарелки пельмени, подливаю чай гостям. Мне всегда интересно, как живут люди в провинции, с удовольствием слушаю их рассказы. Не узнать об этом ни по радио, ни с экрана телевизора.

– Как колхоз-то поживает? Я ведь была у вас, когда ещё в зональном институте работала. Давно это было, ещё в 80-е, – инте-

ресуюсь хозяйством, которое в те годы считалось передовым.

Нина Васильевна вздыхает:

– Ничего не осталось от прежнего процветания. Разваливается наш колхоз. Работать некому, техника старая, дворы рушатся. Председателю ни до чего и дела нет, знай какие-то сделки совершает да пьянствует. С чем бы ни обратились к нему, ответ готов: «Можете увольняться». А куда идти, если уволишься? Ничего, на пенсию выйдем, тогда полностью своим хозяйством займёмся.

– Далеко вам до пенсии, ещё детей на ноги не подняли, – говорю им.

– Конечно, сейчас только о них и мысли. Вот и приходится: днём на работе, утром пораньше да вечерами со скотиной управляешься. На зарплату не проживёшь, – Николай тоже в разговор включается.

– Как кризис-то мировой переживаете, вон как все всполошились – на нефть цены упали, аж до 8 рублей за литр, – интересуюсь я.

– Ага, двух месяцев ещё не живёт страна в кризисе, а уж сколько бед: и людей увольняют, и предприятия закрываются, и зарплаты задерживают. А как мы, колхозники, всю жизнь в кризисе живём, до нас никому дела нет, – говорит Нина Васильевна.

– Как это? – спрашиваю, хотя отлично понимаю, о чём говорит агроном.

– Да так, что за нашу продукцию: молоко, мясо – платят гроши. За молоко высшего качества получаем всего семь рублей 40 копеек за литр, за мясо высшей упитанности 90 рублей за кг, за зерно – 4 рубля за кг.

Для меня цифры, названные Ниной Васильевной, были неожиданны. Мясо мы всё-таки подороже продаём, по 90 рублей продавали полтора года тому назад.

– Это что же получается, – прикидываю я, – солярка сейчас стоит 23 рубля 80 копеек литр. Значит, за бочку её надо продать молокозаводу 680 литров молока, или сдать мясокомбинату 53 килограмма мяса, или 1190 кг зерна.

Меня сильно поразили эти цифры. Я знаю, как нелегко достаётся и зерно, и молоко, и мясо. В восьмидесятые годы солярка

стоила 6 копеек литр, молоко сдавали по 12 копеек за литр, мясо по 1 рублю 80 копеек. Значит, за бочку солярки нужно было продать всего 100 литров молока или всего 6 килограммов 600 граммов мяса. А ведь и в те годы кормильцы Страны Советов богачами не были. Потому что как сейчас, так и тогда газировка стоила дороже молока…

– Вы-то куда молоко своё деваете? Сомневаюсь, что по вашей дороге его можно увезти, – интересуется Николай. Отвечаю:

– До нынешнего года молоко от своих коров я выпаивала поросятам и телятам. Хотя коровы мои доят очень даже неплохо. Но цельное молоко из-за бездорожья сдавать нет возможности. Вот и выливали примерно 40 тонн в год прекрасного продукта в кормушки. Нынче нашли с Олегом в Интернете адрес покупателей казеина. И теперь делаю продукцию, которую раз в месяц увозят от нас далеко-далеко. Невелики деньги получаем оттуда, но всё-таки наше молоко идёт в дело. У нас остается только молочная сыворотка, которую выпаиваем молодняку.

Я чувствую, что мы много могли бы рассказать друг другу. Жаль, времени для общения мало. Дни сейчас короткие, вот-вот темнеть начнёт. А нам надо ещё хрячка выбирать, да и ехать им неблизко. А поговорить по делу хотелось бы. Редко приходится мне видеть коллег, а тем более делиться с ними своим мнением. И я предложила гостям:

– Может, заночуете на моём хуторе? Вечерние дела сделаю, разговор продолжим, а завтра хозяйство посмотрите, хрячка подберём, и по светлу домой уедете. А то скоро темно будет, забуксуете ещё, а?

Даже не думала, что так легко согласятся.

– А давай, Нина, послушаем хозяйку. Дома Серёжка все дела сделает.

Нина согласилась.

– Ой, как хорошо, – обрадовалась я. – Тогда иду во двор, пораньше подою, молоко переработаю, и вечер наш. А вы, Ниночка, без меня можете ужином заняться.

Показала, где взять продукты, посуду, воду, взяла вёдра и пошла к своим коровам. За ужином разговор продолжился. Мож-

но не смотреть на часы, не надо никуда спешить, можно просто разговаривать. Не досужие, не праздные, не надуманные темы затрагивали мы. Посвятившие свою жизнь служению земле, мы пытались хотя бы для себя ответить на вопросы, которые ставила жизнь. На проблемы села разные люди смотрят по-разному. И решения проблем предлагают разные. В начале ноября в мои руки попала газета «Аргументы и факты» № 44. Кой-что меня в ней заинтересовало. Отложила газету. Сейчас она пригодилась. Предложила гостям прочитать материал писателя Бориса Екимова «Есть хлеб, вода, и нет войны! Для России это главное. Остальное наладится». Вот отрывки из статьи: «Жить во времена перемен тяжко – это всем ясно. Человек должен к чему-то привыкнуть.

Сейчас же всё поломалось: трактористы не нужны, доярки не нужны. И бегут люди с хуторов – на вахту, на Север, на юг, в Москву, в Питер, чтобы хоть как-то заработать. Им очень трудно! И это нестрашно, потому что идёт привыкание. А через 300 лет у нас всё будет хорошо. Как в Швейцарии!

– А почему нужно так долго ждать?

Когда меня спрашивают, когда это кончится, я отвечаю: не скоро. А тем, кто чуть-чуть соображает, поясню: через 370 лет. Мы сейчас пошли по европейскому пути развития. Так? Вот и давайте посмотрим, в каком году появились университеты в Европе и у нас. Ведь возникали они не потому, что какой-то император захотел иметь у себя университет, а потому что это была осознанная необходимость общества. У нас университеты появились на 300 лет позже, чем в Европе. Потому мы должны теперь пройти этот путь длиной в 300 лет – скачков, к сожалению, не бывает. А к этим 300 годам я прибавлю еще 70 лет, что мы шли в другую сторону – сторону социализма. Что делать? Историю быстрее идти не заставишь. Пускать всё на самотёк нельзя. Когда бензин прыгает выше потолка так, что пахать становится нельзя. Когда вдруг оказывается, что незачем выращивать скотину, потому что молоко получается дешевле воды газированной? Ну как им было не развалиться, колхозам? Конечно, развалились. И виновато в этом правительство. Потому что в доме

виновата не старая бабка, которая у порога сидит, и не мальчонка, а всегда только хозяин. Если ты берёшь на себя руководство страной, то должен соображать, что власть означает не только поездки на дорогих машинах в сопровождении эскорта. Тут ещё и думать надо. А вот у наших руководителей ответственности за судьбы страны и народа не оказалось, ума не хватило.

Почему-то мы все понятие счастья свели к физиологии – сытость, комфорт. Но для человека не сытость важна. Что, он корова или бык, которого накорми – и всё, он хвост откинул – и в сторону?! Нет, у человека, у ребёнка есть душа, есть голова. Дети – они изначально честны. Им ничего не нужно, кроме любви. Жизнь прекрасна! Хлеб есть сейчас, вода есть, войны бывают редко. Так давайте жить! И потихонечку все наладится. Но – через 370 лет!»

– Чего ж это мы с вами головы ломаем о судьбе нашего села? Вон как оказывается всё просто: надо только 370 лет подождать, и все само собой наладится, – говорю я. – Только почему это Екимов не учёл, что в космос-то первыми прорвались русские, а не европейцы, у которых университеты появились на 300 лет раньше? А земледелие и скотоводство появилось всюду задолго до университетов. Как вам такой оригинальный взгляд на тему нашего разговора?

– Ерунда какая-то, – делает вывод Николай, – ждать он предлагает 370 лет, да за это время сколько раз вымереть можно, и как такую ерунду печатают.

И ещё в этом же номере «АиФ» я прочитала материал: «Кривая роста депутатского благополучия».

Министр, а значит, и депутат Госдумы должен получать месячное вознаграждение в размере 32,6 тыс. рублей. Но к этому положено ежемесячное денежное поощрение в размере 3,9 вознаграждения. То есть всего около 160 000 рублей. Плюс ежеквартальное поощрение в размере одного месячного вознаграждения. Чуть больше получают вице-премьеры.

А вот выплаты губернаторам по закону о государственной гражданской службе РФ устанавливают власти самого региона через годовой бюджет. В результате в месяц у губернатора Сверд-

ловской области выходит 250 000 рублей, Пермского края – 117 000, Хабаровского края – 210 000 рублей, Курской области – 176 000 рублей, мэра Москвы – около 550 000, губернатора Красноярского края – 153 000 рублей и т. д.

– Нина Васильевна, а вы сколько получаете в колхозе, вы же главный агроном? – спрашиваю.

– И главный, и единственный, – улыбается гостья. - А зарплата моя аж четыре с половиной тысячи, в год со всеми премиями получилось целых пятьдесят пять тысяч. Пять лет тому назад и то больше получалось, в месяц по 7–8 тысяч выходило. Так что, видите, цены растут, зарплата падает.

– Кстати, я недавно с главой одного района по телефону разговаривала, у них средняя зарплата сельхозработников четыре с половиной тысячи. Так что не одни вы такие «богатые», – я знала, какие «пособия» получают работники современных хозяйств нашей глубинки, и не только вятской.

Мы с Ниной Васильевной убирали со стола и готовились к чаепитию. Николай зачем-то попросил бумагу, ручку, калькулятор. Заполучив это, уселся в уголок с «АиФ». Вижу, за голову схватился.

– Нина, ну-ка скажи, сколько мы зерна нынче собрали?

– Семьсот тонн, – отвечает Нина Васильевна.

– Молока сколько надоили?

– За 11 месяцев 326 тонн. Ты чего мне экзамен устраиваешь? – возмутилась Нина.

– Я чего спрашиваю, – говорит Николай, – посчитал вот и выходит: по колхозным ценам каждый депутат на своё годовое «пособие» должен был сдать 342 тонны молока (это от 86 коров с удоем 4 тонны), или 600 тонн зерна, или 27 тонн мяса (135 быков высшей упитанности). Значит, молока наш колхоз на зарплату одного депутата не надоил. А вот с зерном вы молодцы – уложились. Слушай, Нина, пересчитай, не ошибся ли я.

Нина Васильевна взяла калькулятор, пересчитала: «Всё верно, расчёты-то простые.

– Да хватит чужие деньги считать, – говорю я, – давайте чай пить.

Лучше бы не читать этих ненормальных цифр в «АиФ», луч-

ше бы верить хоть в какую-то справедливость. Я не завидую чужим доходам, считаю, что богат не тот, у кого много, а тот, кому хватает.

Однако властные чиновники живут в каком-то другом, виртуальном мире. Зная, что сытый голодного не разумеет, они, кажется, совсем не знают, в какой бедности живёт российская провинция. Хотя бы месяц попробовали сами просуществовать на «прожиточный минимум» сельских учителей, медиков, агрономов, механиков…

– Конечно, – говорит Нина Васильевна, – с такими закупочными ценами богатыми, как ни работай, не станем. Взять хотя бы молоко, это наш основной продукт. Сдали мы его по 7 рублей за литр молокозаводу. Там ему дали базисную жирность – убрали из него 2% жира, получив с каждой тонны 20 кг масла. Покупатель же за нормализованное молоко платит 25 рублей за литр. То же самое с мясом: сдаём по 90 рублей за килограмм, в магазине – дешевле 200 рублей за килограмм не купишь, с зерном та же история: продаем по 4 рубля, буханку хлеба по 20 рублей покупаем. Кого кормит колхозник? Перекупщиков, переработчиков, торговлю.

– Выход-то какой? – спрашиваю. – Как таким положением на селе последнюю молодёжь не вспугнуть, они ведь будущие кормильцы России?

– Чтоб как-то дать развиться селу, нужно увеличить закупочные цены, – Николай оторвался от душистого чая. – Например, цену на молоко приравнять к стоимости солярки, также по мясу, по зерну – разумную пропорцию соблюсти. А то что же: один раз трактор топливом заправить – и сдать за это больше тонны зерна, или 680 литров молока, или 53 кг мяса… Да тут хоть как работай, на одно топливо не заработаешь.

Я спрашиваю:

– Сейчас называются огромные суммы денег, которые выделяют селу в виде дотаций. Что, этот вариант не устраивает?

– Дотации, – говорит Нина Васильевна, – это хорошо. Только всегда неясно: будут они или нет. И дают их под что-то: под удобрение, под технику, под горючее. А где же под нашу жизнь? Да и потом, эти дотации ведь выделяются и распределяются чиновни-

ками. И где гарантия, что на разных этажах распределителей эти большие суммы не уменьшатся в несколько раз. Да и не стимулируют производство эти дотации. Получается, чем больше ты израсходовал электроэнергии, горючего, кормов и т. д., тем больше получишь дотационных денег. А если бы за продукцию платили достойную цену, хозяева, то есть мы, сами бы знали, как распределить полученные деньги. Если бы ещё снизили цены (до разумного) на топливо, электроэнергию, минеральные удобрения.

Я удивляюсь:

– Но ведь установить справедливые цены несложно. Мне кажется, при нашем-то мощном законодательном механизме это бы в несколько чтений можно решить.

Николай быстро нашел ответ:

– Ага, а целая армия выделителей, да распределителей, да «иже с ними» чем будет заниматься? Они-то со своими хлебными местами вряд ли расстанутся. Да если хозяйство по справедливой достойной цене продаст свою продукцию и сможет распорядиться по своему усмотрению выручкой, так чиновников всяких немного потребуется. И все, кто получает дивиденды с нашего труда, немножко обеднеют. Вот и не пойдёт на такие простые реформы наше правительство. Не любит государство своих кормильцев. Оно всё больше чужих подкармливает.

– А я вот чего думаю, – говорю я, – разразившийся кризис много бед наделает. Но кое-что хорошего он должен сотворить. Вот пронесётся ураган. Он ведь не всё на своем пути сокрушит. Ну, сломает сухие ветки, вывернет деревья, у которых корни слабые, сорвёт рекламу… Короче, много ненужного посшибает. Так и кризис, наверное, заставит задуматься, что главное на земле, а что не очень. И уж крепкие-то корни, наверное, останутся, хотя многие листья облетят. Возможно, что в это, как все говорят, тяжёлое кризисное время в обществе поубавится трудоспособных и высокооплачиваемых нахлебников. Прибавится учителей, медиков, строителей, агрономов, трактористов. А, может быть, в далёких провинциях прибавится семей, которые своим трудом оживят оставленные предками земли. Дай-то Бог. Как вы об этом думаете?

– Всякое может случиться, – отзывается Николай, – не зря же говорят: всё, что ни делается, всё – к лучшему. Нельзя же жить только за счёт дарового богатства, я имею в виду нефть, тем более что её запасы всё, равно скоро иссякнут. Пора жить разумным трудом на земле-кормилице. У нас для этого всё есть.

Нина Васильевна в это время разглядывала мою небольшую библиотеку. В основном на полках книги по животноводству, агрономии, но немало и художественных. Нина взяла томик в красивой зелёной обложке с портретом Петра I, раскрыла и прочитала: «Вере Александровне Макаровой – вот пример настоящего человека! Дай Вам Бог удачи и здоровья!

Даниил Гранин, 2004 год».

– «Вечера с Петром Великим», от самого Гранина? – гостья удивлена.

– Да, – и я не скрываю гордости. – Вот ещё одна из последних книг Даниила Александровича «Жизнь не переделать», тоже с автографом и словами: «Вере Александровне – героической женщине! Сердечно, Д. Гранин». Конечно, обо мне он уж слишком хорошо сказал, но всё равно спасибо ему за то, что нашёл время прочитать мою книжку. «Записки фермера» попали к Даниилу Александровичу через его друга Василия Ивановича Кирова, который приезжал в наш район к своей дочери. В сельской библиотеке он наткнулся на «Записки». Что-то в них тронуло Василия Ивановича. Вот и получилось, что я стала обладательницей двух прекрасных книг современного классика.

Я прочитала «Вечера с Петром Великим» за два вечера. Обычно книги на исторические темы скучны и трудны для восприятия. Но эта… Неслучайно словами одного из своих героев Гранин говорит: «Увлекательная форма повествования бывает куда ценнее для науки, чем учёные трактаты».

Когда читала книгу, многое, что затронуло меня в личности великого царя, я отметила и теперь знакомила гостей с Петром I: «Феномен Петра заключался в его воле. Способных правителей в России было много, но воли им не хватало». «Он появился, как вулкан из подземных сил, накопленный веками русской дремоты». «По своей натуре он не «царь-плотник», он «царь-инженер».

Он естествоиспытатель! Именно наука – его сокровенное призвание. Отсюда всё остальное». «Такой инженерный талант впервые в истории оказался на троне. В первый и последний раз». «Слава царя в благополучии народа». Про Петра I: «…всюду он вмешивается, никому нет от него покоя… У него было оправдание – без поджогу дрова не горят. Было и другое – страна нуждалась в мастерах своего дела, прежде всего, в ремесленниках. Ремесло – кормилец, ремесло – вотчина, ремеслу – почёт». «Природа чиновника повсюду одна и та же. Устоять перед взяткой – всё зависит от размера взятки».

В сборнике «Жизнь не переделать» меня поразила автобиографическая повесть Гранина «Потерянное милосердие». Впрочем, повести, рассказы, романы Гранина не перескажешь, их просто надо читать и думать. Думать о прошлом и настоящем. Здесь всё так тесно связано. Нина и Николай пообещали, что постараются найти книги классика в библиотеке и прочтут их.

– Кстати, – говорит Нина Васильевна, – Валентина Петровна, наша библиотекарша, попросила у вас книжку «Лекарство от бедности» для сельской библиотеки. Подарите?

– Положите сразу в сумку, а то завтра забудем, – я подписываю и отдаю Нине четыре книги «Записок фермера», – отдадите также в школьную и районную библиотеки, себе возьмёте.

Николай разжёг камин, и теперь, удобно устроившись у огня, мы продолжаем говорить обо всём, что нам интересно. Среди книг Нина обнаружила несколько толстых пакетов с письмами.

– Можешь читать, – говорю, – письма не личные. Они пришли ко мне после выхода «Записок фермера».

Нина начала читать. Некоторые письма читала вслух, удивляясь: «Как будто сговорились: пишут об одном и том же, хотя из разных районов. Вот слушайте, пишет женщина: «Я сама уже на пенсии, сыну 19 лет, окончил училище, а работы в колхозе нет. Уезжать куда-то от меня он не хочет. Вот и отирается на безработице. Колхоз наш по уши в долгах, осталось несколько единиц техники, пилорама, несколько лошадей, около двух десятков свиноматок. Всё, больше ничего нет в колхозе, ах да, имеется сколь-

ко-то развалившейся недвижимости. В общем, в таких условиях требуется выжить, а как? Моя пенсия на сей день 760 рублей, а в колхозе уже более полугода ничего не платили. Вот лежала сегодня ночью и вспоминала о Вас. Прошу выслать мне книгу. Может, наберусь ума-разума и что-нибудь получится». Нина читает другие письма:

– Примерно одно и то же. Нет. Вот письмо от ваших коллег-фермеров: «Можете считать, что у Вас есть последователи и в Пермской области. Мы любим экспериментировать, использовать нетрадиционные приёмы, технологии в своей работе. О Вас мы узнали из газеты «Сельская жизнь». Были очень удивлены: вдвоём выращивать столько продукции. Решили написать Вам письмо и попросить выслать нам один экземпляр Вашей книги». Да, писем много, и все просят выслать книги. Неужели посылали?

– А как же, – говорю, – люди же от всей души благодарят за книгу, рассказывают о своём бедственном положении, просят помощи. Как им откажешь? Все просили прислать книгу наложенным платежом, а я посылала просто так. Кстати, самым трудным для меня в этом было – добраться до почты.

Почти полтиража книг я просто раздарила. И писем я тогда получила больше, чем за всю свою жизнь. Приятно быть хоть кому-то полезной.

Как огонёк на поленьях, наш разговор перескакивал с одной темы на другую. Заговорили о чуде XX века – компьютере. Я вспоминаю:

– В шестидесятые годы, когда ещё во всех конторах щёлкали счеты, грохотали «Быстрицы», стрекотали «Феликсы», мудрёное слово «компьютер» уже было на слуху. Поговаривали, что наступит время, когда всех бухгалтеров, экономистов, счетоводов на любом предприятии заменит один человек, который будет управлять компьютером. И боялись счётные работники этого монстра. Для них появление его значило потерю любимой работы. И вот свершилось. На смену примитивной счётной технике пришли компьютеры. Но на больших и малых предприятиях не уменьшилось число номенклатуры, не стало меньше чиновни-

ков, счётных работников. Короче, не стало меньше людей, которые своими руками ничего не производят. Однако остаётся только поражаться, как скоро фантастическое открытие науки вошло в производство и даже быт людей от мала до велика.

– Да, без компьютера теперь никуда, – говорит Николай, помешивая угли в камине. – Хорошо, что хоть в школе парни с ним занимаются, своего-то так и не смогли купить.

– В колхозе-то есть? – спрашиваю.

– Есть один в бухгалтерии, скорее дань моде, используют его бухгалтера только как принтер.

Разговор снова вернулся к производству. Спрашиваю гостей:

– Люди вы грамотные, нестарые ещё, не хотели бы фермерством заняться?

– Думали мы об этом, считали: нет, не сможем в одиночку большое дело сделать. А вот читал я об арендном подряде, расскажите нам его суть, – просит Николай.

– В 80-е годы начали внедрять арендный подряд. Тогда настоящие труженики в коллективы объединялись, работали на арендованной земле арендованной техникой. Таких результатов добивались! Вкалывали от зари до зари. Деньги зарабатывали за свой результат – раньше и не мечтали о таких. Только недолго это длилось, – вспомнила я, сколько шума, зависти было в те годы вокруг арендаторов. – Сельское хозяйство российское, если бы пошло по тому пути, сейчас бы совсем другим было.

– А вот что вы думаете, почему движение арендаторов так быстро угасло? – поинтересовалась Нина Васильевна.

– Я думаю, что главное в этом – элементарная зависть чиновников. Виданное ли дело: трактористы, доярки начали зарабатывать больше, чем руководители хозяйств. Да и не нужны при арендном подряде оказались разного рода руководители. Вот и испугалась номенклатура, что останется не у дел. А арендаторства огонёк тогда чуть теплился, и потушить его труда особого не составило. Условия договоров не стали выполняться, обговорённые в них выплаты арендаторам за произведённую продукцию задерживались, урезались. Тут ещё зависть и даже открытая злоба односельчан, которые не захотели или не смогли стать арендатора-

ми. В это же время грянул развал Союза, а потом пошли разваливаться и коллективные хозяйства, и не только они.

Пора было укладываться спать. Утром тихонько, чтоб не разбудить спящих гостей, ушла во двор. Приготовила аппарат, насыпала в кормушку для коров корма, открыла дверь, чтоб запустить коров для дойки… Перед открытой дверью на ещё не совсем устойчивых ножках стоял телёночек. Он был уже сухой. Затянула телёночка во двор, определила его в телячьей стайке, порадовалась: самостоятельный какой, как в тёмном пристрое дверь угадал. Да удивляться долго некогда – доить надо. Отелилась, значит, Лилия. Поджидала я её, да точно дату отёла не определила. Бычок родился. Кличку потом придумаю. Подоила коров. Унесли с рабочим в дом молоко для переработки. Гости мои давно проснулись и вовсю хозяйничали у плиты. Завтрак был готов, печка затоплена. За завтраком я рассказала о чудесном телёнке, который, едва родившись, нашел дорогу к дому.

– Загостились мы, однако, пора и честь знать, – пошутил Николай.

– Ну что ж, пошли смотреть хозяйство, – говорю я, – хотя чего его смотреть, всё на виду.

Одевшись, вышли из дома.

– Мы были у вас в 2002 году, очень многое изменилось, много вы понастроили, – заметила Нина Васильевна.

Мы пошли по территории хозяйства.

– Вот шесть больших загонов для свиноматок с поросятами. Кстати, часть из них с весны я засеяла подсолнечником (сама вывела сорт декоративного подсолнечника, назвала «Журавлик») и засадила топинамбуром. Осенью на эти посадки выпустили поросят-отъёмышей. То-то они полакомились. Вот колодец, а вот кормушка автоматическая для поросят, если будете фермерами, сделайте такую же, очень удобно.

Николай заинтересованно осмотрел строение, которое я назвала кормушкой. Построили мы её по моему проекту пять лет тому назад. Я обратила внимание «экскурсантов» на вновь построенные две секции дворов, новый пристрой к ним, большой загон, который объединил все строения нашего хозяйства. В нём

сейчас и бегали молодые свинки, кастраты и хрячки, одному из которых предстояла дальняя дорога. Мы прошли по дворам, где рабочий Валера заканчивал уборку. Николай о чём-то поговорил с ним и присоединился к нам с Ниной. Мы пошли к коровам, бычкам, тёлочкам и телятам. Но до этого полюбовались на маленьких теляток, особенно на новорождённого смельчака.

Коровы и взрослые телята стояли у рулонов сена и мирно жевали. Я познакомила Нину со своими рекордистками, которые 3–4 месяце после отёла дают по 20 литров. Вот Марта, телилась в сентябре, с отела месяца два доила по 25–28 литров, сейчас 18–20 литров даёт, Принцесса – отёл в октябре, сейчас доит по 22 литра. Сосенка тоже хорошая корова, Золушка, Зимушка...

– Есть, конечно, и средненькие. Но я выбраковываю коров только в крайнем случае. Жалею их.

Николай окликнул нас. Он, оказывается, стоял в загоне, любовался на снующих по нему молодых поросят и выбирал для своего хозяйства будущего хрячка – производителя:

– Выбрал, хозяйка, хряка. Давайте ловить будем.

Договорились о цене, с трудом поймали самого крупного и отчаянно визжавшего хрячка. Загрузили его в ящик, привезенный гостями.

Нина с Николаем поблагодарили за гостеприимство, и «уазик» по декабрьской грязи отбыл с моего хутора.

20 декабря 2008 г., пятница.

– Ну и холодина у тебя, – Ира поёживается и боится снимать шубу.

– Да ты что, – смотрю на градусник, – целых 5° С. Сейчас, подожди, включу калорифер, тепло будет.

Для меня такая температура привычна, даже до 0° С иногда утром опускается, а вот редким гостям, особенно городским, мой квартирный климат явно не нравится.

Наконец-то отогрелась моя гостья, сбросила шубу, но в пуховый платок кутаться не перестала.

– Как же давно мы с тобой не виделись, – помогая мне накрывать на стол, говорит Ирина, – лет 10, не меньше.

Мы смотрим друг на друга, и нет конца нашим воспоминани-

ям, в которых мы вернулись на 33 года назад, когда были соседями и когда у нас было так много общего. В то время я с Владиком и Олегом приехала жить в их дом. С Ирой мы подружились сразу. Она была заведующей детским садом, куда пошёл мой двухлетний Олежка. Её Костик был в этой же малышовой группе. Мне часто приходилось ездить в командировки, и поэтому Ира брала на себя заботу о моих мальчишках, когда меня не было дома.

– А помнишь, зимою мы с тобой ходили в Нововятск вечером? – спрашиваю.

– Не помню, зачем? – спрашивает Ира.

– Владик из школы не пришёл домой. Я сходила к мальчишкам, спросила, где он. Ничего вразумительного они не сказали. Только предположил Серёжка О., что, может, Владик остался ночевать у дружка. Выспросила, где тот живёт, и решила идти в Нововятск искать сына. Помнишь?

– Да, вспоминаю, было очень холодно. А до города больше пяти километров. И ты хотела идти одна.

– Да, и ты сказала, что пойдёшь со мною. Оставили Олега с Костиком на твою сестру Фаину и по морозцу – быстрым шагом в Нововятск.

– Хорошо, что полная луна светила, а то мы бы с дороги сбились.

– А помнишь, нашли мы дом, что Серёжка подсказал, открываем дверь, в квартире беспорядок, мой Владик стоит и такими глазами смотрит. И испуган, и удивлён, – я с трудом говорю: меня душат слёзы. Любое воспоминание о моём Владике для меня испытание. Но разговор о нём с тем, кто знал и любил моего сына, как будто возвращает на миг в то счастливое время, когда все были живы. Ира знала и любила Владика. Она тоже в слезах. Наши воспоминания светлы, но нас связывает общее горе. Не стало моего Владика, когда ему исполнилось 22 года. В этом же возрасте ушёл из жизни и Костик. Добрый, красивый мальчик, для Иры единственный свет в окне, стал жертвой милицейского произвола.

– И помнишь, как под конвоем, по лунной дороге виновато, опустив плечики, впереди шел Владичек. Он понимал, что заставил нас искать его. Он просто не успел никому сказать, что задержался на лыжной секции и не хотел поздно в потёмках идти

один эти пять километров. Помнишь? Много бы дала я, чтобы вернуть это время, – я справилась со слезами, и мы продолжали вспоминать.

– А помнишь, как Олег с Костичком дрались из-за машины с педалями? У Кости была машина, а у Олега только трёхколесный велосипед, – Ира тоже вытерла глаза, и светлое, доброе время опять ненадолго вернулось к нам.

– А я помню, как стайка наших трёхлетних малышей бегала из подъезда в подъезд и собирала окурки. Я иду, они меня увидели и, как воробышки, – врассыпную, хохочут при этом. Запомнился Олег в беленькой кепочке. И ещё стоит перед глазами: чуть трагедии не случилось тогда. В выходные, ты же знаешь, я часто работала на мехтоке (в уборку). Пришла на обед, прилегла немного – устала. Вдруг, слышу, двери открываются, и идёт ко мне целая орава малышни. Я вскочила. Все ревут. Только один Олег молчит, а личико его залито кровью. Все боятся, что ругаться буду. А я схватила Олега и к тебе, – ты же медик. Помнишь? – спрашиваю.

– Да нет, – говорит Ира, – забыла.

– Обмыла ты рану у Олежки (бровь сильно рассечена была), обработала. И стали мы у притихших маленьких хулиганов выспрашивать, что случилось. Оказывается, на детской площадке у карусели сломалось сиденье, и кто-то положил доску вместо него. Вот и ударило моего малыша концом этой доски, когда он подбежал к крутящейся карусели. Побегали мы с тобой из-за машины, чтоб увезти ребёнка в больницу зашить рану, да где там, выходной был. Ну что, вспомнила?

– Да, немножко припоминаю. А рана потом затянулась, без швов обошлось. Могло быть и хуже. Ударь доска в висок…

– Как сейчас вижу: твой племянник Саша и Костик на салазках. Оба весёлые, черноглазые. Костик хохочет-заливается. Саша его быстро-быстро крутит на санках по накатанной дороге. Санки переворачиваются, и Костя уже барахтается в снегу. Такой у Кости смех, как колокольчик звенел. Я слышу до сих пор, как весело и как часто хохотал Костяга-дроздяга (так я иногда дразнила его). Как любили мы, баловали этого красивого ребёнка. И снова воспоминания вызывают слёзы:

– Да, пролетело время. И нет сейчас уже не только моего Костика, нет сестры Маруси, брата Ивана, сестры Зои. Нет уже и Саши. Давно.

– Все ведь ещё не старые. А Саша так вообще был тогда молодым.

– У меня за те годы, что мы не виделись, не стало мамочки, о Владике ты знаешь, и через год после него не стало младшего брата Николая. Погиб трагически. Едва сорок исполнилось.

– Помню я Николая, он еще не женат был, когда приезжал к тебе в Шутовщину, – говорит Ира.

– Остался у него семилетний сынишка Игорь, сейчас сам молодой папаша. Впрочем, про Игоря я тебе ещё расскажу.

Долго говорили мы с Ирой о родных, близких, знакомых. Кое с кем подруга поддерживает связь. Старались только не упоминать имён наших дорогих Владика и Кости. Боялись снова разреветься. Хотя, конечно, незримо они с нами. Всегда. В нашей памяти. До конца жизни. И никуда от этого не уйдёшь. Молчи или говори о них, всё равно видимые и невидимые миру слезы… сколько их вокруг…

От общих воспоминаний перешли на личные.

– Ты как уехала из Шутовщины, свою жизнь так ни с кем и не связала? – осторожно спрашивает подруга, знает, как я отношусь к этой теме.

– Нет, конечно, – отвечаю я, – это только те, кто не натерпелся от семейного ига, легко бросаются снова в этот омут. А мне одного замужества хватило с лихвой. Да и потом. Я никогда не чувствовала, что, оставаясь с сыновьями одна, в чём-то ущемляю себя и особенно их. Было с чем сравнивать. Вокруг столько семей, где, пытаясь как-то сохранить неудачные браки, родители делали своих детей несчастными. Скандалы, побои, унижения терпят женщины. И врут себе и всем остальным: все муки ради детей. А нужно ли это всё детям и не превращает ли это их жизнь в муку? Мне кажется, на такие жертвы женщины идут не ради детей, а из-за своей беспомощности. Или, может, ещё из-за чего-то. Но только не во имя любви к детям. А у тебя как все сложилось?

– Да никак, – отвечает Ира, – Василий, Костин отец, уговорил меня, несколько месяцев жили одной семьёй. Но не смогла я повторно терпеть этот брак, ушла окончательно от него. А потом, когда Костика потеряла, всё это отошло, отлетело далеко-далеко.

– Мне часто, ещё, когда молодая была, говорили: пожалеешь, мол, потом, что жизнь в одиночестве проживёшь. Спохватишься, поздно будет. Вот сейчас действительно поздно. Но ни разу я не пожалела, что в своё время не бросилась на кого попало, что не разбила ни одну семью. Что помнила: на чужих слезах свое счастье не построишь. А ещё я видела (когда жила среди людей), как приличные женщины в зрелом возрасте связывают свою жизнь с алкоголиками, бездельниками. Как потом льют слёзы, кусают себе локти, пытаясь освободиться от добровольного ига. Да не всем это удаётся. Цепко держат кровососущие свою добычу. Помню, ездила я к Владику в армию. Он в Перми служил. Был заместителем командира взвода. Отпустили моего сына в увольнение. Ночевали мы с ним в гостинице, в одном номере.

И сын затеял такой разговор: дескать, мама, почему бы тебе не связать свою жизнь с каким-нибудь хорошим мужчиной, мол, ты же у меня молодая и красивая. Мой ответ был прямой и честный: «У меня есть два мужчины: ты и Олег, а третьего мне не надо». Сын сказал: «Но ведь у нас будут свои семьи, а тебе одной будет одиноко». – «Пока у меня есть вы, одиночество мне не угрожает». Вот так, Ира, заботился о моем будущем мой старший сын. И опять простой рассказ, но совсем непросто совладать с подступившим к горлу комом.

– Вот мы сейчас заговорили об одиночестве, – справившись со своими чувствами, сказала Ира. – Ну ладно, я живу в городе, вокруг меня постоянно люди – и на работе, и на улице. А ты здесь уже 16 лет, считай, совсем одна, как ты говорить не разучилась. Я бы так не смогла.

– Все так говорят, когда у меня бывают. Но мне иногда кажется, что люди просто себя не знают. Смогли бы, если бы нужно было, очень нужно. Я ведь стала жить здесь не потому, что хотела уйти от людей. Я вообще-то была очень даже активной. Но когда я уволила (я не люблю слово «выгнала») пчеловода, моё

хозяйство на болоте ещё только зарождалось, и оставлять его без надзора было нельзя. Помню свою первую ночь в пустом, ещё не достроенном доме. После себя пчеловод оставил такой бардак. Я не могла уснуть. Мне всё казалось, что со стороны посёлка кто-то едет ко мне, кто-то скребётся в двери. Даже собак не было. Чтобы не так было страшно, я зажгла керосиновую лампу (электричества ещё не было) и затеяла уборку. Рассветало, и страхов как не бывало. Днём привела квартиру в божеский вид и больше уже не боялась ночевать в пустом необжитом доме.

– Мы помолчали. Потом я продолжила: – Я думаю, что такое откровенное одиночество намного лучше одиночества среди людской толпы, где никто никого не видит и не слышит, а ещё хуже одиночество вдвоём, когда рядом безразличный к тебе, чёрствый, недобрый человек.

– Да уж это так. На себе испытала, – говорит моя дорогая собеседница.

– В принципе-то стремление к одиночеству, мне кажется, заложено в каждом. Во мне так стопроцентно. Я помню, ещё в детстве зачитывалась Робинзоном Крузо. И ещё, у Мамина-Сибиряка есть рассказ «Зимовье на Студёной». Там в лесной избушке с окном, затянутым рыбьим пузырём (не знаю, как это), умирает старик, с ним только собака Музгарко. И мне почему-то нравилось, что он один. А ещё, когда я ехала на поезде и из окна вагона смотрела на одинокие казармы, где жили путеобходчики, я завидовала их диковатой, почти первобытной жизни. И ещё я помню, как дошкольницей рисовала дом. Дом был добротный, пятистенный. Он был очень похож на мой теперешний. И я подписала: богатый дом. только не знала, какую букву писать после буквы «б»: то ли «х», то ли «к». Читать, как и писать, я училась самостоятельно, еще до школы. А потом смотри, Ира, – продолжаю я разговор на заданную тему, – ваш брат, горожане, живя на асфальте, прячетесь за несколькими дверями. От кого? От людей! Вы ведь тоже стремитесь к одиночеству. А ваши еженедельные поездки на дачные участки? Ведь не ради корзинки ягод да охапки цветов вы с неподъёмными ношами добираетесь до электричек, тратите последние деньги на торф, стройматериалы и т. д. Делаете всё это вы

ради чистого воздуха и… одиночества. Не так ли?

– Пожалуй, что так, – соглашается Ира.

– В связи с этим мне еще вспомнился эпизод из школьной жизни. На уроке литературы учительница Вера Васильевна Макаревич произнесла фразу, вроде из Карла Маркса (за точность не ручаюсь): «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». «С этим не поспоришь, не так ли?» – спросила она нас. Я подняла руку и сказала: «Я не согласна, быть свободным от общества можно». Этим я заработала кличку Верка-нигилистка. Когда высказывала своё, отличное от остальных мнение, я имела в виду Робинзона Крузо. Ну, конечно, я была неправа. Герой Дефо ведь не с нуля построил свою жизнь на диком острове. На нем была первоначально тканая одежда, что-то он заимел с утонувшего корабля. И зёрна пшеницы, которые случайно попали к нему, были плодом труда других людей. В общем, я была неправа тогда, в детстве, и часто бываю неправой теперь.

Сейчас у меня есть помощники, которые живут в доме неподалеку, сейчас у нас электричество и соответственно электродойка, электроизгородь, электроплита, электросепаратор, электромаслобойка, телевизор со спутниковой антенной… Я не оторвана от мира. Телевизор и радио регулярно сообщают мне, что произошло в мире, учат всему, что нужно человеку и чего не нужно. Вокруг меня травы, деревья, цветы, надо мною небо. Со мной мои животные. С ними не соскучишься. Ну где же тут одиночество?

– Бывает, что с людьми страшнее, чем без них. А не бывало, чтоб на твой хутор кто-нибудь чужой забредал? – спрашивает Ира.

– Как-то осенним вечером дою коров (я тогда одна работала), слышу: собаки лают. Вышла из двора и вижу: стоит маленькая старушка, замерла, собак боится. «Бабушка, – говорю, – откуда ты взялась?» Отогнала собак от бедняжки, вижу, что она вся дрожит. Под локоток увела во двор, закончила дойку и повела вечернюю неожиданную гостью в дом.

И старушка поведала мне, что приехала из Лянгасово в Ежиху за клюквой. Одна, без попутчиков. Ходила, бродила по клюквен-

ному болоту, заблудилась. И пошла куда глаза глядят. Она уже не думала о ягодах, она думала, как выбраться из угрюмого пугающего сыростью и надвигающейся темнотой леса. Она уже не слышала шума железной дороги, которая могла бы стать ориентиром. Её тесные резиновые сапожки были полны воды, ягоды в рюкзаке уже не радовали, а были тяжёлым грузом, который тянул к земле. Старушка, опираясь на палку, от кочки к кочке шла неведомо куда. Я прикинула: по прямой от Ежихи до моего дома не меньше 25 километров. Сколько же прошла старая женщина, петляя по лесным буеракам? Уж я-то эти леса знаю. Расскажу тебе потом, откуда знаю. Так вот представляешь, как она обрадовалась, когда увидела рулоны сена на моих площадях. У меня, говорит, откуда-то силы взялись, всё равно, думаю, к людям выйду. А тут и свет увидела, я прожектор включила, когда темнеть стало. Представляешь, каких страхов она натерпелась. Волков, говорит, очень боялась. Думала, если вдруг нападут, на дерево заберусь. Как бы она это сделала, не знаю. Накормила я странницу, которая на меня как с неба свалилась. Кровать указала. Предложила разуться. Куда там. Как ни тянула я сапоги с ног бедняжки, ничего не получилось. Тесные резиновые сапожонки будто вросли в измученные разбухшие ноги. Так и улеглась спать моя мужественная гостья в резиновых сапогах. Утром полшестого, только начинало светать, объяснив дорогу, я проводила семидесятилетнюю путешественницу на электричку. Думаю, что семь километров по наезженной дороге она прошагала с удовольствием. Каждое лето, когда поспевают ягоды: сначала черника, потом брусника, затем клюква, в наши леса устремляются сотни людей. И ни одного сезона не бывает, чтоб кто-нибудь бесследно не исчез. В основном это пожилые люди. И зачем так рисковать?

– Один случай такой был? – спрашивает Ира. – Больше никто на тебя из леса не выходил?

– Несколько таких случаев было. Но вот эта старушка-дальнобойщица запомнилась больше других.

– А вот со злыми намерениями гостей не было? – продолжает допрашивать меня подруга.

Я вспоминаю: было такое, не было, ага, вспомнила.

– В ту зиму с трассы на моё хозяйство была дорога прогребена. Заготовители через мои владения лес возили. Я, кстати, не люблю, когда лишние дороги у меня появляются – защищённым себя не чувствуешь. В одну морозную ночь слышу: собаки лают. Вскочила, в окно выглянула: светом фар от трактора двор осветило. В загоне, где ночевали телята и коровы, услышала неистовый рёв быков. В ту пору был у нас бык Рикардо, огромный, чуть не тонну весил и очень не любил чужих мужиков. Так вот этот Рикардо поднял на рогах жерди загона и – прямиком на трактор с незваным ночным гостем. Тракторишко-то маленький, у нас такие «бобиками» зовут. Тракторист, бедный, куда деваться, не знает. Развернуться негде. А эта живая махина тяжелее трактора упёрлась рогами в радиатор и рычит. Я это всё из окна наблюдаю. Благо, прожектор светит, да и фары горят у трактора. И нисколько мне было не страшно, скорее смешно. Боялась только, что Рикардо трактор опрокинет. Тракторист тихонько включил заднюю передачу. Трактор пятится, бык подгоняет его, копытами снег гребёт и мурявкает. Вот, наверное, неизвестный (а может, и известный) тракторист страху натерпелся. Добрался трактор до пятачка, где развернуться можно, вырулил да и был таков. Только красные огоньки сверкнули. Короче, победили мы. Тут я поняла, что в случае чего есть кому защитить меня. Собаки, да и бык тоже.

– И ты не испугалась?

– А чего бояться? Незваный же гость уехал, не знаю только, зачем приезжал. А я, пока у окна стояла, замёрзла, сама видишь, как у меня здесь «тепло», под одеяло забралась, зуб на зуб не попадает, дрожу вся, и такой хохот напал на меня. Одна лежу и среди ночи хохочу, как ненормальная.

– Может быть, Рикардо тебе жизнь спас?

– Спас-то спас, но на рогах я у него побывала.

– Как это?

– Один раз попросились рабочие с делянки (недалеко от моего дома лес заготовляли) прицеп с будкой подремонтировать, наш сварочный аппарат потребовался им. Я разрешила. Подъехали они к сварке, кабеля растянули, варить начали. А в это время быки из

загона вышли, рядом с загоном силосный бурт был, вот быки и решили поесть силоса без нормы, загон сломали. А я уже говорила, что Рикардо чужих мужиков терпеть не мог. Вот и направился бычище к мужикам у сварки. Они как увидели его, поскорее в будку спрятались. А мне что делать, гостей-то спасать надо, не век же им в будке сидеть. Да Рикардо и там их в покое не оставляет. Землю роет (начало апреля было), рычит. Я скорее насыпала корму в ведро, подбежала к нему, под морду корма поставила, бык морду в ведро ткнул, ест. Успокоился. Я ведро переставляю, быка от мужиков подальше увожу. Не боюсь нисколечко, никогда он меня не обижал. И тут Эмми откуда-то выскочила. Это молодая ротвейлерша. А надо сказать, Рикардо такой мощный, а собак боялся здорово. Выскочила Эмми и хвать быка за хвост. И тут я почувствовала, что ведро из моих рук летит в сторону, сама я лечу вверх, кувыркаюсь в воздухе, падаю на грязь, опираюсь руками о землю, и на меня направлены острые рога. По жидкой грязи я отползаю в сторону, встаю на ноги. Рикардо занят уже не мною. Он не знает, как отделаться от назойливой Эмми, которая злобно лает на него и пытается схватить за хвост. За всей этой сценой наблюдали чужие мужики, из-за которых она и разыгралась.

– Ну и как ты усмирила быка? Я бы после этого всех рогатых бояться стала.

– Отозвала Эмми, заперла её в столярке, набрала снова корма в ведро и, теперь уже с опаской, завела Рикардо во двор, закрыла его и в загон не выпустила. Олег тогда учился в техникуме. Я связалась с ним по телефону. На другой день со знакомым охотником они приехали, и Рикардо не стало. 450 килограммов мяса от него мы сдали. Такой громадины у нас ни до, ни после не было.

– Со свиньями, наверное, легче работать, или как?

– Или как. Всякое бывает. Обычно свиноматки спокойные. Но вот если их во время опороса потревожишь или поросят у них отнимаешь, могут и наброситься. Не все, конечно, такие агрессоры, но… бывает. В начале мая из соседнего района приехали к нам за поросятами. Отобрали поросят около сотни, посадили их в большие ящики, которые находились в кузове грузовой машины. Дорога до посёлка была в то время почти непроезжей. Олег

на тракторе порожняком сопровождал машину с поросятами. И вот живой груз отбыл. В гараже остались я и Сергей В. Он помогал Олегу в весенних работах, в данный момент возился с сошниками сеялки. Я была у двора и заметила на бугре среди рулонов свинку, которая теребила сено и укладывала его в груду. Верный признак, что собирается пороситься. Я взяла прут и крикнула Сергею: «Помоги перегнать свиноматку во двор». Сама же, не дожидаясь его, подошла к свинке и легонько хлестнула её с целью отогнать от начатого гнезда. И тут свиноматка неожиданно сбила меня с ног. Я оказалась в беспомощном положении. Среди рулонов на бугре, ноги выше головы. Свинья яростно набросилась на меня. Я была в трикотажном платье, в коротких резиновых ботиках. Мгновенно платье на животе превратилось в клочья. Свинка бешено пыхтела, и я уже у самого лица видела эту ужасную клыкастую морду. Мой спаситель Сергей подоспел вовремя. В его руках был тонкий резиновый шланг, он с остервенением хлестал взбесившееся животное, отчего она всё-таки отступила от меня. С трудом загнали мы её в стайку для опороса. Трое суток свинка не могла разродиться. Без сожаленья я распорядилась забить её. Неглубокие ссадины на моем теле скоро зажили. А вот платье это больше нельзя было надевать.

Или вот ещё случай.

Во время вечерней дойки услышала отчаянный визг маленького поросёнка. Бросилась во двор, где содержались восемь свиноматок с семьюдесятью поросятами. Днём они все вместе бегали в загоне, а вечером я их загоняла во двор. И вот у одного поросёнка ножка попала под половицу, которую свиноматки приподняли. Моя первая реакция – освободить поросёнка. Свиноматки возбужденно, неистово хрюкая, набросились на меня. Я, конечно, вынуждена была отступить. Какое там – спасти маленького пленника, самой бы живой остаться. Одна свиноматка все же умудрилась тяпнуть меня за ладонь. Видимо, когда я протянула руку к малышу. Из раны – пенящаяся кровь. А в станке доится Зимушка, да десять коров ещё не доеных. Засыпала рану стрептоцидом, замотала бинтом и со слезами на глазах продолжала дойку. Куда деться, коровы же не виноваты, что я такая глу-

пая. Думать надо было, прежде чем врываться к разъярённым животным. А на ладони, смотри, какой загрубевший длинный шрам остался. Через два дня на мой юбилей приехали гости. Моя рука была забинтована.

– Живёшь здесь, считай, одна, вокруг хищники бродят (в книжке твоей читала), а вот чего ты больше всего боишься?

– Больше всего я боюсь пожара. Три раза горело мое болото. Два раза охотники подожгли по халатности. А один раз был умышленный поджог. Я даже знаю, кто это сделал. Да как говорится: не пойман – не вор. Впрочем, Бог ему судья. Тогда больше сотни гектаров торфяника под огнём было. Два огромных каравана торфа сгорели. Рулоны сена чуть не из огня в дыму вытаскивали. Сеяные травы здорово пострадали. Такие ущелья в торфе огонь наделал. А ещё очень боюсь короткого замыкания во дворе. Прошлым летом вхожу утром во двор: такой звук слышу, как будто целый клуб змей шипит. Поскорее рубильник выключила, побежала за фонариком. Оказывается, главный кабель повреждён, провода оплавились, изоляция – тоже. По телефону едва договорилась с электриком торфопредприятия, только после обеда они смогли приехать. А коровы не доены, да и камера холодильная мясом забита. Приехали ребята с посёлка на мотоцикле, еле ещё проехали – грязь непролазная, дожди перед этим прошли. Быстро устранили последствия крысиной диверсии, и электричество снова к моим услугам. Крысы на месте выхода главного кабеля из земли сгрызли изоляцию, и вот результат.

Два раза дом чуть не сгорел.

– Расскажи.

– Один раз жарким летом (сенокос был) приехала ко мне бухгалтер Валентина Алексеевна. Обговорили мы с нею все счётные дела, я подписала документы, и мы пошли к Олегу, чтоб он увёз Валентину Алексеевну в город. А в то время у нас работала бригада трактористов из колхоза. С председателем мы договорились: трактористы на колхозной технике заготовляют сено на моих площадях, а зимою половину заготовленных кормов увозят к себе в колхоз. У нас тогда не было пресса, да и сена много, а у колхоза не хватает. В тот момент все трактористы были на косьбе. Валенти-

на Алексеевна говорит: «Дай-ка я посмотрю, как парни устроились» и открыла дверь соседней с моей квартиры. Комната была полна дыма. Стена занималась огнём. Вырвали вилку из розетки, заплескали начинающийся пожар. Оказывается, парни включили электроплитку, поставили на неё кастрюльку с водой. Вода выкипела. Вначале начала тлеть скамья, на которую они, глупые, без всякой изоляции поставили плитку. Спасибо Валентине Алексеевне. Если бы не она, скорее всего, дом бы тогда при такой жаре, да без воды, отстоять было бы трудно.

– А второй раз?

– А второй раз тоже по неосторожности нашей. В конце зимы приехала к нам киногруппа из Москвы. Снимали фильм «Фея болот». Я попросила Толю К. принести золы из бани. Хотела дать её поросятам на снегу – для съёмок кадры нужны были.

Через какое-то время выхожу с веранды – крыльцо в дыму, и вижу: горит стенка напротив ступенек. Огнём горит. Скорее закидали очаг снегом. Тут и Толя подоспел. Он огребал крышу двора от снега и с высоты увидел дым. И, конечно, понял, что стал виновником загорания.

Оказалось, зола была горячей, хотя баню топили два дня назад. Как он этого не заметил? Да и более того, зачем мешок с золой заносить на крыльцо?

А ещё много лет тому назад я сама, своими руками сожгла баню.

– Вот это да! Чем она тебе помешала?

– Да не помешала. Баня была хорошая. Было, кажется, 2 мая. Олег отдыхал в этот день в посёлке, у себя дома. Я занималась уборкой территории. Не понравилась сухая трава. Давай подожгу, думаю. Чиркнула спичкой. Вначале как-то лениво горело. А потом пламя ожило, затрещало, запрыгало по сухой траве, разбежалось на несколько огненных ручьёв. Пока один затаптывала, другой, третий оживает. Подбежал маленький огонёк к предбаннику. С граблями бросилась на него, не убила, прокрался за дощатую стену, и вначале дым, потом огонь из двери.

За день до этого я наносила в предбанник с веранды всё, что мне там мешало: зимнюю одежду, обувь, вощину. Килограммов

40 чистой, много раз переплавленной вощины унесла я в предбанник с веранды. Она-то и полыхнула в первую очередь. Оранжево-красный тюльпан огня взметнулся к небу, чёрный дым и вой. Так жарко и радостно пожирал огонь баню и всё, что там было. А я стояла на крыльце. И думаешь, какие чувства я испытывала?

– Ну, какие. Горевала, ревела, наверное.

– А знаешь, я стояла и радовалась.

– Ещё чего. Ты умом, случайно, тогда не тронулась?

– Нет. Я радовалась, что не бросилась в баню спасать стиральную машину и ещё кое-что хотя бы. Первые мысли были такие. Я бы ничего не успела. Я бы сгорела заживо. А тут я живая и невредимая стою на крыльце… Сильного ветра не было, хотя при пожаре он всегда возникает. За дом я не боялась. Но вещей я потеряла тогда немало. Сгорела стиральная машина, доильные ведра, много одежды, обуви. Чего стоит вощина...

– Ну баня-то у тебя есть. И неплохая. Новую построили?

– Да. А куда денешься? Живёшь на хуторе – без бани нельзя.

– Ты мне обещала рассказать про Игоря, сына Коли.

– Слушай. Года три назад это было. Копаюсь я в цветнике. Слышу: собаки лают. Вышла за калитку. Стоит незнакомый мужчина. Поздоровался. Спросил Веру Александровну. «Слушаю вас», – говорю. «Нужны ли вам рабочие?» – спрашивает. «Нет, – говорю, – управляемся сами». Вижу, мужик мнётся, уходить не спешит. «Откуда вы?» – спрашиваю. «Да тут такая история…» И поведал он, что обокрали его в Москве, когда он добирался от сестры в Серов. И документы, и деньги, и вещи будто бы похитили. Теперь как добраться домой, не знает. – «Хотел у вас заработать хотя бы на дорогу. Может, всё-таки возьмёте, я ведь и тракторист, и плотник, и печник». А мы тогда как раз в новом доме для рабочих печку класть собирались. Я уже хотела договариваться с печником, который предыдущим летом клал в моём доме печь и камин. Специалист классный. Печь с камином, как игрушки получились, и топятся прекрасно, и тепло от них. Ну, думаю, поверю человеку, печь сложим, да и веранду с дровяником к новому дому

пристраивать надо. Возьму, заодно доброе дело сделаю. Человека из беды выручу.

Короче, взяла на работу. Поселила в доме, где жил Толя К. Он помогал мне по хозяйству.

Начали класть печь. Что никакой он не печник, поняла почти сразу. Печка получилась кривоватая, клал неаккуратно. Ну, думаю, может, в конце кладки оформит свою работу. Все-таки я не специалист в печном деле. А перед этим я по телефону разговаривала с Игорем. Он мне сказал, что собирается уволиться со своей работы и захотел приехать ко мне, вдруг ему понравится работать у нас в хозяйстве. Знаю, что парень он работящий, непьющий, любит технику, умеет на ней работать. И вот Игорь приехал. Включился в работу. Печку неказистую помогал доделывать, потом веранду с дровяником строили, крыши сушилки, дворов рубероидом крыли. Всё ровно вижу – не его это. Парень молодой, неженатый. Ему надо жизнь устраивать, а на моём хуторе это не получится. Договорилась я с одним руководителем, что есть возможность трудоустройства Игоря водителем «КамАЗа» с очень приличной зарплатой. Игорь вроде бы согласился. А наутро сообщает мне, что дядя Серёжа (приблудный печник) предлагает ему стать водителем «БелАЗа». Дескать, там, где он живёт, есть рудник. Добывают никелевую руду. Работают там исключительно на «БелАЗах». Водителей этих гигантов всегда не хватает, даже свободные машины есть. Полтора месяца стажировки – и, дескать, получишь права на управление «БелАЗом». Загорелся мой Игорёк, ещё бы: поработать на такой машине – мечта любого шофёра. Вот и заявил мне, что поедет с дядей Серёжей в Свердловскую область и будет там работать на «БелАЗе». Я попыталась отговорить Игоря, да куда там. «Поеду, и всё». Собрал свои вещи. Он с собою даже зимние из дома прихватил, благо добрался до меня на своём стареньком «Москвичонке», который у него сиял, как новенький. Выплатила я деньги за работу ему и «дяде Серёже». Олег увёз их на вокзал в Котельнич. Договорились перед отъездом, что сразу же, как приедет, позвонит. Ехать, кстати, они собирались на электричках. У «печника» же паспорта не было.

– Ну и как, устроился Игорь на «БелАЗ»?

– Слушай дальше. История ещё не закончилась на этом. Уехал мой Игорь. Перед отъездом в дальние края к тёте, материной сестре, в Кирове заскочил. Там ему ещё денег дали.

Жду звонка от Игоря. Сутки, двое… Неделя проходит. Давно бы доехать должен. Нервничаю, ночи не сплю. Вдруг в 4 часа утра звонок. Хватаю трубку. Олег звонит. Говорит, что звонил Игорь… из Кирова, что приедет на дневной электричке, всё расскажет сам. Отлегло от сердца немножко. Но всё-таки, почему звонил из Кирова? Да, впрочем, какое счастье, что хоть живой. После обеда привёз Олег Игоря от электрички. И Игорь рассказал, что с «дядей Серёжей» они добрались до Серова на перекладных, пересаживаясь с электрички на электричку. Чуть не в каждой электричке проверяли документы. И «дядя Серёжа», показывал на Игоря и говорил, что едет с племянником. У Игоря документы проверяли, а «дядю» оставляли в покое. Как только добрались до Серова, «дядя Серёжа» оставил Игоря на вокзале, а сам поспешил якобы в туалет. Ждал Игорёк, ждал своего «работодателя» из туалета, да так и не дождался. Пришлось возвращаться, так и не увидев гигантской машины, на которой в своих мечтах он уже поработал. Говорю ему: «Твой дядя Серёжа тебя как проездной документ использовал, а потом за ненадобностью выбросил». Игорь согласился со мною.

– Рисковали вы здорово. Кто знает, что за фрукт этот ваш «дядя Серёжа».

– Да, Ира. Может, я вообще какого-нибудь преступника скрывала. Хотя в хитрости ему не откажешь. Смотри, как из положения выкрутился. А печку его мы на следующее лето разобрали. Дыма много, тепла нет. Теперь металлическую «буржуйку» там поставили. Местный сварщик – золотые руки сварил такое чудо. Быстро нагревает квартиру, места занимает мало. В этой истории, конечно, я виновата. Нельзя так доверять людям на слово.

– Мне кажется, что доверие к людям у нас в крови, я вот тоже всем верю, а потом себя ругаю. Ну, расскажи ещё что-нибудь. Мне интересно.

– Давай ещё расскажу, как я обожглась со своей доверчивос-

тью. Было это давно. На дальних площадях мы посадили гектаров пять картофеля. Урожай вырос отменный. Нашли сбыт. Заезжие дагестанцы через посредника договорились, что заберут весь урожай картофеля нашего в обмен на зерно. Я считала сделку выгодной. Картофель был ещё не убран, а они уже привезли зерно на целых 42 тысячи рублей. Деньги по тем временам большие.

С картофелем у меня была проблема: как убрать, картофелекопалки не было. Договорилась с директором школы: обещал помочь в уборке. И вот целых 10 дней мы привозили и увозили школьников на уборку картофеля. Копали вручную. Это было несложно. Ребятишки брали куст руками, тянули его, и ровные крупные чистые картофелины легко извлекались из пушистого торфа. Накопали много. Сортировать и затаривать в мешки помогли женщины-пенсионерки из посёлка. Управились мы тогда удачно – до 15 сентября. Именно тогда грянул сильнейший заморозок, который погубил урожай у всех, кто припозднился с уборкой клубней. А у нас ровные, крупные, чистые клубни были затарены, заботливо укрыты толстым слоем сена. Ждали покупателя. А он всё не ехал и не ехал. Наконец появился. Сам Магомед. Помню, так его звали. Ещё не посмотрев товар (картофель), он заявил: «Картошку брать не буду, картошка мёрзлый». Как ни убеждала его, что мы сберегали урожай от мороза, высыпали из нескольких мешков картофель, доказывая, что клубни не повреждены. Ни в какую. Упрямый, как осёл. Короче, дал он нам срок одну неделю, чтоб мы отдали ему 42 тысячи рублей за зерно. Я могла бы отказаться от его условий. Договаривались-то об обмене. Но не умею я рядиться. Да и потом, связываться с такими «товарищами» себе дороже. Волей-неволей, пришлось искать деньги. Но где, у кого просить в долг такую огромную (по нашим понятиям) сумму? Богачей среди наших с Олегом знакомых не было. Единственный, кто выручил нас тогда, был коллега-фермер: Аркадий Рафаилович Санович. Он тоже не был богачом. Но он просто поверил нам, что мы рассчитаемся быстро. Действительно, в течение двух месяцев мы погасили долг. По частям отдавали: по 5, по 10 тысяч. Даже сейчас бывает: иногда

приходится перехватывать денег, но нам верят и потому выручают.

– А вот не было случаев, чтобы кто-то вредил вам, вашему хозяйству? Есть ведь злые люди.

– Ну как же не было. Было. Я уже тебе рассказывала, как горело подожжённое болото. Между прочим, горело два года. На зиму огонь забрался в торф, затаился там, а весной опять выполз наружу. Я всё то время как больная ходила. Посмотрю в ту сторону, увижу дым, и на весь день настроение испорчено. Несколько раз электричества нас умышленно лишали. А один раз в магистральный канал, из которого коровы, телята и поросята пили, какую-то гадость ядовитую бросили. Три дня вода шла жёлтая и горькая. Чудо, что никто из животных моих не отравился. Бывало, что стреляли в моих поросят. Олег при забое даже картечь находил иногда. Трёх быков бесследно потеряли. На кого грешить? Может, волки, а может, и не они…

– Всё-таки волки вредят вам?

– Понимаешь, не каждый год они себя проявляют. Вот прошедшим летом видела я волка недалеко от двора, но потерь в сезоне от волков вроде бы не было. Нет, нет, вру. Прошедшей осенью на годовалую тёлочку набросились ночью волки. Бок чуть не до внутренностей выгрызли. Утром мы её у кормушки обнаружили. Она, бедная, ещё ходила.

Позапрошлой осенью быка загрызли. Сожрали всего, оставили голову да позвоночник. А на другой день на полугодовалую тёлочку среди дня набросились два волка. Даже собаки не могли отбить. Отступили, когда рабочий на лай собак прибежал. Но телёнка уже это не спасло. Что поделаешь, живём среди дикой природы и платим за это. Да, забыла, осенью прошлой несколько раз на пастбище выходили два волка. Да пастух со стадом был, так что отогнал их.

Были случаи, что и собственные собаки нападали на телят и даже загрызали насмерть.

– Расскажи.

– Мои коровы иногда рождают телят в лесу. Бывает, не уследишь, когда корова обгуляется – точный срок отёла не знаешь. А

им только этого и надо. Не досчитаешься утром коровы или стельной тёлки, знаешь, что ушла в лес, и отправляешься искать, или жди, когда придёт с теленком. Так и в этот раз получилось. В лесу отелились сразу две коровы: Аврора и Полянка. И решила я немножко поэкспериментировать. Посоветовалась с Олегом, обеих коров с телятами оставили на пастбище. Тем более Полянка была тогда первотёлком, молока у ней было немного, Аврора тоже не рекордистка. Вечером ко двору пришли обе коровы. А телёночек один – Аврорина тёлочка. Беленького бычка от Полянки нет. Пошла искать телёночка. До самой темноты ходила по кустам, колючему мелколесью. Тем временем коровы на дойку собрались. Подоила их. Ночью не спалось. В сентябре светает не рано. Взяла фонарик, пошла доить коров – думаю, пораньше подою, пойду искать телёночка. Только подошла ко двору, слышу, корова ревёт не очень далеко в кустах. Да не ревёт, а будто стонет. И пошла я в темноте на этот стон. Иду по болоту, вязнет. Свечу под ноги фонариком. Пока шла, немножко рассветало. И вижу я свою Полянку. Она до самой земли опустила голову, нюхала влажный торф и не мычала – она стонала, стонала от горя. Так человек, которого постигло что-то ужасное, обхватывает голову руками и, не имея возможности что-то изменить, стонет от невыносимой боли.

Увидев меня, Полянка подняла голову и подошла. Она как будто хотела сказать: «Отдавай мне моего телёнка, ты виновата, что его больше нет». Ну, конечно, не могла она мне сказать это, я сама винила себя, что такой прекрасный телёнок был загублен. Кем? Я стала исследовать участок. Поляна была затоптана следами обезумевшей от горя коровы. Но все-таки я увидела, что по нему тянулся след: что-то тащили по торфу. И следы волчьи, крупные – взрослого волка и маленькие. «Волчонок с волчицей», – подумала я. След тянулся к магистрали. Значит, решила я, за канал добычу утащили, а может, на берегу сожрали. История получила продолжение через несколько дней. Увидела около дома, что Багира что-то грызёт. Подошла. Вижу, у неё в зубах телячья ножка, белая ножка с маленькими копытцами. Так вот кто сожрал телёнка у Полянки. Вот хищница, которая позарилась на тех, кого

должна была охранять. У Багиры тогда был щенок, четырёхмесячная овчарочка Дэзи. С нею, значит, и охотилась Багира. Вот почему рядом с большими следами я видела маленькие. Только не волчьи это были следы.

А Полянка больше недели по ночам, а иногда и днём стонала на той поляне, где собаки растерзали её первого телёнка. Кстати, сама она появилась на свет именно на той поляне. При виде собак Полянка с тех пор долго ещё бросалась на них.

– Ну и как ты наказала собак?

– Да как их накажешь. Они ведь хищники по своей природе. Конечно, бывает, что и вредят они. Кроме этого случая, были и другие, когда они покушались на моих животных. Один раз загрызли новорождённого телёнка на пастбище. Черёмуха тогда невзначай отелилась. Свинку супоросную заживо загрызли один раз. На телёнка, уже четырёхмесячного набросились, ранили его здорово. Пришлось телёночка забить.

– Меня встретили две собаки. Ты их называла, Дана и …

– Багира.

– Та самая?

– Да, та самая. Сейчас она уже старая, ей двенадцатый год. Без собак на хуторе никак нельзя. Считай, они единственные защитники. Даже если просто лают, значит, кто-то чужой чудится им, может, человек, может, зверь. Они у меня не пустолайки, зря голос не подают. А вообще-то с собаками мне не везёт. Нет, они не умирают, их не воруют, но с ними связано столько историй…

– Расскажи.

– Тебе интересно? У тебя у самой был ризеншнауцер. Как твою собаку звали… Подожди, вспомню. Хэли… Да?

– Надо же. Запомнила.

– Где она, что с ней стало?

– Украли её. Знаешь, сколько я слёз пролила из-за этого.

– Я тоже часто из-за собак расстраивалась. К ним ведь привыкаешь, ты их любишь, они тебя. Ну что ж, слушай собачьи истории. Их много. Когда я здесь поселилась, у меня не было ни одной собаки. Потом мне подарили двух щенков-лаек, Боя и Лай-

ду. Подросли. Лайда от дома никуда не убегала. А вот Бой… Если на человеческие качества его поведение перевести, так бабник он был. За три километра в деревню постоянно убегал к чужим дамочкам собачьего племени. За это и поплатился. Застрелил его один дурной охотник, за лису принял. Бой был ярко-рыжий. Осталась Лайда одна. Одна собака не защитник. Привёз Олег из Кирова длинношёрстную овчарку Джулию. Сказал, что друг подарил. Потом оказалось: без хозяина собака осталась, пожалел её сын, да и знал, что компаньон для Лайды нужен.

Один раз летом занимаюсь на цветнике и вижу: идёт к нам огромный «Кировец». Думаю: «Что за гости на таком гиганте пожаловали?». Остановился трактор, и спускаются с него Олег с большой сумкой и… Эмилия Адриановна Штина. Вот это гостья так гостья. Смеются, рады, что не пешком добирались. Олег в первую очередь сумку свою открывает и выпускает из неё щенка овчарки. «Купил, – говорит, – за 7 тысяч». Это был 1994 год, так что цены тогда дикие были. Нулей много. Как я была счастлива! Самая моя желанная гостья, профессор Эмилия Адриановна второй раз оказалась на моём болоте. Только первый раз она приезжала, когда я работала еще на торфопредприятии, а сейчас на этом же торфомассиве я полная хозяйка. Но об этом визите знаменитой Эмилии Адриановны разговор особый.

Сейчас же я тебе рассказываю о моих собаках. Итак, появился у меня щеночек. Долго подбирали кличку. Назвали Анчаром. Ох и умница же был. И красивый очень. Особенно запомнился он мне, когда ушки у него начали вставать. Поднимутся домиком, потом – раз и упадут. А он по ступенькам крыльца на веранду пробирается. Ступеньки высокие, трудно ему. Теперь стало у нас три собаки: Лайда, Джулия, Анчар. Вырос щенок, превратился в умного красивого пса. Страсть у него была: подбирал палку, бросал мне под ноги и требовательно смотрел в глаза: дескать, бросай, хозяйка, я поймаю. При этом нетерпеливо лапами рыл землю. Бросишь ему палку, поймает, снова тащит, и так без конца… Хоть куда брось, хоть в воду, хоть в кусты, обязательно эту палку найдёт и притащит.

Скоро друзья подарили ещё одного щенка овчарки – месячную

Багиру. Стало у нас четыре собаки: Лайда, Джулия, Анчар и Багира.

Ещё подруга Надежда Павловна уговорила забрать у нее двухмесячную девочку – ротвейлера. Разрекламировала эту породу как лучших охранников. И стало у меня пять собак – целая свора. Их же прокормить надо. Еще щенки регулярно рождаться стали. Особенно хорошенькие появлялись у Багиры. Чистопородные овчарки. Да и Лайда приносила щенков, больше похожих на Анчара, чем на неё. С трудом, но раздаривали мы щенков. Иногда с ребятами, даже с ночлегом, приходила Александра Ильинична. У ребят до слёз дело доходило: всем щенков хотелось заиметь от наших собак, а щенков не хватало.

Пятеро собак – многовато. Эта свора часто устраивала схватки. Один раз крупные, сильные собаки набросились на Лайду. Чем я только с яростью ни колотила их, пытаясь разогнать. Я видела, что у Лайды ранена задняя нога, уже видна кость. А Эмми со своей мёртвой хваткой готова загрызть маленькую Лайду. Да и Анчар с Джулией яростно треплют её. Отвоевала я всё-таки собаку. Но ножка болталась на сухожилии. На трёх лапах упрыгала бедняжка в раскрытый подпол, куда раньше мы заносили ульи на зиму. От жалости к искалеченной собаке у меня сжималось сердце. Лайда сидела, и ты бы видела, какой обречённый, страдающий взгляд был у неё. Ещё два года жила Лайда, шустро бегала на трёх лапах и даже два раза щенилась.

Джулия умерла от старости. Эмми стала жестоко расправляться с гусынями, чуть всё моё белокрылое стадо не уничтожила. Увёз Олег её Надежде Павловне. Остались Анчар с Багирой.

Милого пушистого щенка кавказской овчарки подарил Олегу друг. Боем, в честь нашего первого охранника, назвали мы очаровательного малыша с толстыми лапами. Скоро этот малыш превратился в могучего пса. Рано, рано мы взяли этого щенка. Бой начал обижать нашего умного Анчара. А потом стал и на людей бросаться. Пришлось посадить его на цепь. Мне в хозяйстве цепные собаки, по правде сказать, не нужны. Надо было пристраивать свирепого пса. Не дарить же кому-нибудь такую зверюгу, которой сами боимся. Пришлось отдать на зону. Теперь, когда Никиту спрашивают, где Бой, он отвечает: «В тюрьме си-

дит». А покалеченный свирепым Боем Анчар ушёл.

– Куда ушёл?

– Ушёл в лес. Умирать. Было ему 12 лет. Если бы не Бой, он мог бы ещё долго жить. И опять у нас собачий дефицит. Багира последние годы щенилась, но щенков почему-то сжирала. Купил Олег в Кирове месячного щенка кавказской овчарки. Дана – так я назвала маленькую (пока), мягкую, пахнущую мёдом собачку. До чего же «кавказцы» хороши в детстве! Они и потом красивые, только уж очень велики. Один вид их устрашает, и взгляд волчий. Подросла Дана. В хозяйстве две взрослые собаки женского пола. Пса, что ни говори, надо. По объявлению, дорого, купили щенка немецкой овчарки. Назвали в память Анчара. Рос щенок ласковым, неагрессивным. Но почему-то, когда повадился к свинкам огромный дикий зверь – кабан, еще невзрослый, шестимесячный щенок «атаковал» лесного хряка. Поплатился пропоротым до кишок брюхом. С тех пор нескольких телят ранил до костей. А годовалую тёлочку от прекрасной коровы Марты я так и не могла вылечить.

И снова на зоне появилась наша собака. Красивый, чистопородный «немец», хотя и агрессор, но мы успели полюбить его. Жалко было, да что сделаешь. Много зла принёс он нам.

– А теперь осталось две собаки. Не мало?

– Нет, хватит. Сейчас я уже опытом научена. Больше двух держать нельзя. Одна – мало, три – уже свора, две – в самый раз. Вот будет Багира совсем дряхлой, возьмём в пару Дане (она, кстати, не такая злобная, как Бой) «кавказца». Может, и потомство дадут.

– А кошка у тебя одна? Вот эта, Мурка. Ласковая.

– Это она сейчас с нами ласковая, а с другими кошками никак не уживается. Во дворе у нас восемь кошек живёт. Александр Николаевич привёз из посёлка Мурку. Она у них дичилась, жила во дворе, с голоду могла умереть. Не ужилась Мурка с другими нашими кошками, обижали они её. Из хозяйства не ушла, но во дворе жить не стала. Позапрошлую зиму прожила в комбайне. Носила я ей туда еду да утеплённые коробки. Ближе к весне другие кошки позарились на Муркино железное жилище и прогна-

ли её. И пришлось Муре обживать мою квартиру. Теперь она ночью забирается ко мне под одеяло, тихонько мурлычет. Очень любит сухой корм и рыбу. Когда не стало нашего дорогого Александра Николаевича, Мурка мне как живое напоминание о нём, и очень дорожу я этим тёплым ласковым существом.

– А кто такой Александр Николаевич?

– Александр Николаевич был нашим большим другом. Сама знаешь, сейчас без электричества не жизнь. Так вот, с первых дней, как нам протянули электролинию, Александр Николаевич Дудин в свободное от работы время (он работал электриком на торфопредприятии) начинял наше хозяйство электричеством. Всё делал очень умно и тщательно. Олег многому у него научился. Както у нашей подстанции свалился столб (строители установили его без анкера). Столб упал прямо на подстанцию. От удара она деформировалась и покосилась. Представляешь, какой ужас я испытала тогда. Хозяйство осталось без электричества, и я боялась, что надолго. Позвонила в РЭС. Электрики приехали быстро. Выправили подстанцию, устранили повреждения. Нужно было подключать «низкую сторону». «Мы поехали, – говорят, – высокую сторону сделали, низкая – не наше дело». Как ни упрашивала, ни умоляла, обещала оплатить работу по подключению «низкой стороны» – нет, не имеем права. Так и уехали. А я осталась с жужжащей подстанцией, но без электричества. А доить-то надо. Да и всё другое тоже на электротоке держится. А всего-то дел оставалось – перекинуть провода с одного столба на другой. Александр Николаевич тогда был уже очень болен. По телефону рассказала Олегу о нашей беде. Поискал он электриков, время уже не рабочее было, не нашёл. И опять нас выручил Александр Николаевич. Приехал с Олегом. Нацепил Олег на сапоги «когти», влез на столб, потом на другой, запитал «низкую сторону». И зажглись лампочки, включились холодильники, заработала электродойка, защипал непослушных коров электропастух… Всё это благодаря Александру Николаевичу. Именно по его указаниям Олег подключал «низкую сторону».

За разговорами, разными домашними и хозяйственными делами прошёл день. Уже стемнело. Пора на вечернюю дойку.

Оставила Иру дома. Дала ей большую стопу фотоальбомов. Там много фотографий наших общих знакомых, наших мальчиков в их далёком детстве. Пусть, пока меня нет, смотрит.

После дойки пришла домой. Тепло от калорифера. Ира даже в шаль не стала кутаться. Сидит, от фотографий оторваться не может, и опять слёзы на глазах. Некоторые фото, где Костик, она первый раз видит. Вынула я эти фотографии из альбома и в сумку Иры положила.

Сейчас фото мы рассматривали уже вдвоём. Ира увидела на нескольких листах альбома фотографии, на которых я вместе с Людмилой Касаткиной. Удивилась Ира. Я показала на фото Сергея Николаевича Колосова, мою двоюродную сестру Люду, фотографировала нас Наташа, дочка Люды.

– Расскажи мне, как ты познакомилась с моей любимой актрисой, расскажи мне про неё что-нибудь, – просит Ира.

– С Людмилой Ивановной и Сергеем Николаевичем я встречалась в Москве три раза, когда приезжала к маминому брату дяде Васе на юбилеи. Людмила Ивановна – племянница тёти Кати, жены дяди Васи. Два раза с Олегом мы были в квартире у таких знаменитых людей. Они очень добрые и гостеприимные. А в 2003 году мне выпало счастье встретиться с Людмилой Ивановной в Кирове.

– Ничего себе. Расскажи, очень интересно.

– В том году в конце августа в Кирове проходил кинофестиваль. Людмила Касаткина приехала во главе группы популярных артистов. В группе были Булдаков Алексей, Аристарх Ливанов, Ольга Будина, Наталья Крачковская и другие.

Перед поездкой в Киров Людмила Ивановна поручила Алику (сыну Люды), чтобы он связался со мной и сообщил мне дату приезда группы в Киров и место нашей с ней встречи. Я очень, конечно, обрадовалась и размечталась. В предыдущую нашу встречу я имела храбрость пригласить знаменитую актрису со знаменитым режиссёром в гости к себе на мой затерянный хутор. Людмила Ивановна вроде бы пообещала. И вот я, надеясь на то, что так удачно складываются обстоятельства, и мы с Олегом сможем привезти нашу дорогую Людочку Касаткину – «укроти-

тельницу тигров» на своё экзотическое болото, о котором она знала из моих рассказов и из моей книжки. Перед предполагаемым приездом знаменитой гостьи собирала грибы, сушила их, договорилась с ягодниками, что куплю бруснику для Людмилы Ивановны. Лучше бы всё это я взяла с собою, когда с Олегом мы поехали на встречу.

– Вы встретились?

– Да, в Центральной гостинице. Людмила Ивановна встретила нас в своём роскошном номере «люкс» и сразу же предложила остаться ночевать после концерта. Я же, в свою очередь, пригласила сразу же после кинофестиваля приехать к нам. Людмила Ивановна грустно улыбнулась и сказала, что они (артисты) не вольны распоряжаться своим временем, что послезавтра их ждут в Красноярске, а потом – в Москве. Какие глупые, наивные были мечты мои. Не зря Люда (моя московская сестра) смеялась надо мной, когда я говорила, что, может быть, Касаткина приедет ко мне на болото в гости: «Люда к нам на дачу каждое лето обещает приехать с Сергеем Николаевичем, да всё время некогда им. А ты захотела, чтоб она к тебе собралась…»

Людмила Ивановна была в белом брючном костюме, в белых туфельках на высоких каблуках. Такая красивая, такая молодая. Она сказала, что сейчас у мужчин – артистов киногруппы состоится футбольный матч с вятскими телевизионщиками. Так что до концерта в ДК «Родина» есть время. Можно поговорить. Людмила Ивановна сказала (лучше бы не говорила): «После своего выступления я возьму твою книгу, покажу её зрителям и расскажу о тебе, что есть в русской глубинке такие женщины».

– Ну, а ты чего?

– Чего, чего... Я внутренне как-то вся сжалась, как-то не по себе мне стало. И я сказала то, что пришло в голову, даже Олега не спросила: «Вы знаете, Людмила Ивановна, я не смогу быть на концерте. Мне вечером надо быть дома». Людмила Ивановна улыбнулась с сожалением: «Очень жаль. Ну, тогда идёмте в ресторан. Я угощаю вас. Мы пошли в малый зал гостиничного ресторана. Сели за столик. Следом за нами в зал вошла Наталья Крачковская. Олег улыбнулся: «Как в кино». Крачковская села рядом с

ним, я сидела рядом с Людмилой Ивановной. Касаткина познакомила Наталью со мной и Олегом. Люда долго выбирала, чем же угостить нас. Остановилась на осетрине. Официант приносил блюда и всё расшаркивался перед нашей знаменитой Людмилой Ивановной, несколько раз брал автографы у неё: то для шеф-повара, то для своей девушки… За обедом разговор крутился в основном вокруг кулинарии. Крачковская так вкусно рассказывала, какие блюда она готовит у себя дома, а также, как делала покупки на нашем Кировском рынке. Как покупала бруснику, деревенские яйца, сухие грибы… А Людмила Ивановна сказала: «Я завтра тоже постараюсь выкроить время и куплю брусники и сухих грибов. Серёжа очень любит грибной суп из них». Представляешь, Ира, как мне было стыдно.

– Почему?

– Я всё это: и бруснику, и сухие грибы, и даже яйца – могла привезти с собой, и не пришлось бы тогда нашей Людочке бродить по рынку. Да и покупать сухие грибы на рынке опасно.

– Ну чего ж ты не привезла?

– Говорила же, размечталась, что Людмила Ивановна сама приедет на мой хутор: и грибы, и ягоды, и даже деревенские яйца уехали бы с нею в Москву.

Официант после первого, солянки, принёс осетрину. По вкусу она напоминала старую щуку, очень жёсткая. Ожидая наших похвал, он с гордостью поинтересовался: «Как осетринка? Сам шеф-повар для вас готовил». Людмила Ивановна – человек очень тактичный. Поэтому она улыбнулась и сказала только: «Хотелось бы, конечно, чтоб рыба была понежней». А потом я вижу: украдкой от нас с Олегом Людмила Ивановна отдаёт официанту 1000 рублей и спрашивает тихонько: «Этого хватит?» «Да», – отвечает тот. Я промолчала, но подумала: «Это за две невкусные солянки, за две порции жёсткой рыбы, за две бутылочки воды, два кусочка торта целую тысячу рублей».

– Почему за две порции? Вас же трое было.

– Да артистов-то в ресторане за счет мэрии города кормили, так что Людмила Ивановна за меня с Олегом платила.

– Да, пожалуй, дороговато.

– Я почему возмущаюсь. Попутно утром Олег повёз в Киров

по заявке целую свиную ляжку – 20 килограммов по 50 рублей за килограмм, всего на 1000 рублей. Вот и сравни: четверть поросенка, которого целый год надо кормить, и два средненьких обеда в ресторане, продуктов на которые израсходовано от силы рублей на 40–50. Думаешь, почему я об этом эпизоде так подробно рассказываю?

– Почему?

– Да потому, что горожане свой труд ценят, а наш крестьянский ни во что не ставят.

– А сейчас как с ценами на вашу продукцию дела обстоят?

– Да всё так же, не уважает государство своих кормильцев. Самое лучшее мясо по закупочной цене сколько стоит, как ты думаешь?

– Ну, если в магазине дешевле 200 рублей за килограмм не купишь, то рублей 150–140 вам, наверное, платят.

– Закупочная цена на мясо высшей упитанности 90 рублей за килограмм. Узаконенный грабёж какой-то получается.

– А молоко по какой цене сдают колхозы? В магазине по 28–30 за литр нормализованного платим. Цельное-то, наверное, подороже.

– Закупочная цена на молоко 3,4% жирности 7 рублей. Все производители добиваются повышения цен закупочных, а нынче даже за зимнее молоко цену не повысили. И как ты думаешь, можем мы при таких ценах нормально жить?

– Вы же фермеры, не колхозники. Можете и подороже продать.

– Можем-то можем, да только кому продать. Сбыт-то не организован. Ну, продашь тушу, другую. А остальное? Вот и тратим время в поисках покупателя. А должны бы они нас искать. А чего им искать, базы заморским мясом забиты – оно, пусть и со всякой химией, но подешевле, чем наш натуральный продукт.

– Мы с тобою отвлеклись от встречи с Касаткиной. Вы что, на концерт так и не остались?

– Нет. Вышли мы из ресторана, в номер Люды вошли, немножко поговорили. Чувствую, Людмила Ивановна обиделась на меня, проводила нас до подъезда. Мы попрощались. На улице такой

ливень хлестал, я, пока до машины бежала, вся вымокла. Уже дорогой вспомнила, что оставила в номере фотографию Людмилы Касаткиной, которую она с таким тёплым чувством подписывала для меня. Сколько раз потом я мысленно просила извинения у Людмилы Ивановны. Своим отказом от концерта я прежде всего обидела её. Она ведь готовила добрые слова обо мне. Хотя, по правде сказать, я их не заслужила. И себя я тоже обидела: так редко бываю среди людей и упустила такую возможность. И Олега обидела тоже – он мог бы близко узнать таких знаменитых артистов, о встрече с которыми многие даже не смеют мечтать.

Продолжая листать фотоальбом, Ира остановилась на фотографиях цветов. «Всё это у себя снимала?» – спрашивает.

– А где ещё? Конечно, в своём цветнике. Я как-то прикидывала: около 100 видов разных цветов – и однолетников, и многолетних было. Прошлогодний сезон на моём цветнике был бедным.

– Почему?

– Весною обрадовалась раннему теплу. Поспешила высадить рассаду и цветов, и помидоров, и тыквы, даже рассада арбузов и дынь была. А потом как вдарил заморозок… И лишилась я всего, что летом так радует. Хорошо, хоть многолетники остались.. нет, вру. Несколько кустов самых прекрасных роз за зиму погибли.

– Смотри, вот на этом фото твой цветник просто великолепен. Что это за растения такие низкие и землю укрывают, как ковер роскошный?

– Ни за что не угадаешь. Той осенью я сама на мой цветник наглядеться не могла. До самого снега радовал. И когда весною снег сошёл, тоже было красиво.

– И чем ты так украсила свой цветник? Он даже под снегом красоту не потерял.

– Осенью из своего леса, что прямо за загонами, я стала носить мох: белый олений и зелёный. Укладывала этот мох на уже освободившиеся от однолетников участки. Даже не думала, что так красиво будет получаться. Решила на весь цветник уложить мох. Но в своём лесу его было мало. Еле уговорила Олега свозить меня за мхом на болото, куда ездят за клюквой, километров пять

от нас. И вот видишь, какая красота получилась. Серебристо-серые участки оленьего мха перемежаются с бархатисто-зелёными… Даже когда пасмурно, мой цветник смотрится празднично, а про яркую, солнечную погоду и говорить нечего. Да ещё эти пушистые высокие кусты кохий на этом великолепном живом ковре… Ближе к зиме зелёная окраска кохий стала ярко-пурпурной, и каждый раз, когда я выходила из дома, в дождь или в солнце, меня встречала созданная мною и природой радуга цвета. И так до самого снега. А там – своя красота.

– Этот мох, он на цветнике сохранился или высох потом?

– Я, когда начала укладывать этот ковёр из мха, даже не ожидала, что так здорово получится. А потом, когда увидела, какая красота поселилась на моём осеннем цветнике, размечталась, что мох прирастёт, защитит от сорняков. А я на фоне этих красивых моховых участков буду высаживать однолетники.

– Ну и что, получилось?

– Мох, конечно, остался живой. Он же очень неприхотлив. Ему, главное, чтобы воздух был чистый. Он, как и лишайники, является индикатором чистоты воздуха. Однако от травы он не защитил. Весною вездесущий пырей пробился через мох и замаскировал своей порослью зелёный мох. Через ягель пырей не вылез. На моём цветнике, где основа почвы – зыбучий песок, мох не даёт влаге быстро испаряться, удерживает её и даже накапливает. Жаль, что искусственный ковёр из мха – удовольствие очень трудоёмкое (мха надо много, да и возить его не близко), а то я стлала бы такое покрывало каждую осень.

– Мои самые любимые цветы – астры. А ты какие любишь больше всех?

– Мне кажется, все цветы по-своему хороши. Но мои любимые цветы – розы. Позволяли бы доходы, засадила бы я ими весь цветник.

Но вообще-то некоторые цветы не столь прекрасны, но если с ними что-то важное связано, то дороги они не меньше самых роскошных роз.

Вот возьми простые бархатцы. Мама моя их любила, и всегда они летом цвели у нас. И теперь их тёмно-красные бархатные

головки как будто переносят меня в далёкое детство, когда мама этими цветами украшала нашу небогатую жизнь.

Ещё я очень люблю подсолнечник. Не обычный, у которого семена на масло перерабатывают, а декоративный. Я даже свой сорт вывела, назвала «Журавлик».

– Как это ты умудрилась ещё и селекцией заняться?

– Очень просто. Мы же изолированы от цивилизованного мира, так что сам Бог велел новые сорта создавать (шучу). Не надо бояться, что посторонняя пыльца откуда-то попадёт. Купила я два пакетика семян декоративного подсолнечника двух сортов. Кстати, не пойму, почему такие дорогие семена у него. Каждое семечко два рубля стоит. Посеяла. Ни тот, ни другой сорт при цветении мне не понравился. Цветы мелкие, сами растения невзрачные. Однако семена собрала и снова посеяла. Полученные гибридные посеяла следующей весной. Совсем не похожий на родительские растения вырос подсолнечник. Гораздо выше, соцветий больше, они яркие и очень разные. То с чёрной сердцевинкой и светло-кремовыми лепестками, то с ярко-оранжевыми язычками лепестков, в общем, разные. Да, впрочем, у меня же в цифровом фотоаппарате много разных слайдов и цветов, и животных. Давай посмотрим.

– Давай.

Я достала из сумочки фотоаппарат (подарок Олега), и мы с Ирой начали путешествие в лето – листали слайды.

– Вот смотри, какой мой подсолнечник «Журавлик», нигде такого нет. Каждую осень я собираю его семена. Сейчас ими могла бы уже несколько гектаров по весне засеять. Но я раздариваю их и в большом количестве высеваю у себя в хозяйстве. Летом он радует своими цветами, а потом в загоны с ним я выпускаю маленьких поросят. Знала бы ты, с каким аппетитом они его едят. Масса большая, сочная, и, видимо, очень вкусная. Но если бы я начала продавать семена его по цене, как в магазинах «Семена», я бы, наверное, очень скоро стала миллионером.

– А вот это растение высокое с жёлтыми цветами, и поросята тут тоже пасутся. Это что?

– Это топинамбур, или, как вы его зовёте, земляная груша. У тебя на даче его нет, что ли?

– Нет. У соседки по даче есть, так она не знает, как от него избавиться.

– Вот и зря. Мы все одинаковые: что имеем, не ценим. Между прочим, это одно из самых полезных растений. Если клубни топинамбура использовать для салатов, то здоровье будет отменное, а у кого сахар в крови избыточный, так топинамбур обязательно в пищу надо употреблять, там инулин содержится. А для фермеров это растение вообще бесценное. В нём всё: и цветы, и листья, и клубни – для животных вкусный и полезный корм.

– Смотри, тут у тебя заросли какого-то фиолетово-красного растения. Никогда не видала такого.

– Это амарант метельчатый. Я его много посеяла весною. Хотела семена получить. В позапрошлом году они у меня вызрели. А вот в этом году 2-го сентября такой заморозок вдарил. Всю красоту сгубил. И ведь что обидно. После этого заморозка чуть не месяц по ночам не замерзало. А что толку-то: всё цветущее погибло. Остались цветущими только подсолнечник, да флоксы, да розы плетистые, да астры. Больше всего мне бегоний было жалко. Вот посмотри на слайде эти цветы. Думаешь, что это?

– Розы какие-то очень крупные и красивые. И красные, и жёлтые, и белые. Прямо целые охапки роз.

– А вот не розы. Просто ты листьев не видишь. Смотри на этот слайд, тут листья видны. Ну и что за цветок?

– Неужели бегония?

– Она самая. Я влюблена в её цветы. Они огромные, яркие. Как солнышко светят, когда бегония расцветает. Видишь, я посадила их в бочку и они: и красная, и белая, и жёлтая – смотрятся как огромный букет в голубой вазе.

– Они, что, и зимуют тут?

– Нет, перед холодами я клубни выкапываю, сажаю в горшки, и в состоянии покоя они у меня зимуют. Весной оживают, появляются мощные красивые листья. Из горшков высаживаю, когда минует угроза заморозков. Да, я про амарант-то тебе не дорассказала. Это тоже великолепное витаминное растение. Видишь, какие у него необыкновенной окраски листья: красно-фиолетовые.

– Почему такие? В листьях же хлорофилл содержится, а он ведь зелёного цвета, что, в амаранте его нет?

– Есть в листьях амаранта хлорофилл, только этот зелёный хлорофилл маскируется красными и фиолетовыми пигментами. Кажется, антоциан и фитоэритрин они называются. Как я люблю эти названия… Так вот, эти пигменты являются очень ценными витаминами. Видишь, сколько много их в амаранте? Чай из его листьев получается цвета красного вина, даже красивее, и такой вкусный и, конечно, полезный. Дураки мы, столько вокруг нас всего полезного, целебного, а мы не используем. Возьми хоть меня. У меня всё это целебное растёт, сама сажаю и знаю об этих растениях чуть не всё. А думаешь, использую? Животным отдаю, а для себя лень, допустим, из листьев амаранта или топинамбура салат сделать…

– Вот плети какие-то ты сфотографировала. Дай угадаю. Арбузики, что ли, маленькие.

– Да, угадала. Арбузики. Только такие они маленькие и остались. Поросята их сожрали. Выбежали два поросёнка в загон, где у меня и кабачки, и тыквы, и всякие корнеплоды, и, конечно подсолнечник росли. Я доила как раз. Думаю, хоть бы арбузы не съели. Да, далеко они, в самом конце загона. Авось не доберутся до них, на кабачках остановятся. Пусть едят их, для поросят они и посажены. Однако после дойки обнаружила, что ничего не тронули поросята, кроме арбузов. Как разыскали их среди такого разнообразия всего вкусного... Не знаю.

До глубокой ночи проговорили мы с Ирой.

Утром Олег увёз мою подругу на электричку.

ИМЯ РОССИИ

21 декабря, воскресенье 2008 года

Летом уходящего года на российском телеканале стартовал главный телевизионный проект года «Имя России». Из множества названных имён было отобрано двенадцать.

Спасибо телезрителям, благодаря которым в список попало имя великого российского (но почти забытого неблагодарной Россией) реформатора Петра Аркадьевича Столыпина.

И вот сегодня заключительный день проекта. Подведены итоги зрительского голосования. Каюсь, я лично за Петра Аркадье-

вича голосовала несколько раз. Впрочем, чего каяться. Я голосовала за своих деда, маму, её братьев, которые уже жили в ту пору и благодаря аграрным реформам Столыпина получили землю и звание кулаков. При советской власти мой дед с семьёю разделили участь большинства умных, работящих крестьян – были сосланы из родных мест на чужбину.

Имя Столыпина в проекте представлял Никита Сергеевич Михалков. Конечно, благодаря ему имя забытого великого реформатора для миллионов россиян восстало из забвения. О Петре Аркадьевиче Михалков говорил горячо, убедительно, с большим пристрастием и большой личной симпатией. Говорил как о нашем современнике, более того, он говорил о нём как о своём друге, единомышленнике.

Потому неслучайно, что именно вокруг имени Столыпина развернулась самая оживленная полемика.

Я специально выписала из энциклопедического словаря всё, что касается «звезды русской политики» и его реформ:

«**Столыпин Пётр Аркадьевич** (1862–1911) русский государственный деятель, министр внутренних дел и председатель Совета Министров (с 1906 года) В эпоху реакции 1907–1911 определял правительственный курс, организатор контрреволюционного третьеиюньского переворота 1907, руководитель аграрной реформы, названной столыпинской. Смертельно ранен эсером Д. Г. Богровым.

Столыпинская аграрная реформа. Буржуазная реформа крестьянского надельного землевладения в России, ознаменовавшая поворот аграрного политического курса самодержавия. Разрешение выходить из крестьянской общины на хутора и отруба (закон от 9.11.1906), укрепление Крестьянского банка, принудительное землеустройство (законы от 14.06.1910 и 29.05.1911) и переселенческая политика имели целью ликвидацию малоземелья при сохранении помещичьего землевладения, ускорение расслоения деревни, создание в лице кулачества дополнительной социальной опоры самодержавия. Реформа потерпела неудачу».

Вот как оказывается: «реформа потерпела неудачу».

На самом деле столыпинские реформы в своё время поразили весь мир своими успехами. Любит же всякая власть подстраивать историю под себя. Ещё бы, советский справочник сказал о реформах великого реформатора-одиночки правду: сказал бы, что за 5 лет реформ Россия превратилась из нищей голодной страны в державу, которая смогла поставлять продовольствие за рубеж, в которой появился класс зажиточных крестьян, которая за мизерный промежуток времени начала обживать и обустраивать ранее нетронутые просторы, которая за десяток лет на четверть увеличила своё население…

Тогда надо было написать о том, что у последующей власти не только не хватило ума продолжать гениальные реформы, но хватило жестокости, чтобы за 10 лет сделать страну ещё более нищей, голодной и разорённой, чем она была в начале столыпинских времён. До власти дорвались бездарные дилетанты, бывшие государственные преступники, террористы. Именно они создавали иерархию власти из себе подобных. Именно по вине этой власти десятки лет уничтожалось всё хорошее, что было в русском народе. Как ещё жива осталась Россия?

Я почему-то была уверена, что именем России по итогам голосования будет Столыпин. Но мелькали, менялись на табло цифры… Пётр Аркадьевич оказался на втором месте после Александра Невского, набрав 523766 голосов. А на третьем месте за Столыпиным… Сталин, потом «солнце русской поэзии» Пушкин.

А как распределились последующие восемь имён, как ни старалась, я не разглядела.

А хотелось бы узнать, на каком месте Ленин, Иван Грозный и т. д. Никто не узнал, потому что промелькнули портреты лиц России, не задержались на экране.

То, что Сталин вошёл в тройку «имён России», наводит на размышления. Хоть и сказал митрополит Кирилл, что русский народ незлопамятен.

Однако кем же надо быть, чтобы поклоняться палачу, чьи жертвы ещё живы или оплакиваются в каждой семье?

Но поскольку «мой избранник» и кумир Пётр Аркадьевич Сто-

лыпин попал в тройку «имён России», я хочу рассказать именно о нём.

Политическая обстановка в России в 1906 году была удручающей. (Впрочем, когда она была лучше). Слабая власть, разгул терроризма, коррупция, остановка предприятий, стремительное падение рождаемости, алкоголизм, бесправие крестьянства…

Всего 5 лет работы премьера-реформатора. Работы вопреки непониманию, ненависти, отсутствие единомышленников, сопротивление даже тех, ради кого он проводил свои реформы… Даже царь, на чью поддержку мог бы опереться премьер, боялся, что в «столыпинской» России самодержавная власть будет не нужна.

Столыпин постоянно подчёркивал: «Дело надо делать, господа». Человек дела, он презирал либеральное словоблудство политиков, далёких от проблем общества, и говорил: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия».

100 лет назад П. А. Столыпин предупреждал, что, если мы сами не будем осваивать Восток, его возьмут другие. Будто перекликаясь с Петром Аркадьевичем, Даниил Гранин в романе «Вечера с Петром Великим» словами своего героя, нашего современника, говорит: «…С точки зрения мировой цивилизации, наше существование является вредным. Мы не имеем права пользоваться этой страной, следовало бы отнять у нас земли, наличие в мире такого бесхозяйственного государства экономически неоправданно. Пустая Сибирь, неосвоенный Север…»

В период с 1906 по 1914 год в Сибирь переселились 3 млн 40 тыс человек. Новосёлы освоили более 30 млн гектаров пустующей земли, построили тысячи сёл. Сибирская земля обживалась. Крестьяне-переселенцы нашли свой путь в капитализм. Привычную общину сменила кооперация. Затем кооперативное движение охватило и европейскую Россию.

За 7 лет аграрных реформ в целом по России посевные площади увеличились на 10%, а в районах наибольшего выхода крестьян из общины – на 150%. Экспорт зерна увеличился на треть, достигнув в урожайные годы до 40% мирового экспорта зерна.

В 1913 году Сибирь вывезла 96 тонн масла, в том числе за гра-

ницу 70 тонн 400 кг, или 90% всего российского экспорта масла. Сибирские кооператоры продавали за границу также пшеницу, шерсть, пушнину. Всё это давало огромные доходы казне. В 1912 году экспорт продуктов питания достиг суммы 68 миллиардов рублей (по современным ценам), больше стоимости добытого золота, продукт, который благодаря человеческому труду дала земля, превысил стоимость драгоценного металла. Потребление мяса на одного человека увеличилось до 88 кг.

Самым ярким показателем правильного направления реформ было увеличение рождаемости. Население России с 1902 по 1912 год увеличилось на 30 млн человек. У россиян появилась надежда на будущее.

В одном интервью в 1909 году Столыпин заявил: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России».

Не дали ни одного года мирных реформ. Не было покоя внутреннего, а после Столыпина и внешнего. Как сказал Никита Михалков, представляя Столыпина в телевизионном проекте «Имя России»: «Не любит наше общество сильных. Малые мыши кучкуются, чтобы порвать большого зверя. Боятся идущих впереди».

Из речи П. А. Столыпина о земельном проекте и землеустройстве крестьян 5 декабря 1908 г.:

«Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своей землёй, властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков её к одному месту: он может прикупить себе земли, может заложить её в Крестьянском банке, наконец, может продать её. Весь запас его разума, его воли находится в полном его распоряжении; он в полном смысле кузнец своего счастья. Но вместе с тем ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от возможности утраты собственности».

Столыпин считал, что власти, принимая законы, должны иметь в виду людей разумных и сильных, а не пьяных и слабых.

Жаль, что в истории, как и в человеческой жизни, нет сослагательного наклонения, но если бы реформы Столыпина продолжались, Россия пошла бы по другому пути. Если бы…

Только подумать: всего пять лет пребывания П. А. Столыпина премьером, и… такие изменения в России.

С тех времён, очень трудных, ни один из российских премьер-министров по своим реформаторским способностям и близко не приблизился к П. А. Столыпину.

Современных премьеров мы даже по фамилиям запомнить не успеваем.

П. А. Столыпин в русском крестьянине видел человека, отмечал «сказочное терпение мужика» (как это современно).

Едва работящее, трезвое крестьянство благодаря реформам и вопреки другому крестьянству – ленивому, пьяному и потому нищему, получило землю и стало кормить не только Россию, а и заграницу, оно получило обидную кличку «кулачество».

Пришла новая власть. Уже по тому, как она поступила с нарождающимся новым, думающим, работящим и потому не бедным крестьянином, можно судить, что за власть воцарилась в России на долгие годы.

Вместо благодарности потомки великого реформатора поспешили забыть его имя. Не мудрено. Нам, россиянам, свойственно отрекаться от всего, что сделано до нас.

Не зря же пели и поём: «Отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног…»

Давно ли Советского Союза не стало, а мы уже с презрением говорим: «в советские времена», обзываем себя «совками». Короче, опять отреклись, теперь уже сами от себя.

Что характерно для России, так это то, что она вечно «молодая». Во времена Петра I «Россия молодая», после 1917 года – опять помолодела. У Маяковского: «Другим странам – двести, история пастью гроба, а моя страна – подросток. Твори, выдумывай, пробуй». Союз развалился, и опять на всех лозунгах, со всех трибун: «Россия молодая». Вот бы так человеку: за жизнь десятки раз молодеть.

Отзвуки реформ П. А. Столыпина, несмотря на то, что в стране после его трагической гибели не оказалось ни лидеров, ни политических сил, способных продолжать начинания гениального премьера, дошли до нашего времени. Предки крестьян-пересе-

ленцев продолжают осваивать Сибирь. Живём мы, потомки россиян, родившихся во время «демографического бума» во времена Столыпина. Будут жить наши дети и внуки. Будет жить Россия. И, может быть, опыт столыпинских реформ поможет великой России кормить не только себя, но и государства, площадями которых мы измеряем свою необъятную территорию.

7 января, среда 2009 г.

Сегодня Рождество. Погода наконец-то зимняя. Правда, снегу немного, но всё -таки земля укрыта. Олег пользуется тем, что снег неглубокий, и все праздничные дни возит сено на «Беларуси». В день 4 рейса делает, сразу по 15 рулонов возит, так что 830 заготовленных им летом рулончиков скоро окажутся на месте. Молодец, сам грузит, сам возит, сам сгружает.

По твёрдой, накатанной тяжёлыми пенами с сеном, дороге приехала на мой хутор Надежда Павловна Холманских. Да не одна пожаловала. На заднем сиденье молодые мужчина с женщиной и двое мальчишек. Собаки дружелюбно встретили гостей. С Надей и Сергеем они были уже знакомы.

– Ну, Наденька, спасибо за рождественский сюрприз. Даже и не мечтала сегодня гостей у себя принимать,– я так рада встрече.

– Познакомься с будущими фермерами: Иван и Настя, а эти мальчики Илья и Денис – их сыновья.

Молодёжь вышла из машины и с любопытством оглядывала мой заснеженный хутор.

– Пойдемте в дом, мои дорогие, – приглашаю гостей. – Не обессудьте, приехали без предупреждения, так что садитесь и ждите, пока на стол соберу. В квартире холодно, не раздевайтесь, пока не нагреется от калорифера. Я его просто так не включаю, электричество экономлю, а печка с камином в другой комнате, так что пока от печки тепло сюда попадёт…

Сергей принёс из машины коробку с гостинцами. Мужчины разместились на диванах у телевизора.

Надя с Настей нарезали колбасу, сыр, расставили чашки и тарелки. Через полчаса праздничный обед был готов. В комнате заметно потеплело, и всё располагало к деловым и не очень разговорам.

– Есть хорошие новости, – сообщает Надежда после того, как все немного подкрепились. – Наш кооператив встаёт на ноги. Ещё по осени я побывала в нескольких районах, разговаривала с сельскими жителями. Я как-то по-особому смотрю сейчас на людей, которые работают в колхозах и получают за свой труд мизерную плату. Большинство из них не прогульщики, грамотные, работящие. Не живут, а выживают. А ведь у них – дети. Я думаю, что в такой бедности трудно их не то что воспитывать, а просто прокормить.

– А что,– спрашиваю, – разве они своё хозяйство не держат, всё-таки подспорье?

– Да в том-то и дело, что держат и поросят, и коров. Да только со сбытом у большинства проблемы. А перекупщики обнаглели, пользуются тем, что люди не могут продать мясо по хорошей цене, вот и скупают по дешёвке.

Когда я им рассказала о нашей «Надежде» (так кооператив назвали), сказала, что согласна с ними сотрудничать, рассказала, на каких условиях, очень многие обрадовались. Даже договоры с нами заключили. Так что членов нашего кооператива прибавилось.

Кооператив уже помогает своим членам. Своим транспортом мы увозим животных на забой. Открыли два магазина, где реализуем продукцию наших компаньонов, пока только мясо. Естественно, его принимаем по более высоким ценам. Всё это, конечно, достаётся нелегко. И это только начало нашего сотрудничества с частными производителями.

Мальчики Илья и Денис освоились в новой для них обстановке и теперь заинтересовались мягкой шкурой, накинутой на спинку дивана. «Это шкура бобра», – ответила я им и поведала гостям удивительную историю, связанную с этой шкурой.

– Было это лет пять тому назад. Очень здорово нам досаждали (да и сейчас то же самое) бобры. Плотины на канавах устраивают, да так, что вода через верх запруженного канала или канавы на сенокосы потоком льётся, размывает их: с косилкой не зайдёшь. Олег частенько разрушал умные сооружения. Бобры восстанавливали плотины очень быстро. По крайней мере на дру-

гой день нужно было снова растаскивать хитро уложенные сучья, траву, тину, коренья.

В начале лета приехал к Олегу сын моей племянницы Андрей, Олег взял его с собою, привёз сюда. Сам занялся ремонтом косилки, а Андрея направил на канал, чтобы тот разломал верх бобровой запруды. Андрей взял крюк, который Олег специально сделал для растаскивания бобриных стройматериалов, и пошёл к указанному Олегом месту. Идёт Андрюшка вдоль канавы, через густой ивняк продирается, уже слышен шум водопада. Андрей осторожно пробрался через кусты, плотина восстановлена после вчерашнего разрушения её Олегом.

Андрей забрался на средину сооружения и начал крюком растаскивать толстые сучки и коренья. Вдруг сзади кто-то сильно толкнул его в ноги, чуть не сорвался парень под мощный поток воды, ладно, на крючок опёрся. Резко обернулся: два бобра – один поменьше, другой крупный – откуда-то взялись на глубокой стороне канавы. Они явно готовы были сражаться за своё творение. Андрей замахнулся металлическим крючком. Старший бобр с шумом нырнул в тёмную глубину, а младший, яростно фыркая, бросился на Андрея. Пришлось обороняться человеку от смелого строителя, который, рискуя своей жизнью, спасал плотину. Ну а итог этого поединка вы держите в руках. Жалко, конечно, бобрёнка. Но сам виноват. Хотя «безумству храбрых поём мы песню».

Мальчишки, да и взрослые тоже, внимательно выслушали рассказ о смелом бобре.

– Как праздник провела? – интересуется подруга.

– А для меня что праздники, что будни – всё едино. Признаться, я даже не люблю праздников. А уж что касается этих зимних всеобщих каникул, так мне это вообще кажется какой-то нелепицей. Миллионы людей среди зимы маются дурью, не знают, чем себя занять, пропивают, проедают последнее. Как пригодились бы эти каникулы весною, когда каждый день год кормит.

Новый год нынешний встречала с Тимой, Никитой и телевизором. А ты, Надежда, где слушала бой курантов?

– По-семейному, в узком кругу самых близких людей отмети-

ли мы Новый год. А все остальные «каникулярные» дни была на работе. Завод не останавливали. Случайно не хочешь поближе познакомиться с этими молодыми симпатичными ребятами? – Надя хитро, с улыбкой смотрела на Настю и Ивана. - Думаешь, чего это я с ними к тебе в Рождество приехала?

– Очень даже хочу узнать их поближе. Просто так ко мне сюда редко кто приезжает, – мне действительно интересны эти молодые ребята, тем более что Надя представила их как будущих фермеров.

– Так вот, Настя и Иван – близкие знакомые моей сестры Катерины. Правда, живут они не в одном селе. Впрочем, чего это я о них говорю. Давай, Настя, сама рассказывай о себе и своей семье. Я ведь тоже о вас не всё знаю, – Надежда приглашает к разговору мою молодую гостью. Чувствую, что она волнуется. Пытаюсь разговорить её, делаю комплимент: «Настя с Иваном такие молодые, а уже двое взрослых детей, сколько вам лет, Илья?

– Мне уже 12 лет, а Денису 10, и нас не двое у мамы с папой, – Илья отрывается от телевизора. Настя смеётся:

– Илюшка прав. Дома у нас ещё четверо ребятишек, с бабушкой остались. Так что семейка у нас немаленькая. И приехали мы к вам именно поэтому, просим помочь нам.

– Очень даже интересно. Чем это я могу помочь такой хорошей семье? – удивляюсь я.

– Приехали мы к вам по совету Екатерины Павловны. Она крёстная нашей младшей дочки Кати. Живём мы далеко от райцентра. Деревня наша давно уже числится неперспективной. В этом году даже школу собираются закрывать. Колхоз два года как перестал существовать. Раньше мы с Иваном там работали: я бухгалтером, он трактористом. Сейчас все бывшие колхозники сами по себе: кто на вахту северную подался, да тоже не радуются – обманывают там наших мужиков. Большинство как-то выживает за счёт пенсий да своих личных хозяйств. Вот и мы занялись разведением свиней. Корову держим, телят, – Настя очень толково начала рассказывать о своей жизни.

– Ну и как процветает ваш семейный бизнес?– заведомо зная ответ, спрашиваю я.

Иван включается в разговор:

– Катерина Павловна подарила нам вашу книжку «Лекарство от бедности». И решили мы свиньями заниматься по вашему методу.

– Это как же, интересно?

– Отпустили поросят на свободный выпас, благо дом у нас на отшибе, травы кругом – немеряно. Первое время всё было нормально, к ночи поросята домой возвращались, сытые. Мы их немного покормим, чтобы от дома не отвыкали. Потом поросята теряться стали. Так и пришлось сделать загон и держать их в нём. Через неделю в этом загоне сплошное месиво стало. Как-то подрыли свиньи под досками лаз, на волю выбрались да у соседей картошку и вырыли, не всю, правда, но скандала наделали. Пришлось своим урожаем рассчитываться.

Посоветовались мы с Настей, с ребятами и решили. Надо нам из своей деревни как-то выбираться. Перспектив же никаких. Ни нам, ни тем более ребятишкам нашим! В деревне нашей только мы помоложе.

Школа за пять километров, девять классов, и ту в этом году из-за малого числа учеников закрывать будут.

Илья с Денисом решили вмешаться в разговор:

– Мы в райцентр учиться не поедем, а если увезёте – сбежим.

– Нам самим, – говорит Иван, – от себя мальчишек отрывать не хочется. Как вырастут без родительской ласки с малых лет, неизвестно. Это сейчас они добрые да умные.

Чувствуется, что Настя с Иваном любят своих детей и беспокоятся за их судьбу. Я уже понимаю, почему именно ко мне приехали за помощью эти молодые многодетные родители. Если это то, о чём я думаю, то помочь им смогу. Тем не менее, спрашиваю:

– Ну и какой помощи вы от меня ждёте?

Надежда решила озвучить цель приезда Ивана и Насти на мой хутор:

– Помнишь, ты рассказывала мне о деревнях, которые уже давно осиротели, и тебе хотелось, чтобы в них вернулась жизнь, помнишь?

– Ну ещё бы мне не помнить! Я даже во сне иногда вижу, что

сама хозяйствую на этих землях, которые заброшенными даже пока нельзя назвать, – мои догадки о цели приезда молодёжи оправдались. Я очень рада.

– Вот и хорошо, – говорит Надя, – именно из-за этих земель и появились мы у тебя. По пути я рассказала ребятам и о тебе, и о твоей мечте вдохнуть жизнь в покинутое людьми место. По-моему, для Насти, Ивана и их большого семейства это то, что надо. Так что давайте заварим сейчас ещё чайку, и ты расскажешь нам, как бы ты начала хозяйствовать на этих землях, если бы получила их в своё распоряжение. Учти, что Иван с Настей пока ещё не фермеры и опыта в животноводстве у них немного, так что ты рассказывай нам до мелочей подробно: как в период становления избежать ошибок, которых мы в своё время допустили немало.

– Я думаю, что без ошибок никто не обойдётся. Вся наша жизнь состоит из проб, успехов и ошибок. Только хочется, чтобы ошибок было меньше, а успехов больше. Пусть сами Настя с Иваном расскажут о себе.

– Рано или поздно, менять место жительства нам пришлось бы, прежде всего из-за детей. Если мы переедем в соседнюю с вашим хозяйством деревню, то ребятишки смогут закончить среднюю школу, не разлучаясь с нами. Это главное. В опустевшей деревне мы сможем обустроить своё хозяйство, развить животноводство. Немаловажно и то, что мы рассчитываем на вашу помощь, не материальную, конечно. Помочь советом – это ведь так важно. Особенно вначале, – Иван с Настей были готовы слушать мои наставления.

– Ну что ж, тогда договоримся, я рассказываю, как сама начала бы хозяйствовать на этих землях. А уж решать вам, следовать моему опыту или нет.

Итак, я начинаю с документального оформления выбранного мною участка для создания на его базе фермерского хозяйства. Препятствий в этом деле, я думаю, чинить никто не будет. Очень уж много земли не используется, и чиновники с удовольствием пристроят удалённые угодья в надёжные руки.

Мои гости внимательно слушают. Надежда Павловна заинте-

ресована в том, чтобы как можно больше людей заселяли нашу глубинку, кормили бы себя и поставляли сырьё для её завода, а в итоге обустраивали бы нашу необъятную Россию.

– Что дальше будешь делать, новоиспеченный фермер? – спрашивает она.

– А дальше уже на своей земле буду решать, что я имею, чего мне недостаёт и что нужно сделать в первую очередь для создания рентабельного хозяйства.

Итак, в моё распоряжение передано около двухсот гектаров сенокосов, деревня с десятью нежилыми домами. Когда-то территория деревни была обнесена изгородью, восстановить которую нетрудно.

Очень много зависит от того, насколько правильно я выберу направление развития своего хозяйства. Раз я обладаю таким богатством, как сенокосы, значит, сам Бог велел заниматься разведением крупного рогатого скота.

– Мясного или молочного? – спрашивает Надежда.

– Пока нет разницы в ценах на мясо молочных и мясных животных, я буду заниматься молочным скотоводством. Населённый пункт недалеко. Так что рынок для сбыта молока обеспечен. В моей деревне сохранилась электролиния. Это великое благо. В крайнем случае, при отсутствии электричества я придумала бы что-нибудь: например, установила бы ветряк, мощность электрическая мне нужна небольшая, но постоянная. Не включать же дизельный электрогенератор каждый раз, когда хочешь посмотреть телевизор (так что дизельную электростанцию я покупать не буду). Наличие асфальтированной дороги, которая проходила бы через моё хозяйство, необязательно, даже нежелательно. Не хочу, чтобы моё «ранчо» было «проезжим двором». Мне достаточно грунтовой дороги. Чтобы хозяйство моё работало рентабельно, я должна иметь довольно большое поголовье животных: КРС не меньше 50, свиней 150–200 голов. Содержание: коровы и телята летом будут пастись на пастбище, зимой – находиться в загоне с укрытиями от снега и ветра. Поросята летом будут пастись в загонах на зелёной траве, зимою они будут жить во дворах, пользуясь длительными прогулками на свежем воз-

духе. Концкорма я буду покупать, так как сама выращивать зерновые не смогу. Нет техники для обработки почвы, посева, уборки зерновых, также потребовались бы комбайн, сушилка, зернодробилка и т. д. Да и затраты электроэнергии были бы очень велики.

Я подсчитаю свои первоначальные затраты и обращусь в твой кооператив за кредитом. Бухгалтерия кооператива оформит мне нужную сумму на 3 года. Без долгих хождений по канцеляриям, кредит я получу быстро и сразу отправлюсь в крестьянское хозяйство «Журавлик» за свинками, хрячком, телят куплю в колхозе. Ну, конечно, перед этим по моей заявке в счёт кредита твоя фирма своим транспортом привезёт мне корма, у меня под них уже приготовлен сарайчик, куда не попадёт вода, не будут плодиться крысы. Итак, я наняла машину, привезла свинок, хрячка, телят, корову. Выпустила всех в загон. Загон большой, вся деревня огорожена, посередине деревни вековые липы, тополя, водоём неглубокий, чистый, будет где напиться моим животным. Красота. Трава в моём загончике много лет не кошенная, нетоптаная, зелёным ковром лежит под ногами и, кажется, вместе с моими животными рада, что послужит доброму делу.

Для поросят я построю загоны, нужно много загонов. Самое хорошее, если с весны в нескольких из них посадить топинамбур (это на осенний период). Если есть возможность организовать свободную пастьбу (поросята хорошо знают свой дом) – организую. Однако они очень портят пастбища, и особенно сенокосы, в поисках корней такие ямы роют. Телята пасутся в большом загоне. Хрячок уже интересуется свинками, значит, где-то в августе будут первые опоросы.

За лето построю для своих питомцев (или приспособлю в старых дворах брошенных домов, что даже лучше) тёплые сухие клетки для опоросов. Сентябрь, октябрь, ноябрь – месяцы осенние нехолодные, в сентябре и октябре маленькие поросята с матерями будут резвиться на воле, только на ночь прятаться в тёплых стайках. А к ноябрю можно уже отнимать от матерей и снова случать свиноматок, чтобы к весне от них получить новые опоросы. Я не гонюсь за скорой прибылью, я не буду продавать ве-

сенних поросят, разве что убавлю из гнёзд «лишних», оставлю под свиноматкой 7–8 крепышей и буду держать их с нею не менее 2-х месяцев. Для подкормки малышей с 10-дневного возраста я буду давать им ЗЦМ (заменитель цельного молока) в сухом виде, чуть попозднее смешивая его с сухими гранулами. Гранулы, хоть они немного дороже, выгоднее для моего хозяйства. Я даю животным сухие корма, поэтому гранулированные более экономичны. Да, подсосным свиноматкам в корм я тоже добавляю ЗЦМ и кормлю их досыта, с весны до поздней осени даю доступ к зелёной траве, а зимой не реже двух раз в день без поросят выпускаю на волю, чтоб они могли побегать по снегу, вволю поесть его. Кстати, снег я даю и маленьким поросятам. Они с удовольствием его поедают, чистый снег заменяет им воду для питья. Телята у меня также живут на воле, даже зимой. Из рулонов сена мы сделали им небольшие закутки, сверху на рулоны положили доски, на которые тонким слоем наклали пласты сена. Тёплые, сухие, непромокаемые помещения получились. В них мои телята укрываются от ветра, снега. Стены этого убежища – корм для них. На воле – метель, ветер с ног сшибает, а мои телятки стоят в своих «кабинетиках» и спокойно едят сено. Дешёвые и эффективные животноводческие помещения. Не надо фермеру ни в начале своей деятельности, ни потом строить дорогие дворы из кирпича и бетона, дорогого шифера. В кирпичных дворах всегда сыро, холодно. Если бы сейчас лично мне пришлось начать, я бы основным строительным материалом для животноводческих помещений выбрала… рулоны сена. Почти бесплатные животноводческие помещения были бы универсальными: для коров повыше и попросторнее, для телят – пониже и потеснее, для поросят – вообще лабиринты, чтоб холодный воздух не охватывал их. А капитальные дворы (из дерева) соорудила бы для обустройства электродойки, отёлов, опоросов.

И ещё: я вам рассказываю от лица воображаемой фермерши, но, конечно, у неё должна быть семья и не только потому, что было бы кому работать. Работать можно и с чужими людьми: нанимать их, платить определённую плату. С чужими, с одной

стороны, работать даже легче. Только одно условие: не включать их в состав членов своего хозяйства, просто оформлять на работу в качестве рабочих. Ты это тоже не хуже меня знаешь, мы это проходили и знаем, сколько ненужных проблем потом возникает. На своём опыте убедилась: нельзя заниматься фермерством за компанию с кем-то. Лучшие друзья при этом становятся злейшими врагами.

Так вот: семьёй работать в фермерском хозяйстве важно прежде всего потому, что есть для кого работать. Если поддержка семьи налицо, то фермер как хозяин обязательно состоится. Если же ты знаешь, что дело, которое начинаешь, как правило, уже в зрелые годы и с твоим уходом заглохнет, никем не будет продолжено, наверное, лучше и не начинать. Как ты думаешь?

Я ждала Надиного ответа, мне было важно знать, что она думает об этом.

– А ведь ты, пожалуй, права. Я тоже думаю, что человек, что-то значительное создав на свете, должен передать это в надёжные руки, которые не только бы не загубили созданное великим трудом, а и преумножили бы его и пошли дальше.

Боже, как верно подхватила мои мысли Надя. А ведь именно это сейчас составляет для меня основную проблему.

Иван поинтересовался: «Как быть с сенокосами?»

– Так как организацию своего хозяйства я начинаю весною, то есть время позаботиться о заготовке сена. Мои сенокосы вот уже два года уходят под зиму с некошеной травой. Больно смотреть на это. Ещё год, два, и пропадёт труд, затраченный на их залужение ещё в 80-х годах. Подёрнутся кустарником, зарастут берёзками прекрасные сенокосные угодья. Ничего, стоит начать их регулярно скашивать, и всё будет в порядке. В первый год мне придётся нанять сенокосную бригаду, возможно, из хозяйств – членов нашего кооператива. Потом, когда хозяйство окрепнет, я куплю свою сенокосную технику. Пусть не новую, но это будет моя техника, и при бережном обращении она прослужит долго.

– Где жить будешь на новом месте? – опять экзаменует меня Надежда Павловна.

– На первое время выберу более-менее приличный дом в де-

ревне, нежилой. Недорого выкуплю его и одновременно начну строительство удобного, красивого жилища. Важно, что и обустройство хозяйства, и создание жилья будет идти одновременно. Надеюсь, вы понимаете, что, рассказывая вам об устройстве хозяйства, я говорю от своего лица. Всё я да я – для простоты. Ясно, что вы будете работать всей семьей. И в условиях такой великолепной деревни вы сможете не только производить мясо свиней, КРС и молоко.

Можно будет заняться пчеловодством, сажать овощи, картофель, да такой большой семье любое дело будет по силам.

Однако я отвлеклась. Итак, уже на второй год хозяйствования у вас будет продукция для реализации. Поросята от первых опоросов уже подросли. Лучших свинок вы оставляете на племя, остальных реализуете через наш кооператив. Телята тоже выросли. Скоро начнутся первые отёлы. Пора покупать доильный аппарат.

Ваше хозяйство крепнет, развивается. Вы начинаете выплачивать кредиты. Земля, которую вы облагораживаете своим трудом, даёт плоды, платит вам за добро добром. Ваши дети с вами. Они растут на свободе. Учатся в школе и в свободное время занимаются своими любимыми делами. Кто-то выращивает кроликов, кто-то возится с курами… Вы семья, и пусть ваши доходы не баснословны, вы живёте в достатке, своим трудом. И у вас, и у ваших детей есть будущее. Вы хозяева. Ну как, доходчиво я объяснила вам, как обустроиться на новом месте?

– Всё нам понятно, да и как-никак собственный опыт имеется. С животными с детства сами с Настей возились, а сейчас и дети умеют с ними обращаться, – говорит Иван.

– А я кроликов буду держать, никому их не доверю,– включился в разговор Илья.

– Очень хорошо, – улыбается Надя, – я у тебя их с удовольствием приму и очень хорошо заплачу.

– А я научу тебя, как очень просто содержать ушастых, – поддерживаю я планы мальчика.

– Как? – ему интересно.

– А так. Выкопаешь глубокую яму, запускаешь туда несколь-

ко крольчих и кроля. Бросаешь в яму корм, ставишь воду для питья. Потом яму закрываешь сеткой, чтоб какой-нибудь зверь типа собаки туда не забрался. Кролики в этой яме в стенках роют норы. Там плодятся. Твоё дело – бросить корм им, давать воду или снег да отлавливать готовых кроликов.

– Здорово, – оба мальчика уже готовы стать кролиководами… по моему методу.

– Вот видите, как хорошо, – говорю я , – юные кролиководы у нас уже есть, будут, значит, и дояры, и свиноводы, и пчеловоды. А потом, когда молодёжь окончит школу, будут у нас и инженер, и ветврач, и агроном. И будет интересная жизнь на своей земле, которая сумеет отблагодарить людей за труд и заботу о ней.

– Спасибо за науку. Ближе к весне ждите соседей, – ребята и Надежда Павловна с Сергеем дружески попрощались со мною.

Проводила я их. И по-хорошему позавидовала. Сбросить бы годков двадцать, никому бы не отдала я этой осиротевшей земли, превратила бы её в рай земной.

МОИ ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Зима ещё не наступила,
Средина октября.
Неприятна слякоть:
Всё уныло,
И на душе – такая пустота.

Придёт ноябрь.
И снег падёт на землю,
Не надолго,
И, как в апреле,
Зазвенит капель.

Увы… Ноябрьская капель
Апрельской не чета.
Там – лето впереди,
А здесь зима, зима…

Вот-вот она
Поселится у нас.
Снежинки закружат,
Танцуя снежный вальс.

Трещат дрова в печи,
мороз…
Зимы всё не было.
И вот…

Она пришла со снегом,
ветром и пургой…
Со всем, что называется
зимой.

Снежинок нежных хороводы
Неслышно превращаются в сугробы.

Люблю такие вечера:
Кругом пушистые снега,
Сияет полная луна.
Все заполняет тишина.

Морозно…минус двадцать…
Кругом так тихо,
Хрустально хрупко и бело.
На зимнем солнце
Снег искрится,
И на душе светло-светло.

Пушистый иней
Лес укутал,
Морозный воздух
Грудь теснит.

Негромко где-то
Ветка хрустнет,
И снова всё молчит, молчит…

Гляжу с восторгом
В сказку эту,
Дыханьем тишину
Вспугнуть боюсь.
Моя Великая Природа!
Твоей рабой быть не стыжусь.

Как всё же дни зимы
Похожи друг на друга.
Но иногда – такая вьюга…
Всю ночь непогода бесилась:
В двери ломилась,
В окна рвалась.

Стихла к утру,
Утомилась,
Сугробами улеглась.

Замело все дороги и тропы.
Не проехать ко мне, не пройти.
Жить в затерянном мире непросто,
Но лучше его – не найти.

Снегу – вровень с забором,
Ветер сшибает с ног.
Как-то зверю в лесу живётся,
Кто до весны доживёт?

К свинкам моим из леса
Повадился мощный кабан.
Анчар, заливаясь лаем.
На дикого зверя напал.

Только силы неравны:
Анчару полгода всего.
Приполз с пропоротым боком –
Еле спасла его.

На солнце февральском
Ярким алмазом
Берёза блестит.
На розовых ветках,
На почечке каждой
Снежинка-искринка дрожит.

Был февраль похож на апрель,
А сегодня такая метель.
Сверху, снизу метёт и метёт…
Спохватилась зима
И пока не уйдёт.

Не зависит погода
От наших желаний…
Существует сама по себе.
То в мае закружит снегами,
То яблоней вдруг
Зацветёт в октябре.

И, наверное,
Это неплохо,
Что прихоти наши
Ей ни к чему.

Когда б человек
В это дело вмешался –
Такую б создал кутерьму:
Для кого-то зимою
Не в радость метели,
Сугробов – не надо ему,
Летом – дожди надоели,
Ему подавай жару.

Природа сама решает:
Где засушить,
А где – полить.
И по её законам
С погодою надо дружить.

Я начинаю до весны
Считать деньки,
В уме у дома
Я цветы сажаю.

Считаю неродившихся телят,
По лесу, зимнему ещё, с собаками гуляю.

Она, весна, придёт,
Она уже не за горами.

Ещё кругом снега,
Ещё проталин мало.
Но празднуют тетерева
Весны начало.

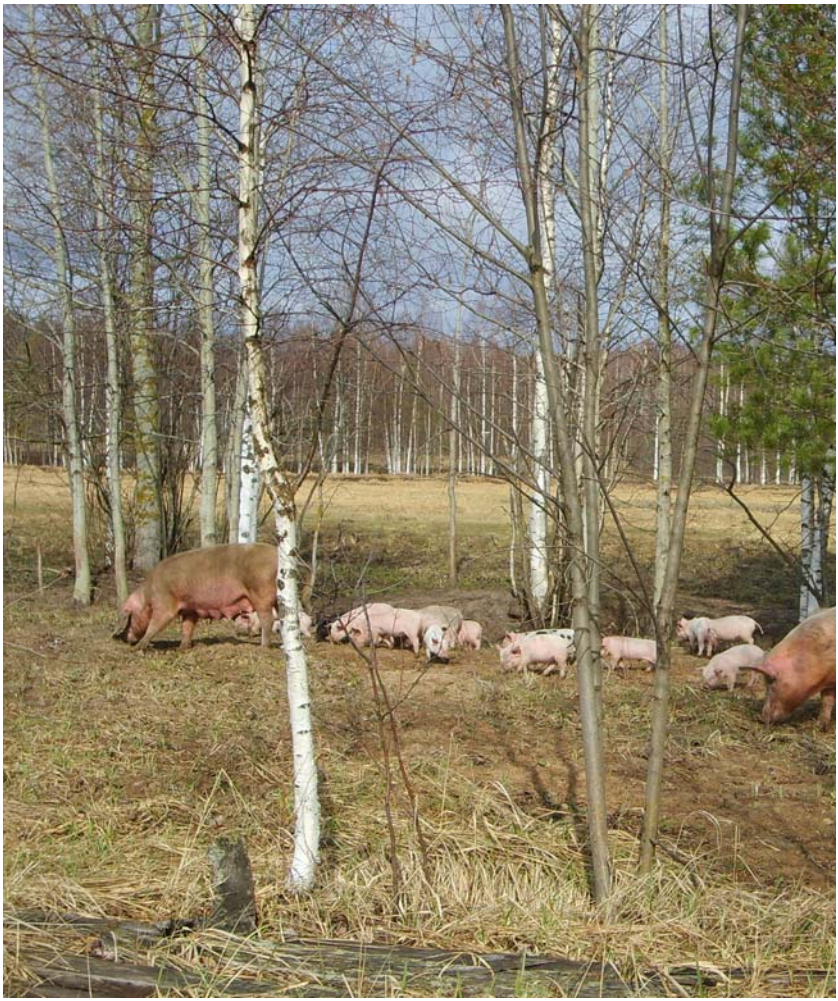
Бурлит болото
Тетеревиным током.
Запоют снега ручьями,
И проснётся робкая капель.

Зазвенит синица на поляне,
Снег стряхнёт у дома ель.
Очнулась природа от зимнего сна,
И снова у нас
Поселилась весна.

Ранней весною
Лесов пробужденье,
Крик журавлиный вдали.
С тобой, земля моя светлая,
Думы, надежды, мечты.

Рассветы, закаты,
Дожди и туманы…
Метели, сугробы,
Морозы, жара,

Цветы и крапива,
Леса и болота –
Всё это доля моя.
Звёздное небо,
Росистое утро,
Вечер с каймой золотой,



Кряканье уток,
Трель соловьиная –
Это со мною,
Только со мной.

В начале апреля
Проталин всё больше,
На них зеленеет трава.
Коровы от сена
По снегу уходят
К траве, что им дарит весна.

В каналах вода поднимается выше,
Ухает в трубах, бурлит.
Сливаясь с водою России,
В Каспийское море спешит.

Платок драгоценный,
Зелёный, воздушный
На лес кто-то кинул
Волшебной рукой.
И он, ещё вечером серый,
Утром стал совершенно другой.

Лопнули почки,
Свершается чудо,
Кругом зеленеют
И лес, и трава.
И крякают утки,
И гуси гогочут –
Вздыхает блаженно земля.

И музыка весны продолжится.
И что ни новый день –
Новое услышится,
И слушать мне не лень.

Дождь весенний,
Самый первый,
Первая гроза…
И берёзы запах горький...
В воздухе – весна.

Льды и снега растопила,
Зеленью землю укрыла она.
Оставив мне лето в наследство,
Куда-то тихонько ушла.

Голубые звёздочки фиалки,
Вероники синие кусты,
Зверобоя изумрудные листочки:
Лета юного цветы.

Вот манжетка зеленеет,
В кулачке зажала каплю.
Глянь, куртинка розовеет:
То цветёт кошачья лапка.

Костяника зацветает,
Белым кружевом укрылась.
На полянке встреча с летом.
Или это мне приснилось?

Эта нежная пора
Скоротечна очень,
Незаметно перейдёт
В золотую осень.

А пока бела поляна
Земляничным цветом.
Обещает урожай
Алых ягод летом.

Засыпаю под музыку леса:
Соловьиную трель и
И кукушкин отсчёт.
Просыпаюсь под ласточкин щебет
И мычанье любимых коров.

Мои соседи по планете,
Едва из дома выйду я,
Мычаньем, хрюканьем и лаем
Встречают радостно меня.

Пролетели лебеди надо мною,
И забрали лебеди мой покой.
Птица эта редкая
Вдаль звала,
Даже гуси белые
Подняли крыла:

– Вы возьмите, лебеди,
Нас с собой,
Разлучите, лебеди,
Нас с землёй.

Только птицы чудные
Всё летят, летят.
И с тоскою гуси
Им вслед глядят.

И нельзя тяжёлым
В небо воспарить.
Не летать им выпало –
По земле ходить.

Всю ночь зарницы полыхали,
Верхушки леса озаряли.

На небе звёзд парад сиял,
Далёко где-то
Гром ворчал.

Освещённый сегодняшним солнцем
И умытый вчерашним дождём,
День засветился новый.
Сколько дел,
Сколько радости в нём.

Босая, выйду я из дома,
По росам утренним пройдусь.
Из добрых рук травы зелёной
Воды живой напьюсь.

Вокруг меня мир,
Он не очень-то яркий.
В нём краски не броски,
Цвета, как подарки.

Берёзы белоствольные,
Зелёная трава,
Чёрный торф дороги,
Да неба синева,
Да белый снег зимою –
Вот все мои цвета.

И потому весною
Сажаю я цветы,
Чтобы живыми красками
Светили мне они.

На столе моём тюльпанов
Маленький костёр.
Отгорит он очень скоро,
Погасит искры о ковёр.

Лепестки тихонько сникнут,
Потеряв красу.
А пока мои тюльпаны
Яркие, в цвету.

Долго пионы сил набирались,
Зацвели наконец
Этим летом.
Средь незабудок и лилий
Вспыхнули ярким букетом.

Зацвели у дорожки розы,
Первый год у меня они.
Сердце полно восторга,
Как же розы прекрасны мои!

В тёплых ладонях цветов
Усталые спят шмели.
Ты их не касайся рукой,
Трудяг не тревожь, не буди.

Призрачно-белый туман
Этажами ложится на травы.
Коров силуэты чернеют на нём.
Ночью они пасутся,
А отдыхают днём.

Дневную жару,
Оводов полчища
Лучше в тени переждать.
И лучше пастись,
Утопая в туманах,
Чем извергам с крыльями
Кровь отдавать.

Нашла на поляне
Корову Полянку.
Телёночек с нею –
Родился вчера.

Бросился сразу бодаться,
Едва я к нему подошла.
Назвала я Зубрёнком телёнка,
Вместе с Полянкой домой увела.

Такие вот наши коровы,
Такие у нас дела.
Свинки тоже,
Едва просмотришь,
В лес уходят,
Попробуй найди.

Через неделю приходят
С потомством:
Дескать, хозяйка,
Готовых бери.

Раскалённая земля,
Замолчавший лес…
Солнце жгучее с утра,
И ни капельки с небес.
Сушит, жарит и печёт…
А на юге льёт и льёт.
Сохнут травы,
Никнет клевер,
Засушило нынче север.

Ох, как надо дождя,
Как о нём всё живое мечтает:
Каждый куст,

Каждый лист,
Каждый жук.

Наконец-то сжалилась
Ливнем природа,
Разразилась дождём и грозой.
Надолго…

Воды потоки
Низвергаются с небес.
Промокло все:
И дол, и лес.

Раскисли дороги,
Едва проезжает «уазик».
Проблема к двору подойти.

Ну что тут поделать?
Кругом же торфяник,
И лучше его не найти.

Вот уже в кудрях берёзы
Засветился жёлтый лист.
Значит, к нам крадётся осень –
Осторожный, хитрый лис.

Опалило первым холодом
Цветы в моём саду.
Убило иль поранило
Их нежную красу.

Отсияло лето золотое,
Отсветили яркие деньки.
И уже, курлыча на прощанье,
С моего болота улетают журавли.

Улетают журавли, улетают...
Что-то рано они нас покидают.
Сколько радости они мне дарили,
На крыльях весну приносили.

Болью-радостью сердце
Сжимается,
Клич журавлиный
Тревожит меня.

Болото моё отзывается
На этот прощальный
Крик журавля.
Журавль с перебитым крылом
С трудом невысоко
Взлетает над полем.

Журавлик, летел бы ко мне,
Со мной поделился бы болью.
Жестокая чья-то рука
Сгубила прекрасную птицу.

Журавль с перебитым крылом
Ночами тревожными снится.

Разноцветье листьев облетает,
Укрывая землю
Ласковым ковром.
Не успев заснуть,
Деревья о весне мечтают
И о лете золотом.

Как же быстро
Всё хорошее кончается,
Как же долго будет

2006/10/23 16:4

Капать, лить и дуть.
Остаётся лишь надеяться:
Снова дни весенние придут.

Стихи, словно птицы,
Прилетают внезапно.
Застигнут врасплох:
Прилетят – улетят.
И если поймать не успела,
Потом уже не поймать.

Дождливою осенью
Сложатся строки о лете,
О доброй весне, о зиме,
О плаче кукушки над лесом,
О символе счастья – моём журавле.

Стихи устать не позволяют,
Идут на помощь
В трудную минуту.
Они слезами разрешают
Облегчить раненую душу.

Шуршат под ногами
Опавшие листья,
Шепчет о чём-то дождь.
Идём мы с тобою
По жизни не вместе,
По жизни идём мы врозь.

Что стало причиною
Нашей разлуки,
Не знаем ни я, ни ты.
Забудем когда-нибудь

Наши встречи,
Забудем наши мечты.

Но будет это нескоро,
И будет это не враз.
О прошлом упрямо
Капли дождя твердят.

Шуршат под ногами
Опавшие листья,
Шепчет о чём-то дождь
Идём мы с тобою
По жизни не вместе,
По жизни идём мы врозь.

СОДЕРЖАНИЕ

Все началось с жалости 0
Иду своим путём 0
Трудное счастье 0
«Была средь полей деревенька...» 0
Выбор сделан 0
Осенний изумруд 0
Подарок министра 0
Экзотический злак 0
Ловим погоду 0
Клюква по-американски 0
«Неубранное канаплё» 0
Ломать не строить 0
Моя земля снова моя 0
Фермер от слова ферма 0
Гусинные истории 0
На всю оставшуюся жизнь 0
Волки 0
О моей маме 0
Журавлята 0
Сплошна лирика 0
По медвежьим следам 0
Морозко 0
Окно в мир 0
Изломанная судьба 0
Дегустация на болоте 0
А помнишь?.. 0
Имя Россия 0
Мои двенадцать месяцев 0

В. А. Макарова

ЖУРАВЛИ НАД ХУТОРОМ

Автобиографические очерки

Компьютерная вёрстка Светланы Рябихиной

Корректура Галины Чернядьевой

Подготовлено к печати Котельничской типографией.
Лицензия Комитета РФ по печати Плр № 040071
от 19 июля 1994 г.

Сдано в производство 12.01.2009 г. Подписано в печать
11.02.2009 г. Формат 84 х 108/16. Гарнитура "Miniature",
кегль 11. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19.
Тираж 200 экз. Заказ № 321.

Цена договорная

Отпечатано в Котельничской типографии.
612600, Котельнич, ул. К. Маркса, 7.